

# РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

## МИССИЯ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

### Откровение собственных тайн человеческого существа GA 194

12 лекций, прочитанных в Дорнахе с 21 ноября по 15 декабря 1919 г.

RUDOLF STEINER

DIE SENDUNG MICHAELS

Die Offenbarung der eigentlichen Geheimnisse des Menschenwesens  
Zwölf Vorträge, gehalten in Dornach vom 21. November bis 15. Dezember 1919

#### ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 21 ноября 1919 г.

Я хотел бы в эти дни поговорить о многообразии подходов, доступных нам, современным людям, к той духовной силе, о которой можно сказать: прорыв силы Михаила в духовные и тем самым также в прочие явления на земле. Сегодня нам понадобится еще подготовить все то, что необходимо при этом принять во внимание. Ибо потребуются разные подступы, которые позволят человеческому разумению отобразить похожие прорывы упомянутой силы, исходя из симптомов, которые мы ведь всегда замечаем вокруг. Мы всегда должны иметь в виду, если хотим серьезно говорить о духовном мире, что мы постоянно можем видеть проявления духовных сил здесь, в физическом мире. Мы пытаемся в известной мере проникнуть через завесу физического мира к тому, что действует в духовном мире. То, что существует в физическом мире, может наблюдать каждый; то, что действует в духовном мире, служит для разрешения проблем, которые ставит физический мир. Но только мы должны верно ощущать проблемы физической жизни. Именно в связи с этими важными вопросами необходимо со всей серьезностью воспринять то, что я говорил в недавних лекциях\*\* См. "Духовные подосновы социального вопроса, т. III, в Полном собрании сочинений (в дальнейшем ПСС), т. 191, ("Социальное понимание из духовнонаучного познания"). Невозможно увязать самовольную трактовку мира с истинным пониманием того, что глубоко касается не только всего человечества, но и всего мира. Мы должны освободиться от чисто личных пристрастий. Как раз таким образом мы можем лучше всего достигнуть понимания места и ценности личности во вселенной, если освободимся от всего личного в узком смысле слова.

Вы знаете, что эволюции нашей Земли предшествовало Другое развитие, так что мы находимся внутри космического цикла развития. Во-первых, вы знаете, что эта эволюция ступенчатая, что она достигла некоторого пункта, за пределы которого она выйдет, перейдя к следующим, более высоким ступеням. Во-вторых, вы знаете, что, если мы рассматриваем вселенную как таковую, нам приходится иметь дело не только с существами, которых мы встречаем в земной сфере, т. е. в минеральном, растительном, животном и человеческом царствах, но мы имеем также дело с существами, которые переросли эти царства; мы обозначаем их как существа высших иерархий. Если мы говорим об эволюции в ее полноте, то мы всегда должны принимать во внимание эти существа высших иерархий.

Эти существа в свою очередь также продлевают развитие, которое мы сможем понять, если найдем аналогии в нашей собственной человеческой эволюции и в том развитии, что имеет место в различных царствах земли. Рассмотрим следующее. Вы знаете, что мы, человеческие существа, прошли через эволюцию Сатурна, Солнца, Луны и достигли нашей Земли. Так что, рассматривая нашу космическую эволюцию, мы можем сказать, что как человеческие существа, как мы чувствуем себя наряду с окружающим миром, мы достигли четвертой стадии нашей эволюции.

Рассмотрим теперь существ, которые стоят непосредственно выше нашей человеческой ступени развития — тех, кого мы называем Ангелами. Если мы хотим просто провести аналогию, то мы можем сказать: эти существа, хотя их форма совершенно отлична от человеческой и они прежде всего невидимы для физических внешних чувств человека, находятся на эволюционной стадии Юпитера.

Обратимся теперь к Архангелам; они находятся на той стадии эволюции, которой человечество достигнет на Венере. А если мы обратимся к Архаям, Духам Времени, существам, которые совершенно своеобразно внедряются в нашу земную

эволюцию, то они уже находятся в эволюции Вулкана.

Здесь возникает важный вопрос: ведь существует клан существ еще более высокого ранга — иерархии так называемых Духов Формы; на какой стадии мы их найдем? Мы должны ответить: они уже прошли все те стадии эволюции, на которые мы, человеческие существа, взираем как на наши стадии эволюции в будущем. Они уже вышли за пределы эволюции Вулкана. Если мы рассматриваем нашу собственную эволюцию как состоящую из семи стадий, что достаточно для настоящего рассмотрения, мы должны сказать, что Духи Форм достигли восьмой стадии. Мы, человеческие существа, достигли четвертой стадии эволюции; если мы обратимся к восьмой стадии, то найдем Духов Формы.

Мы не должны представлять эти последовательные стадии эволюции как существующие бок о бок, но должны представлять их себе проникающими друг в друга. Как атмосфера окружает и преисполняет землю, так же и восьмая сфера эволюции, к которой принадлежат Духи Форм, преисполняет сферу, в которой живем мы, люди. Рассмотрим теперь подробнее эти две стадии эволюции.

Повторим: мы, человеческие существа, находимся в сфере, которая достигла четвертой эволюционной стадии. Однако мы существуем также, если пренебречь всем остальным, в области, которую духи форм вокруг нас и благодаря нам считают своей. Рассмотрим теперь конкретно человеческую эволюцию. Мы уже часто проводили различие в развитии человека относительно его органов. Мы различали развитие головы и развитие остального человеческого тела. Развитие последнего мы также расчленяем на две отдельные части — развитие груди и развитие конечностей. Опустим последнее разделение и будем рассматривать человека как имеющего, с одной стороны, то, что принадлежит к развитию головы, и с другой стороны — все то, что принадлежит остальному человеку.

Теперь вообразим следующее (рисунок 1). Перед нами морская поверхность. Человеческое существо, как бы переходя вброд море, движется в нем и только голова его держится над поверхностью воды. В этом образе — конечно, это только образ — вы имеете положение современного человека. Отнесем все то, во что голова пускает свои корни, к четвертой стадии эволюции, а то, благодаря чему человек помещается, когда идет или, если угодно, плывет, мы должны обозначить как восьмую стадию эволюции. Ибо своеобразие как раз в том, что человек некоторым образом перерос в своей голове тот элемент, в котором Духи Формы развертывают свое, свойственное им существо. В отношении строения своей головы человек стал как бы эмансипирован от той сферы, которая запечатлена сущностью Духов Форм.

### Рисунок

Только основательно усвоив это, можем мы действительно прийти к пониманию человека. Ибо только тогда сможем мы верно понять особенное положение человека во вселенной; только тогда станет нам ясно, что когда человек переживает определенное творческое влияние Духов Форм, то он переживает его не непосредственно через способности головы, а косвенно, через воздействие своего остального организма на голову. Мы все знаем, что дыхание связано с кровообращением в смысле "школьной" физиологии. Но кровь гонится также и к голове, создавая органическую жизненную связь головы с остальным организмом. Голова питается, голова формируется со стороны остального организма.

Мы должны точно различать две вещи. Первое — тот факт, что голова находится в прямой связи с внешним миром. Если вы видите какой-то предмет, вы воспринимаете его посредством ваших глаз; в этом заключается непосредственная связь между внешним миром и вашей головой. Однако когда вы осмысливаете жизнь вашей головы — то, как она поддерживается процессами дыхания и кровообращения, — вы имеете кровь, поднимающуюся из остального организма в голову, и вы можете сказать, что здесь имеется не прямая, а только косвенная связь между вашей головой и окружающим миром.

Разумеется, вы не должны говорить придирчиво: если дышать ртом, то и процесс дыхания также принадлежит голове. Поэтому было сказано, что это лишь образ. В отношении органов то, что проходит через рот, принадлежит в действительности не голове, а остальному организму.

Если вы пожелаете для начала иметь в виду эти основные положения, которые теперь усвоили, если захотите прочно удержать ту мысль, что мы находимся внутри двух сфер — в тех, к которым мы приведены благодаря тому, что мы проделали

развитие Сатурна, Солнца и Луны и пребываем в земном развитии, так что мы стоим на четвертой ступени нашего развития; если, далее, вы примите во внимание, что мы, помимо того, находимся в другой жизнедеятельности, в другой сфере, которая также относится к Духам Формы, как мы относимся к земле, но которая преисполняет нашу землю за исключением только нашей головы, так что мы всем нашим прочим организмом, всем, что не является деятельностью наших чувств, пребываем в этой восьмой сфере, — если вы имеете это в виду, то вы создали определенную базу для будущего.

Но сначала позвольте мне создать надежную основу при помощи еще других понятий. Если мы хотим рассмотреть нашу жизнь как протекающую под подобными влияниями, то нам не избежать рассмотрения существ, о которых мы часто упоминали как о принимающих участие в мировых событиях: это люциферические и ариманические существа. Сосредоточим для начала наше внимание на самых внешних свойствах этих существ. Они пребывают в тех же сферах, в которых живем мы, люди. Рассматривая самым внешним образом, мы можем представить себе все люциферические существа обладающими теми способностями, которые мы переживаем, когда в нас возникают склонность к фантазерству, когда мы гипертрофированно предаемся деятельности фантазии, мечтательности и восторженности, когда мы (если я смею прибегнуть к образному выражению) стремимся "прыгнуть выше своей головы". Если мы как люди стремимся "прыгнуть выше своей головы", то тут действуют силы, которые играют известную роль в нашем организме, но которые являются космическими силами тех существ, которых мы называем люциферическими. Представьте существа, образные полностью такими силами, которые внутри нас побуждают "прыгнуть выше своей головы", и это будет представление о люциферических существах, которые состоят в определенном отношении к нашему человеческому миру. Теперь подумайте, наоборот, обо всем том, что гнет нас книзу, к земле, что делает нас трезвыми филистерами, что толкает нас к развитию материалистических взглядов, что пропитывает нас тем, что можно звать сухим рассудком, и вы будете иметь ариманические силы.

Все, что я здесь описал со стороны душевной, может быть так же описано и со стороны телесной. Можно сказать, что человек, собственно, всегда находится на пересечении тенденций своей крови и своих костей. Кости постепенно стремятся привести нас в состояние затвердевания, другими словами — "ариманизировать" наши тела, сделать их жесткими. Кровь же хотела бы подвинуть нас превыше нас самих. Выражаясь в терминах патологии: кровь может стать лихорадочной, и тогда человек органически впадает в фантазерство. Кости тоже могут распространить свою природу на весь остальной организм. Тогда человек костенеет, становится склеротичным, как это до некоторой степени происходит почти с каждым в преклонном возрасте. Тогда он несет в своем организме мертвящий элемент — ариманическое. Мы можем сказать: все, что заложено в крови, тяготеет к люциферическому, а все, что заложено в костях, тяготеет к ариманическому, и человек — это равновесие между этими двумя тенденциями подобно тому, как в своей душе он должен балансировать между восторженной мечтательностью и трезвым филистерством.

Но мы можем охарактеризовать эти два рода существ также с более глубокой точки зрения. Понаблюдаем люциферические существа и посмотрим, какие интересы имеют они в космическом бытии. Мы найдем, что главным их интересом является заставить мир, именно мир людей, отпасть от тех духовных существ, на которых человек должен смотреть как на своих истинных создателей. Люциферические существа стремятся, ни больше ни меньше, заставить мир отпасть от божественных существ. Поймите меня правильно: намерением люциферических существ не является в первую очередь присвоить себе вселенную. Из различных характеристик их, которые я уже давал, вы можете сделать вывод, что это не является их главным намерением; их главным намерением является расщепить мир и то, что человек ощущает как свою собственную божественную сущность, побудить отпасть ее от мира.

Ариманические существа имеют другое намерение. Они питают решительное намерение сделать человеческое царство и всю остальную землю подчиненными их сфере могущества, сделать человека зависимым от них, добиться прежде всего власти над людьми. В то время как люциферические существа и прежде и теперь

работали и работают над тем, чтобы побудить людей отпасть от того, что они могут ощущать как свое божественное, ариманические существа стремятся постепенно вовлечь человечество и все, что связано с ним, в сферу своего могущества.

Таким образом, в пределах нашего космоса, в который включены мы как люди, происходит битва между люциферическими существами, постоянно стремящимися к всеобъемлющей свободе, и ариманическими существами, непрестанно стремящимися к власти и всемогуществу. Эта битва проникает во все, в чем мы живем. Пожалуйста, запомните этот факт как вторую важную для наших дальнейших рассуждений идею. Мир, в котором мы находимся, пронизан люциферическими и ариманическими существами, и в нем наличествует это мощное противостояние между освободительной тягой люциферических существ и властолюбивой тягой ариманических существ.

Если вы взвесите все это, то должны будете сказать себе: я буду в состоянии понять мир только тогда, если представлю его себе тройственным. Ибо мы имеем, с одной стороны, люциферическое, а с другой стороны — ариманическое и находящегося посередине человека, который, как третий элемент, находясь в равновесии между теми двумя, может ощущать свое божественное. Мы только тогда придем к правильному пониманию мира, если будем основываться на этой тройственности и ясно осознаем, что человеческая жизнь — это коромысло весов (рисунок 2)! Вот опора: с одной стороны — чашка весов с люциферическим элементом, толкающим ее вверх, с другой стороны — чашка весов с ариманическим элементом, тянущим вниз. Удерживать коромысло весов в равновесии и означает сущность человека. Все те, кто были посвящены в подобные тайны духовного развития человечества, всегда подчеркивали тот факт, что космическое бытие, в которое включен человек, только тогда может быть понято, если оно представляется в смысле тройственности, что мир нельзя постичь, исходя из какого-либо иного числа, кроме три. Итак, мы можем сказать, прибегая к нашей терминологии: мы имеем дело с тремя главными факторами в космическом бытии: это — люциферический элемент, представляющий одну из чаш весов, ариманический элемент, представляющий другую чашу весов, и состояние равновесия, которое представляет Импульс Христа.

### Рисунок

Теперь вам становится ясно, что в интересах люциферических и ариманических сил полностью скрыть эту тайну тройственности. Ибо правильное постижение этой тайны позволяет человечеству установить состояние равновесия между люциферическими и ариманическими силами. Это означает использовать, с одной стороны, люциферическое стремление к свободе в благих космических целях и, с другой стороны, — достичь того же с ариманическим элементом. Духовный стандарт человека состоит в том, чтобы правильным образом вписаться в эту тройственную структуру мира.

Ибо в том, что оказывало и оказывает влияние на человеческую духовную и культурную жизнь (об истоках этого присутствия мы будем подробнее говорить завтра и послезавтра) есть сильная тенденция сбить с толку человека в отношении этого значения тройственности. Существует проклятая тяга запутать человека по части этой, можно сказать, "свободы" тройственности. Мы можем отчетливо наблюдать в современной культуре, что концепция тройственности почти полностью заслоняется концепцией двойственности. Если мы хотим понять "Фауста" Гёте, то должны учесть, как я часто указывал\*См. "Духовнонаучные разъяснения к гётевскому Фаусту", тт. I — ". (ПСС, тт.272/273)., что эта сбивчивость в отношении тройственности повлияла даже на эту великую космическую поэму. Имей Гёте в свое время ясное представление об этом, он не представил бы мефистофельскую власть как единственного противника Фауста, который тянет Фауста вниз, но он противопоставил бы этой мефистофельской власти, о которой мы знаем, что она идентична ариманической, люциферическую, и тогда Люцифер и Мефистофель выступили бы в "Фаусте" как две противоборствующие партии. Я говорил об этом неоднократно. Если мы будем изучать фигуру гётевского Мефистофеля, то ясно увидим, что Гёте, характеризуя Мефистофеля, постоянно путает люциферический и ариманический элементы. Гётевский Мефистофель является фигурой, более или менее смешанной из этих двух элементов. В ней нет монолитности. Люциферический и ариманический элементы пестро перемешаны в ней. Я высказывался об этом более

подробно в моей брошюре "Духовный склад Гёте".

Эта путаница, которая вторглась даже в "Фауста" Гёте, основывается на заблуждении, укоренившемся в ходе новейшего развития человечества (в прежние времена это было иначе), — на замене тройственности двойственностью в понимании структуры мира: с одной стороны — доброе начало, а с другой — злое начало, Бог и черт.

Итак, мы должны твердо установить, что если человек жаждет надлежащим образом постичь фактическую структуру мира, то он должен признать тройственность: два противоположных элемента — люциферический и ариманический и божественное, которое сохраняет равновесие между теми двумя. Эта концепция должна быть противопоставлена заблуждению, вкравшемуся в духовное развитие человечества в виде идеи двойственности, идеи о Боге и дьяволе, о божественно-духовных силах вверху и дьявольских силах внизу. Это, можно сказать, выбивает человека из равновесия и растрясает, если от него сокрыт факт, что спасительное миропонимание может проистекать только из истинной концепции тройственности, а его заставляют поверить, что мировая структура определяется двойственностью. Ибо наилучшие человеческие стремления попадали под власть этой ошибки.

Если мы хотим углубиться в этот факт, то мы должны делать это без всякого предубеждения; мы должны вступить в сферу мышления, действительно свободного от предубеждений. Мы должны научиться проводить тщательное разграничение между самой вещью и ее наименованием. Мы не должны поддаваться обманчивой мысли, что, дав какое-либо название тому или иному существу, человек уже правильным образом постигает это существо.

Если мы думаем о тех существах, которые человек должен постигнуть как свои божественные существа, то следует сказать себе: мы только тогда верно постигаем эти существа, если представляем их себе осуществляющими равновесие между ариманическими и люциферическими началами. Мы никогда не сможем верно постичь божественное, если не вникнем в эту тройственность. Рассмотрите с этой точки зрения "Потерянный рай" Мильтона\*\**Джон Мильтон (1608—1674) — английский поэт. "Потерянный Рай", 1667 г. или "Мессиаду" Клопштока\*\*\*Фридрих Готтлиб Клопшток (1724 — 1803) — немецкий поэт. "Мес-иада", 1748-73., возникшую под влиянием "Потерянного рая".* Вы не найдете там ничего от действительного понимания трехчленной структуры мира; вы найдете вместо этого битву между мнимым добром и мнимым злом, битву между "небом" и адом. Вы встречаетесь там с глубоким заблуждением: с идеей двойственности, внесенной в духовное развитие человечества. Там вы находите то, что на разные лады укоренилось в народном сознании как бредовое представление о противоположности "неба" и ада, привнесенным в эти две космические поэмы Нового времени.

Ничего не меняет то, что Мильтон и Клопшток именуют небесных существ божественными. Таковыми человек сможет постичь их только тогда, если в основу будет положена тройственная структура бытия вселенной. Тогда только возможно будет сказать, что имеет место битва, которая ведется между добрым и злым началами. Но ведь положение вещей рисуется так, что предполагается двойственность, одному из членов которой приписывается все доброе, и он получает имя, принадлежащее собственно божественному, в то время как другой член представляет собой дьявольский, антибожественный элемент; что же означает это в действительности? Ни более и ни менее, как вытеснение действительно божественного из сознания и присвоение божественного имени люциферическому началу, так что в действительности мы имеем изображение битвы между Люцифером и Ариманом, только Ариман награжден люциферическими атрибутами, а царству Люцифера приданы божественные атрибуты.

Вы видите, какие далеко идущие последствия обнаруживает такое наблюдение. В то время как люди думают, что они имеют дело с противоположностью божественного и адского, как они описаны в "Потерянном рае" Мильтона и "Мессиаде" Клопштока, в действительности же они имеют дело с люциферическим и ариманическим элементами. О действительном, истинно божественном элементе там нет никакого понятия, вместо этого люциферический элемент наделен божественными именами.

"Потерянный рай" Мильтона и "Мессиада" Клопштока — это духовные произведения, которые проистекают из человеческого сознания нового времени.

То, что проявляется в них, суть господствующее сознание человечества, ибо заблуждение двойственности вошло в современное сознание людей нового времени, а истина тройственности отброшена. Самые глубокие произведения, созданные в новое время, которые с известной точки зрения по праву считаются принадлежащими к величайшим творениям человечества нового времени, являются майей, культурным наваждением, пристрастием из величайшего заблуждения человечества Нового времени. Все, что действует в этой глубоко ложной концепции, является творением ариманических влияний, тех влияний, которые в будущем сконцентрируются в воплощении Аримана, о чем я уже говорил\*  
*Лекции от 1 и 2 ноября в ПСС, т. 191, (ср. указание к стр. 5).. Ибо эта глубоко ложная концепция, в которой мы ныне оказались, является следствием того ложного взгляда на мир, повсеместно свойственного людям Нового времени, и их культуре, когда противопоставляется "небо" и ад. "Небо" рассматривается как божественный элемент, а ад — как дьявольский элемент, в то время как на самом деле мы имеем дело с люциферическим элементом, именуемым небесным, и ариманическим элементом, называемым адским.*

Вы должны осознать, какие интересы правят духовной историей нового времени. Даже концепция тройственности природы человеческого организма или человеческого существования в целом была в известном смысле уничтожена западной цивилизацией посредством постановлений Восьмого Вселенского собора в Константинополе в 869 г.\*(\*В "Canones contra Photium" на соборе, созванном против патриарха Фотия, в каноне 11 утверждалось, что человек имеет не "две души", а "unam animam tationabilem et intellectnalem". Высокоценный документ Штейнером католический философ Отто Вильманн пишет в своей трехтомной "Истории идеализма" (1894, т. II? с. 111, § 54): "Злоупотребления, учиненные гностиками с паулиническим различением психического и психического человека, когда одного выдавали за выхождение совершенства, а другого толковали как заместителя христиан, подданных церковного закона, подвигло церковь к громогласному осуждению Трихотомии".) Я часто упоминал об этом. Тогда была установлена догма, что христианин должен верить не в тройственность человеческого существа, но только в его двойственность. На веру в тело, душу и дух был наложен запрет, и средневековые теологи и философы, знавшие еще достаточно много об истинном положении вещей, имели немало затруднений при искажении этой истины, ибо так называемая трихотомия, трехчленность человеческого существа — из тела, души и духа — была объявлена ересью. Они были вынуждены учить двойственности, а именно тому, что человек состоит из тела и души, а не из тела, души и духа. И это есть то самое, о чем определенные существа, определенные люди очень хорошо знают — какое огромное значение для человеческой духовной жизни имеет эта подмена тройственности двойственностью.

Мы должны суметь заглянуть в такие глубины, если хотим правильно понять, почему в августовском номере журнала "Голоса времени" иезуитский патер Циммерман привлекает внимание к одному из новых декретов святой службы в Риме, запрещающий католикам получение после исповеди отпущения грехов, если они читают или имеют теософские сочинения или они принимают участие в чем-либо теософском. Иезуитский патер Циммерман разъясняет это постановление своей статьей в "Голосах времени"\*\*\**Отто Циммерман вел многолетнюю полемику с Рудольфом Штейнером и антропософией. В ноябрьском номере католического еженедельника он поместил статью "Церковное осуждение теософии", в котором Распространил декрет римской святой службы и на антропософию., заявляя, что оно относится прежде всего к моей антропософии и что те, кто желает, чтобы их считали истинными католиками, не должны интересоваться антропософской литературой. Он приводит в качестве одной из основных причин этого именно то, что антропософия различает тело, душу и дух и, следовательно, учит ереси вопреки ортодоксальному верованию, что человек состоит из тела и души.*

Я уже упоминал ранее, что современные философы приняли это разделение на тело и душу, не сознавая этого; они верят, что они занимаются свободной от предубеждений и предпосылок наукой и проводят объективные наблюдения, которые приводят их к убеждению, что человек состоит из тела и души. Однако на самом деле они следуют по пятам за той догмой, что проникла в духовное развитие нового времени. То, что ныне считается наукой, в сущности полностью зависит от подобных вещей, которые были внедрены в мир в ходе развития человечества нового времени. Не верьте тому, что вы сможете какими-либо добрыми словами (с какими, вы думаете, вообще следует обращаться к людям) обратить людей из этого круга, которые так клеветают на антропософию; не думайте, что вы сможете добиться их расположения к антропософии. Антропософия должна проложить себе дорогу в

мире своей собственной силой, а не посредством какой-либо протекции или какой-либо власти, какой бы христианской она ни казалась. Только с помощью внутренней силы сможет антропософия достичь того, что должно быть достигнуто ею в мире.

Вы должны ясно представить себе, что Импульс Христа может быть понят только тогда, когда увидят, что это — импульс равновесия между ариманическим и люциферическим, когда Ему отводят должное место в этой троице. Мы можем спросить: что же надо сделать, чтобы обмануть людей в отношении истинного Импульса Христа? Для этого нужно отключить их от понимания истинной троиственности мира и привести их к заблуждению двойственности, которая только тогда кажется оправданной, если мы имеем дело с проявленным, но не тогда, когда мы проникнем в то, что лежит за этим проявленным, что лежит в сфере истинного бытия.

В подобных вопросах мы должны смотреть на то, что выходит за рамки простой номенклатуры: называть ту или иную сущность Христом еще не значит найти Христа. И можно воспрепятствовать нахождению Христа через Христово Имя, если поставить двойственность вместо троиственности. Пожелай кто-нибудь увести людей от истинного постижения Христа, достаточно двойственность поставить на место троиственности. Но если кто-либо хочет указать на Христов Импульс в его истинном значении, то необходимо, чтобы двойственность была вытеснена троиственностью. Нам нет необходимости присоединяться к людям, объявляющим других еретиками; нам нет необходимости объявлять "Потерянный рай" Мильтона и "Мес-сиаду" Клопштока проклятыми дьявольскими творениями; мы можем продолжать восхищаться их красотой и величием. Но мы должны ясно понимать, что подобные сочинения, хотя и являются вершинами господствующей цивилизации Нового времени, совсем ничего не гласят о Христе, но проистекают из того заблуждения, что все, что не относится собственно человеческому развитию, должно быть причислено, с одной стороны, царству дьявола, а с другой стороны — обретению божеского. Но нет, мы обретаем чисто люциферическое. "Потерянный рай" изображает в действительности изгнание человека из царства Люцифера в царство Аримана; он описывает тоску человека не по божественному, но по утраченному раю, т. е. царству Люцифера. Вы должны рассматривать "Потерянный рай" Мильтона и "Мес-сиаду" Клопштока как прекрасные описания человеческой тоски по царству Люцифера; так должны вы их рассматривать, потому что таковы они и есть в действительности.

Вы видите, как необходимо пересмотреть некоторые превратившиеся в современное человечество представления. Если мы серьезны в нашем антропософском мышлении и постижении, то перед нами встают не мелочные, а очень важные перемены. Перед нами стоит необходимость принять очень серьезно одно выражение Ницше, часто им употребляемое, а именно, выражение "переоценка ценностей"\*\*.См. Ницше "Антихрист", § 62: "И вот считают время с того злосчастного дня, когда начался этот рок, с первого дня христианства! — Почему лучше не с последнего? Не с сегодняшнего? — Переоценка всех ценностей!" (Пер. Флеровой).. Мы должны отнестись к этому очень серьезно. Современные властители дум очень нуждаются в переоценке.

Это не означает, что мы сами должны сделаться людьми, клянущими еретиков. Мы постоянно исполняем здесь сцены из "Фауста" Гёте, и я сам, как вы знаете, посвятил десятилетия своей жизни изучению Гёте\*\*\* Ср. Р. Штейнер "Мой жизненный путь" (ПСС, т. 28).. Но из моей книжки "Духовный склад Гёте" вы можете усмотреть, что это не сделало меня слепым в отношении ложной характеристики, приданной Гёте фигуре Мефистофеля. Это было бы совсем по-филлистерски, если бы мы сказали: Мефистофель Гёте является фальшивой фигурой, поэтому отбросим его. В этом случае мы поступили бы, как инквизиторы. Как современные люди, мы не должны занимать такую позицию. Но, с другой стороны, мы не должны беспечно относиться к идеям, вошедшим как бы в плоть и кровь широчайших народных масс в ходе развития духовной жизни нового времени. Человечество должно еще научиться неизмеримо многому. Оно должно переоценить многие ценности.

Все это связано с провозвестием Михаила в отношении тех существ высших иерархий, с которыми он опять-таки соединен. В последующих лекциях мы покажем, как можно прийти к пониманию тех импульсов, которые излучаются сущностью Михаила в наше земное существование.

## ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 22 ноября 1919 г.

Я сказал в предыдущей лекции о том заблуждении, которое вкралось в духовную жизнь Нового времени и которое ныне замечают лишь очень немногие. Вы, верно, помните из наших выкладок, что, указывая на это заблуждение, мы приходим к очень важному пункту духовно-научных рассуждений. Для плодотворного развития духовной жизни человека необходимо внести ясность в этот вопрос. Я привлек ваше внимание к таким творениям культуры, как "Потерянный рай" Мильтона и "Мессиада" Клопштока, которые рождены широко распространенными воззрениями последних столетий. Но я также привлек ваше внимание к тому факту, что именно благодаря таким художественным и вообще духовно выдающимся творениям культуры мы как раз можем заметить опасности, которые встают перед человеческой душевной жизнью, если человек не сумеет ясно понять, что невозможно прийти к истинному, необходимому для него понятию духа, истинному понятию Христа до тех пор, пока он воображает, что можно постичь структуру космоса, духовное при помощи эмблемы двойственности. Проводя различие, исходящее из понятия только двойственности и усматривая по одну сторону добро, а по другую — зло, люди впадают в ту ошибку, что приписывают злу все то, что мы должны обозначить как появившееся с ходом времени люциферическое и ариманическое. Люди тогда не отдают себе отчета в том, что они смешивают два космических элемента воедино. Затем они с другой стороны вплетают на деле люциферический элемент в понятие добра; другими словами, верят, что чтят божественное, познают божественное, говорят о божестве, в то время как в действительности они подмешивают люциферическое в божественное. Отсюда и происходит великая трудность для современности в отношении чистого понятия божественного и чистого понятия Христова Импульса в человеческой и мировой эволюции. В течение последних столетий развития культуры мы привыкли вследствие признания идеи двойственности говорить, с одной стороны, о душевном, а с другой — о телесном, или плотском. И мы утрачивали связь между теми представлениями, которые передают душевно-духовное, и теми, которые передают телесное. Мышление, страсти, воление, чувство для современных людей означает немногим больше, чем пустые слова, и это особенно верно в отношении современной школьной психологии. Люди, таким образом, не приходят ни к каким реальным, внутренне содержательным понятиям об этом душевном элементе. С другой стороны, люди говорят о бездуховном материальном, о бездушевном материальном, и они словно бы об этом неподатливое, непроницаемое, бездушное материальное и никак не могут перебросить мост от него к душевному.

Вездесущая духовность и одухотворенная телесность раздалась для людей на два элемента. Пустые теории не построят никакого моста между телесным и духовным, и так как это не удастся, то для всего научного мышления стал характерен этот раскол между телесным и духовным, или душевным. Можно сказать: с одной стороны, различные конфессии указывают на некое духовное, не будучи в состоянии объяснить, как это духовное осязательно вступает в телесно-плотское и творчески развертывается; с другой стороны, бездушное знание, бездушные естественнонаучные воззрения на телесное не в состоянии нигде сквозь телесные процессы уловить духовно-душевное, правящее этими телесными процессами. Каждый, кто рассматривает с этой точки зрения естественнонаучную концепцию мира, как она развилась в течение XIX столетия, должен сказать себе: все в этой концепции вселенной есть результат того, что было только что охарактеризовано. Но мы должны в первую очередь увязать то великое, что вытекает из разнообразных предпосылок, которые достаточно уже здесь обсуждались, прежде чем полностью узреть то заблуждение, которое сегодня скрывает реальность. Сегодня человеческое существо рассматривается как единое, нераздельное существо, независимо от того, говорим ли мы о душе или о теле. Со стороны душевной человек рассматривается как единое существо, и со стороны телесной он рассматривается тоже как единое существо. Однако из наших прежних рассуждений вы можете усмотреть, что в человеческом существе прежде всего существует великая противоположность между формацией головы и всем остальным его организмом. Эта остальная часть человеческого тела может быть подразделена дальше, но для настоящего рассмотрения примем ее за целое (Правая сторона рисунка 3). Если мы следуем развитию человеческого существа, то

увидим, что совсем иначе обстоит дело с формацией головы по сравнению с остальным телом.

### Рисунок

Когда мы рассматриваем формацию головы, прежде всего с чисто телесной стороны (в той мере, в какой эта формация содержит органы для восприятия внешнего мира и для мышления), то должны заглянуть далеко назад, в космическую эволюцию человека. То, что находит сегодня выражение в образовании головы, развивалось и преобразовывалось постепенно. Это развитие пронизывает миры древнего Сатурна, Солнца и Луны — и затем продолжалось в течение эволюции Земли. Не так обстоит дело с остальным человеческим телом. Совершенно неверно было бы искать единую историю эволюции всего человеческого существа в целом. Мы можем сказать (д-р Р. Штайнер рисует на доске, рис. 3): образование головы указывает назад, на предыдущие планетарные стадии развития нашей Земли — на эволюцию Луны, Солнца, Сатурна; развитие, которое нашло свое непосредственное завершение в образовании человеческой головы, идет далеко. Если мы обратимся к тому, что принадлежит к реальному телу человека, нам не придется возвращаться так далеко — вплоть до эволюции древнего Сатурна. Образование груди может быть прослежено назад только до эволюции древней Луны (на рисунке: разделительная вертикаль); конечности же добавились к человеческому существу только в ходе эволюции Земли.

Мы можем верно рассматривать человеческое существо, только прибегнув к следующему сравнению. Но, пожалуйста, примите это только как Сравнение. Вы легко можете предположить, что благодаря некоторым органическим условиям в Космосе, благодаря некоторым состояниям адаптации, связанным с условиями внутреннего роста, человеческое существо может вырастить себе какие-то новые части тела. Вы не будете тогда проследивать все человеческое формообразование в его предшествовавшей эволюции, но скажете: человек как эволюционирующее существо может быть прослежен далеко в прошлое, но та или иная часть тела добавилась позднее, лишь в определенный момент. Причина, по которой соблазнительно думать не так применительно к голове и остальному организму, заключается только в том, что по своим внешним пространственным параметрам остальной организм человека больше, чем голова. Истина ведь в том, что образование головы уходит дальше всего вглубь эволюции, а остальная часть человеческого организма прибавилась позже. Если вообще говорить об эволюционной связи человека с животным миром, то мы можем только сказать следующее: человеческая голова восходит назад, к ранней стадии сотворения животного, человеческая голова — это преобразованная животная форма, причем весьма сильно преобразованная.

В те времена, когда животных еще не существовало, человеческое существо внешне при совершенно иных физических условиях имело животную форму. Животные позже добавились к человеку. Однако та часть человеческого существа, которая прошла развитие животных, превратилась в то, что сегодня является головой человека, а то, что было прибавлено к голове как остальной человеческий организм, добавлялось одновременно с развитием животных и не имеет ничего общего с истинным происхождением от животного. Мы можем сказать: кажущаяся наиболее благородной частью человеческого существа голова указывает нам ретроспективно на животное; в отношении головы человеческое существо само имело некогда род животной формы. Наш же остальной организм мы получили как органическое добавление к голове во время той космической эволюции, при которой имело место параллельное развитие животных.

В определенном смысле голова сделалась нашим органом мышления. Наш орган мышления является той частью, которая, если можно употребить такое выражение, имеет живое происхождение. Если вы рассматриваете сегодня человеческую голову, то вы не сразу обнаружите анатомические черты, которые указывают на животную форму. Однако при более точном исследовании с правильной интерпретацией форм органов головы вы распознаете их как преобразованные органы животного.

Учитывая все это, мы должны в то же самое время упомянуть, что трансформация головы из животной формы к человеческой привела к тому, что человеческая голова уже вошла в обратную (регрессивную) эволюцию. То, что на

ранних стадиях эволюции было преисполнено живой жизнью, находится в человеческой голове уже на пути умирания. Я однажды уже сказал следующее: "Если бы мы как люди были только головой, мы вовсе не смогли бы жить, мы непрестанно умирали бы, так как органические процессы, совершающиеся в голове силами самой головы, являются не процессами жизни, а процессами умирания". Человеческая голова постоянно оживотворяется остальным организмом. Голова обязана полностью организму своим участием в общей жизни организма. Если бы голова просто положились на те силы, для которых она организована, т. е. на силы чувственного восприятия и мышления, то она была бы непрестанно умирающей. Ее постоянной тенденцией является умирание; она должна быть постоянно оживляема заново. Когда мы мыслим, когда мы воспринимаем нашими органами внешних чувств, тогда в нашей голове, в нашей нервной системе и ее связях с органами внешних чувств имеет место процесс, противоположный жизненному процессу, например роста, ибо мы могли бы только спать, мы впали бы в глубокий сон, мы никогда не смогли бы ясно мыслить. Только благодаря тому факту, что смерть постоянно пронизывает нашу голову, что в ней идет непрерывная обратная (регрессивная) эволюция и органические процессы в ней постоянно оттесняются, в нашей голове могут иметь место мышление и чувственное восприятие.

Кто пытается материалистически объяснить мышление и восприятие внешних чувств, тот совсем не знает, какие имеются процессы происходят в нашей голове; он верит, что происходящие там процессы могут быть сравнимы с процессами органического роста и подобными им. Но это не так. Процессы, протекающие параллельно с чувственными восприятием и мышлением, являются процессами отмирания — процессами вредоносного распада. Органическое, материальное должно сначала подвергнуться распаду, разрушению; затем над органическим процессом разрушения возникает процесс мышления.

Вы видите, что эти вещи понимаются ныне людьми таким образом, что делаются попытки объяснить их природу чисто внешне. Человек мыслит, человек воспринимает внешние впечатления, но он ничего не знает о том, что одновременно с этим происходит параллельно в его организме; это полностью остается в бессознательном. Только посредством тех операций, которые я описал в моей книге "Как достигнуть познания высших миров", возможно постепенно взойти к познанию душевного не только на словах. Когда душа проходит такого рода развитие, она может, с одной стороны, даваться мышлению и восприятиям внешних чувств, а с другой стороны — одновременно постигать то, что совершается в мозгу. Она тогда воспринимает там не то, что было процессом роста, а процесс распада, который должен непрерывно сглаживаться остальным организмом.

Это трагическое явление, сопровождающее истинное познание деятельности нашей головы. В голове нет расцвета органических процессов, которым мог бы радоваться ясно мыслящий, когда он мыслит, когда он воспринимает своими органами внешних чувств; наоборот, он должен познакомиться с процессом разрушения. Он должен также узнать тогда, что материалистически мыслящие люди предполагают наличие в голове таких процессов, каких там не может происходить, когда человек мыслит или воспринимает внешними органами чувств. Материализм вынужден предполагать как раз противоположное действительности.

Итак, в человеческой голове мы имеем дело с развитием происходящего от животного царства, но с развитием, ставшим уже нисходящим, с процессом распада. Остальная часть человеческого организма проходит восходящее развитие, прогрессирующую эволюцию. И мы не должны думать, что она не имеет своей доли в душевно-духовном и своей части в человеке. Не только наша кровь постоянно посылается вверх, в голову, остальным организмом, но также непрерывно принимаются вместе с кровью в голову те душевно-духовные мыслеформы, из которых соткана вселенная, а также и наш организм. Эти душевно-духовные мыслеформы еще не воспринимаются человеческим существом в его нормальном состоянии, но придет время, когда человек начнет воспринимать то, что поднимается из его собственного существа как мыслеформы. Как вы знаете, мы спим не только с момента засыпания до пробуждения; частью нашего существа мы спим весь день. Мы бодрствуем только в отношении нашего мышления и восприятия внешних чувств, мы грезим в отношении нашей эмоциональной жизни и спим глубоким сном в отношении нашей жизни воли. О нашем волеизъявлении мы знаем ведь только соответствующие мысли, идеи, а никак не сам Процесс воления.

Деятельность нашей воли столь же бессознательна, как и наша жизнь в глубоком сне с момента засыпания до момента пробуждения. Но если мы спросим: "Где тот единственный путь для познания действительно божественного?", то мы не можем указать на путь через голову, через восприятия внешних чувств, через мышление, но только на путь, ведущий через наш остальной организм. Мы имеем здесь дело с великой и могущественной тайной, что развитие человеческой головы прошло через длинный ряд стадий эволюции, что затем к ней постепенно добавилось то, что управляет остальным организмом человека; что голова вступила уже в обратную, регрессивную эволюцию, но то, что человек может ощутить как свое божественное, должно гласить ему только через его остальной организм, а не через голову. Ибо очень важно вполне уяснить себе, что через голову гласят человеку прежде всего люциферические существа. Мы можем сказать, что остальной организм человека был создан в добавление к его голове ради того, чтобы ему могли гласить его боги. В начале Библии не стоит: Бог послал луч света человеку, и он стал живою душою, но там мы читаем: Бог вдохнул дыхание жизни в человека, и он стал живою душою. Здесь верно передано знание того, что божественный импульс пришел к человеку не через деятельность головы. Из этого вам должно быть понятно, что божественный импульс мог вначале прийти к человеку только в виде бессознательного ясновидения или по меньшей мере через постижение того, что дается через бессознательное ясновидение. Если вы будете изучать Ветхий Завет нашей Библии, вы найдете, что он является плодом бессознательного ясновидения; это сознавали те, кто принимали участие в создании Ветхого Завета. Я не могу описывать вам сегодня, как был создан Ветхий Завет, но я хотел бы указать, как много можно привести наблюдений того, что учителя древнего еврейского народа вполне сознавали тот факт, что их Бог гласил то, что гласил в моменты ясновидения, как то Моисею из неопаленной купины и т. п., не через непосредственное восприятие внешних чувств, не через посредство обычного мышления и вообще не через то, что передает голова, но их Бог гласил им через сновидения — не через обычные сновидения, но через сновидения, пронизанные реальностью. И когда посвященных этого древнего времени спрашивали о пути, каким приходит к ним божественный зов, то они отвечали: нам гласит Бог, имя которого неизреченно, но Он гласит нам через Свой лик. И лик своего Бога они называли Михаилом — той духовной силой, которая принадлежит к иерархии Архангелов. Они ощущали своего Бога как остающегося неведомым за покровом явлений также и для ясновидящего. Но когда ясновидящий через внутренний строй своей души возносился к своему Богу, тогда Михаил гласил ему. Но сей Михаил гласил людям только тогда, когда они были способны перенестись в состояние сознания, отличное от обычного, — если они могли перенестись в состояние некоторого ясновидения, при котором в их сознание вступает то, что в противном случае живет и творит в человеке в течение времени между засыпанием и пробуждением или же действует посредством воли, которая остается подсознательной и находится, собственно, в состоянии сна даже во время дневного бодрствования человека.

Вот почему в древнееврейском тайноведении откровение Ягве называлось откровением в ночи: откровение Ягве через откровение Михаила ощущалось как ночное откровение. Таким образом, когда человек, с одной стороны, взирал на мир и воспринимал все, что он может получить посредством внешних чувств и посредством рассудочного человеческого мышления, то он говорил себе: познания, сведения, которые приходят к человеку этим путем, не содержат непосредственно божественного. Однако, если человек развивает другое состояние сознания, тогда Лик Бога — Михаил — гласит ему и открывает настоящие тайны, относящиеся к человеческому существу; его откровение зиждет своего рода мост между человеком и теми силами, которые не могут быть восприняты в мире внешних чувств и которые не могут быть постигнуты рассудком, связанным с мозгом.

Таким образом, можно сказать следующее. Люди дохристианских времен жили так, что они могли ориентироваться, с одной стороны, на познание мира внешних чувств, которое вело их в земных делах, а с другой стороны, обращаться к тому познанию, которым человек обладал бы в обычном состоянии сознания (но он не обладает этим), если бы это состояние оставалось бодрствующим также во время сна, между засыпанием и пробуждением. В то время, когда создавался Ветхий Завет, люди знали, что человек находится в своем бодрствовании в окружении духовных существ, но эти духовные существа являются люциферическими существами. Те же

существа, которые ощущались как божественные создатели человечества, действовали в человеке с момента его засыпания и до пробуждения или в тех частях его существа, которые спят и в течение дневного бодрствования. В те времена, когда создавался Ветхий Завет, Ягве назывался Владыкой Ночи; Михаил — Лик Ягве — назывался служителем Владыки Ночи. И люди того времени имели в виду Михаила, когда упоминали о пророческих наитиях, через которые они получали познание большее, чем приходящее из мира внешних чувств.

Какое осознание сокрыто за всем этим? То осознание, которое происходит из той сферы бытия, где пребывает Ягве вместе с окружающими его силами, между тем как образ головы человека осенено люциферическими существами. Тайна, что человек своей головой, которая расположена выше его остального организма, обращен к люциферическим существам, была хранимой во всех древних храмах, и это было тайной, в которой человек близко подошел к той истине, что по причине того, что голова вознесена над человеческим организмом, человек благодаря своей голове обращен к люциферическим существам. Некоторым образом знали, что, поскольку голова вознесена над человеческим организмом, Люцифер проглядывает из человеческого организма. Сила, которая вела человеческую голову из животного состояния и привела к нынешнему облику, — это люциферическая сила; и та сила, которую человек должен ощущать как божественную, должна притекать в его голову из остального организма в ночном его состоянии. Так обстояло дело с тем, что можно было знать в дохристианские времена.

Затем Мистерия Голгофы пронизала развитие Земли. И мы знаем, что Мистерия Голгофы означает соединение сверхземной сущности с земным человеческим развитием через тело Иисуса из Назарета, что через смерть на Голгофе это существо, которое мы называем Христом, соединило себя с земным человеческим существом. Что благодаря этому свершилось в развитии Земли? Благодаря этому событию земное развитие, собственно, впервые получило свой истинный смысл. Земля не имела бы своего смысла, если бы человек должен был рабствовать на этой земле, пребывая там со своими внешними чувствами и рассудком, связанными с головой, которая имеет прежде всего люциферическое происхождение, воспринимая мир света, стремящийся вниз, на землю, от солнца и небесных светил; он должен был бы цепляться за состояние сна, чтобы воспринимать божественное. В этих условиях Земля никогда не обрела бы своего смысла, так как бодрствующий человек составляет одно с землей. Благодаря тому, что существо Христа жило в человеческом теле, которое прошло через смерть, в развитии Земли произошел своего рода прорыв. Все в земном развитии получило новый смысл. Прежде всего для человека образовалась возможность начать постепенно познавать сотворившие его божественные силы и в дневное время, во время обычного бодрствования, т. е. в своем обычном состоянии сознания. Заблуждение на этот счет еще господствует только потому, что время, протекшее от Мистерии Голгофы, еще недостаточно, чтобы привести человека также в дневном бодрствовании к прозрению в тот мир, который пророки Ветхого Завета были способны узреть, когда они ощущали себя проникнутыми откровениями их Владыки Ночи, Ягве, и его лика — Михаила. Потребовался переходный период. Но на Исходе XIX столетия (вся восточная мудрость указывает, хотя и с совершенно иной точки зрения, на важность этого исхода XIX столетия)\* \*Подразумевается конец так называемой Кали Юга, т.е. темной эпохи, в 1899 г., по истечении которой начинается новая духовно светлая эпоха. наступило время, когда люди должны познать, что совершилось нечто такое, чего прежде не было, а именно: что ныне внутри них есть скрытая способность, превращая для пробуждения способность лицемерить в дневном откровении то, что прежде сообщалось только в ночном откровении через Михаила.

Однако этому должно предшествовать время великого заблуждения, как бы ночь познания. Я часто говорил, что я не согласен с теми, кто постоянно утверждает, что наше время — это переходная эпоха. Я достаточно хорошо знаю, что всякое время является переходной эпохой, но я не хочу останавливаться на таком формальном абстрактном определении, так как суть в том, чтобы можно было ясно указать, в чем состоит переходность того или иного времени. Переходность нашего времени заключается в том, что люди должны познать: то, что ранее получалось только в ночном познании, теперь может быть получено через дневное познание. Другими словами: Михаил был дающим откровение в ночи, а в наше время он должен стать дающим откровение в течение дня. Из Духа Ночи Михаил должен стать

Духом Дня. Для него Мистерия Голгофы означает преобразование из Духа Ночи в Духа Дня.

Но этому познанию, которое проложит свою дорогу среди людей гораздо скорее, чем мы сегодня думаем, должно предшествовать великое заблуждение, величайшее из мыслимых в эволюции человечества заблуждение, несмотря на то что многими современными людьми оно еще рассматривается как особенно важная и существенная истина. Происхождение человеческой головы стало полностью сокрытым от человечества нового времени; люциферическая духовность, связанная с человеческой головой, стала полностью сокрытой. Человеческое существо, как я говорил, стало рассматриваться как нечто единое также и в телесном отношении. На вопрос о его происхождении был дан ответ, что человек происходит от животного; однако на самом деле только то, что в человеке является люциферическим, есть отпрыск животного. Та же часть человека, через которую его божественные создатели гласили ему прежде из его состояния сна, впервые возникла как дополнение к человеческой голове в то время, когда животные начали бытие бок о бок с ней. Все в человеке смешали вместе и говорят, что человек, мол, произошел от животного. Это как бы "кара" познания, постигшая человечество (слово "кара" я тут употребляю в несколько ином, по сравнению с общепринятым, смысле).

Откуда же, собственно, пришла эта тенденция, приведшая к измышлению о происхождении человека от животного? Ведь истина заключается в установленных нами фактах в отношении происхождения головы и всего остального человеческого организма. Кто внушил человеку измышление о том, что весь человек полностью происходит от животного?

Видите ли, в промежуток времени между Мистерией Голгофы и нашими днями, который был в некотором смысле временем подготовки к пониманию Мистерии Голгофы, когда отступила древняя языческая мудрость, с помощью которой люди вначале пытались постичь христианство, и когда новое духовное познание еще не достигло полной зрелости, — в это самое время в человеческое развитие постепенно вкрался ариманический элемент. И как человек не распознал люциферический элемент в человеческой голове, так не смог он распознать в остальной части человеческого организма и ариманический элемент, находящийся в борьбе с божественным. И таким образом возникло чисто ариманическое измышление, что человек происходит от животного.

То, что человек происходит от животного, является ариманическим внушением; эта теория носит чисто ариманический характер. Помрачению мудрости, которая указывала на человеческую голову как на люциферическое образование, мы обязаны заблуждением, что человек, мол, происходит от животного. Утратив верное понимание происхождения человеческой головы, люди оказались не в состоянии правильным образом узреть и другое. И так вкралось в человеческое сознание мнение о родстве существа человека как целого с Животным царством. Все мировоззрение нашей цивилизации Нового времени в своей основе проникнуто ложной идеей, что человеческая голова является благороднейшей частью человека, и она противопоставляется остальной части его организма точно так же, как добро в мире противопоставляется злу, "небо" — аду, двойственность вместо тройственности. Истина же заключается в том, что человек тем, что он достигает в мире при помощи головы, обязан прежде всего космической мудрости, но мудрости люциферической, и эта люциферическая мудрость должна постепенно пропитаться другими элементами.

После того, как развитие человечества прошло через стадии Сатурна, Солнца и Луны и началось развитие Земли, та самая духовная сила, которую мы называем силой Михаила, направила люциферическую сущность на образование человеческой головы. "И он низверг духов противления вниз, на землю", иначе говоря, путем этого низвержения люциферических духов, противившихся Михаилу\**Ср. ПСС, т. 177 "Духовные кулисы внешнего мира. - Низвержение духов тьмы".*, человек был прегражден прежде всего своим разумом — тем, что исходит из его головы.

Таким образом, это Михаил послал своих противников к человеку с тем, чтобы, приняв этот противоборствующий люциферический элемент, человек мог получить прежде всего свой разум. Затем Мистерия Голгофы вошла в развитие человечества. Сущность Христа прошла через смерть Иисуса из Назарета и связала Себя с развитием человечества.

Время приготовления прошло. Михаил сам, в сверхчувственных мирах участвовал в последствиях Мистерии Голгофы. Начиная с последней трети XIX столетия\*\*\* *Подразумевается наступление в 1879 г. новой эпохи Михаила.*, Михаил занимает исключительное положение внутри развития человечества. Первым плодом правильного понимания этого положения человека по отношению к Михаилу является проникновение в такие тайны, как та, например, которая касается человеческой головы и остального человеческого организма, о чем идет речь сегодня.

Для человека очень важно уяснить, что, пока он не познает истинного происхождения человеческой головы, он обязательно будет впадать в заблуждение относительно происхождения всего человеческого существа в целом. Ибо, не желая признать, что люциферическое формообразование имело место прежде всего в человеческой голове, люди впадают в то заблуждение, что все, относящееся к человеческой голове, имеет то же происхождение, что и остальное человеческое существо. Человечество должно проникнуть в эти тайны. Оно должно прийти к возможностям смело и отважно противоборствовать заблуждениям знанием того, что через овладение новыми божественными тайнами оно может как-то исправить в своей внутренней жизни все то, что получено просто через познание головой, посредством просто человеческой, земной мудрости или толковости. И прежде всего должно быть исправлено великое заблуждение, предполагающее поворот вспять, — заблуждение, которое заключается в материалистическом истолковании эволюционной теории о происхождении всего человеческого существа от животного.

Только на этом пути мы снова приходим к возможности вообще в человеке, каким он нам предстоит, узреть не просто духовно-душевное, которое, с одной стороны, только обитает в теле, а с другой — неодушевленное тело, а созерцать то конкретно-духовное, которое работает, хотя и люциферическим способом, в человеческой голове, и то конкретное божественно-духовное, которое работает во всем человеке в целом, но которому противоборствует супостат, находящийся в ариманической натуре человеческой организации, за исключением головы.

Выражаясь имагинативно, мы можем указать на тот факт, что люциферическое было внедрено в человека через импульс Михаила; через то, чем теперь стал Михаил. Ариманическое, в свою очередь, должно быть отнято у человека. Для нынешней внешней науки истина о человеке представляется слагающейся из анатомических и физиологических данных, или того, что мы имеем как сумму внешних чувственных наблюдений над человеком. Мы должны стать способными так рассматривать человека, чтобы в каждой клеточке его видеть Духовное, конкретно-духовное существо вместе с телесным.

Мы должны будем осознать, что кровь, которая течет в жилах человеческого существе, — не та самая кровь, каплю которой мы берем из него для исследования, но кровь, текущая в живом человеческом существе, — особенным образом пронизана духом. Мы должны научиться познанию духа, пульсирующего в нашей крови. Мы должны научиться познанию духа, пульсирующего затем в нашей нервной системе тогда, когда она проходит через фазу умирания, и т. п. Мы должны быть в состоянии узреть духовный элемент во всех отдельных проявлениях жизни.

Михаил — это мощный дух. Вступая в развитие человечества, он должен внести в него то, что мы не станем больше признавать, с одной стороны — абстрактную духовность, а с другой стороны — материальность, которую мы пальпируем, которую мы анатомируем и о которой не имеем ни малейшего предчувствия, что это только внешне проявляющаяся форма духовного; Михаил должен пронизать нас крепкой силой, которая позволит нам прозревать материальное, видеть в материальном повсюду одновременно и духовное. На древнюю стадию человеческого сознания было указано в следующих словах: в древнее время Слово жило духовным образом; но Слово стало плотью и обитало среди нас. Таково выражение евангелиста. Слово соединилось с плотью, и рождение Михаила предшествовало тому событию. Все это — суть процессы, происходящие в человеческом сознании, о котором здесь шла речь. Должен начаться обратный процесс, который состоит в том, что к слову евангелиста добавляется еще другое. Мы должны приобрести в нашем сознании такую силу, чтобы узреть, как человек воспринимает то, что из духовных миров через Импульс Христа соединилось с Землей и что должно соединиться с человечеством, чтобы человечество не погибло вместе с Землей. Надо достичь того, чтобы человек,

воспринимая духовное не только в свою голову, но во все свое существо, весь пронизывал себя духовным. Только Импульс Христа может помочь нам в этом, а также Импульс Христа в его интерпретации импульсом Михаила. Тогда к приведенным словам евангелиста можно будет добавить: "И должно прийти время, когда плоть снова станет Словом и научится обитать в царстве Слова".

Это не домысел позднейшего переписчика, когда в заключении Евангелия сказано, что многое тут опущено; тем самым указано на то, что только постепенно может быть открыто человечеству. Те, кто полагают, что Евангелия должны оставаться такими, какие они есть, и в неприкосновенности, плохо понимают их. Они должны толковаться в соответствии со словами Христа Иисуса (я всегда говорил вам о них): "Я есмь с вами во все дни, вплоть до конца земных времен". Это значит: "Я открыл Себя вам не только в те дни, когда были написаны Евангелия: Я буду говорить вам всегда через Моего Духа Дня, Михаила, если вы ищите путь ко Мне. Вы сможете, благодаря продолжающемуся Христову откровению, добавлять к Евангелию то, что могло стать известно не в Евангелии первого тысячелетия, но, пожалуй, только в Евангелии второго тысячелетия и к чему еще все новое и новое можно будет добавить в последующие тысячелетия". И как истинно то, что написано в Евангелии: "В начале было Слово, и Слово стало плотью и обитало среди нас", столь же истинно откровение, которое мы должны присовокупить: "И плоть человека должна снова стать пронизанной духом, чтобы она стала способной обитать в царстве Слова и лицезреть божественные тайны". Становление Слова плотью есть первое откровение Михаила; становление плоти духом должно быть вторым откровением Михаила.

### ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

*Дорнах, 23 ноября 1919 г.*

Позавчера я сказал вам о том, что мы как члены человечества, живем прежде всего в той сфере, которую мы можем обозначить как нашу четвертую сферу эволюции. Мы знаем, что развитие Земли происходило постепенно, начавшись с развития Сатурна; затем последовало развитие Солнца, потом — развитие Луны и, наконец, настало развитие Земли. Если мы будем держать в уме эти четыре последовательные ступени планетарного развития Земли, к которому, разумеется, принадлежит и человечество как таковое, то мы должны рассматривать человека лишь постольку, поскольку человек есть головное существо. Говоря так, мы должны уяснить себе, что выражение "голова человека" является символическим обозначением всего того, что принадлежит к восприятиям человеческих внешних чувств, что принадлежит к человеческой разумности и что в свою очередь вливается в социальную жизнь через человеческие восприятия внешних чувств и разумность. И также все то, что человек проделывает в своем развитии как существо, обладающее восприятиями внешних чувств, как мыслящее существо, должно быть охвачено этим символическим обозначением. Поэтому когда я говорю о человеке как о "головном существе", то я говорю образно и подразумеваю все то, что я только что упомянул.

Мы с легким сердцем говорим о том, что мы как физические человеческие существа находимся в окружающей нас атмосфере. Мы должны усвоить, что эта атмосфера принадлежит нам самим. Ибо, не правда ли, воздух, который находится сейчас в нас, совсем недавно был вне нас? Мы вовсе не мыслимы как человеческие существа вне этой атмосферы. Но мы ныне привыкли верить, что так было и прежде и что о таких вещах, как воздух и тому подобное, можно говорить только на современный лад. Это, однако, вовсе не так. Сегодня покажется довольно странным, если сказать, что мы гуляя на воздухе, странствуем в той сфере, которая держит определенные условия для нашего существования как существ, обладающих восприятиями внешних чувств, как мыслящих существ, короче говоря, обладающих всем, что может быть в вышеупомянутом смысле символически обозначено выражением, что мы суть головные существа. Но я уже говорил вам, что это — только одна из сфер, в которых мы существуем, ибо мы одновременно находимся в различных сферах. Продолжим теперь рассмотрение сферы, имеющей практическое значение для человечества, и обратим ваше внимание на то, что в четвертой сфере мы теперь живем после прохождения нашей Землей трех предшествовавших стадий ее развития. Обозначим этим кругом (рисуеться внутренний круг красного цвета) сферу, в которой живем мы, находясь в нашей

четвертой сфере эволюции. Но кроме этого, мы живем еще в другой сфере эволюции, вследствие того, что эта сфера эволюции принадлежит тем духовным существам, которые являются нашими создателями, подобно тому, как четвертая сфера принадлежит нам. Если мы на момент отвлечемся от людей и взглянем на тех существ, которых мы в порядке иерархии стоящих над нами всегда называли Духами Формы, существами, творящими все формы, то мы должны будем сказать следующее: мы как человеческие существа достигнем той сферы, к которой мы отнесем существа божественных создателей наших, тогда, когда Земля пройдет следующие три планетарные стадии развития, которые вы найдете обозначенными в моем "Тайнове-дении" как стадия Юпитера, стадия Венеры, стадия Вулкана, и достигнет потом восьмой стадии. Таким образом, эти творящие духи находятся на той стадии развития, которой мы, человеческие существа, достигнем после развития Вулкана. Это их сфера, которая принадлежит им так же, как четвертая сфера принадлежит нам. Но мы должны представлять эти сферы как бы внедренными одна в другую, как бы проникающими одна в другую (первый круг обводится большим кругом оранжевого цвета). Поэтому если я обозначу сферу, о которой я только что сказал, как восьмую сферу\**См. Лекцию от 8 сентября 1918 г. в ПСС, т. 184 ("Противоположность ставшего и становления в человеческой жизни").*, то мы живем не просто в четвертой, но также и в восьмой сфере благодаря тому, что наши божественные создатели живут в этой сфере вместе с нами.

### Рисунок

Если мы будем иметь ввиду эту восьмую сферу, то мы найдем живущими там не только наших божественных создателей, но также и ариманических существ. Поэтому, живя в окружении восьмой сферы, мы живем вместе с духами, которых мы ощущаем нашими божественными Властями, но мы живем также вместе с ариманическими существами. В четвертой сфере с нами вместе живут, выражаясь точнее, люциферические духи. Таково положение, можно сказать, касательно распределения этих духовных существ; мы можем входить в рассмотрение этих духовных существ, только если постигнем, в какой связи мы сами находимся с соответствующими окружениями этих сфер.

Видите ли, тут науке посвящения открывается прежде всего то, что мы, как сказано, являемся существами, обладающими восприятиями и умом, благодаря тому что живем в четвертой сфере нашей эволюции. Но мы никогда не должны забывать, что люциферическая сила оказывает свое влияние на наш ум (причем мы всегда должны включать в состав этого ума также восприятия внешних чувств). Эти люциферические силы, собственно, внутренне связаны с тем особенным видом ума, который ныне человек еще считает своим собственным, присущим ему умом и больше всего любит возиться с ним как со своей способностью мыслить. И все же человек наделяется этим умом только благодаря тому, что то высокое существо, о котором я говорил как о существе Михаила, низвергает люциферические существа вниз, в сферу человека, в четвертую сферу человека; через это, собственно, и вступил импульс разумности.

Вы можете почувствовать, что значит этот импульс разумности для человечества, если обратите внимание на безликий элемент нынешнего человеческого ума. Не правда ли, мы, люди, имеем много личных интересов. Мы сталкиваемся в этих личных интересах друг с другом, и мы обособляемся именно из-за наших личных интересов. Но эта индивидуализация тормозится перед властью разумности. В том, что касается разумности, что касается логики, все люди одинаковы равны и считаются с этим. Мы не имели бы этой всеобщности, если бы люциферическое влияние, привнесенное благодаря Михаилу, не оказало своего действия на человечество.

Мы понимаем друг друга так просто только благодаря тому, что мы имеем общую разумность, проистекающую из люциферической духовности. И вот эта люциферическая духовность возникла потому, что Михаил, так сказать, привнес, заразил людей люциферической сущностью. Эти люциферические влияния продолжали формироваться дальше в течение человеческой эволюции. Наряду с ними еще много развилось в человеческом существе. Но еще и ныне эта люциферическая духовность, которую мы называем нашей разумностью, продолжает рассматриваться в широких кругах как самая замечательная способность человека.

Для того, чтобы достичь большей ясности в этом вопросе, вам надо направить

взор своей души на нечто другое, что может также объединить людей всей земли, когда оно распространится по всей земле. Это — Импульс Христа. Но Импульс Христа — это нечто иное, нежели импульс разумности. Импульс разумности имеет в себе нечто принудительное. Вы не можете сделать разумность человечества чем-то самовольным. Вы не можете ни с того ни с сего вынести суждение со своей точки зрения о чем-либо, что подлежит разумному суждению, без того, чтобы не выпасть из социальной жизни как умалишенный. С другой же стороны, вы не можете достичь никакого другого отношения к Импульсу Христа, кроме личного. В сущности никто не может вмешиваться в то отношение с Христом, в какое ставит себя каждый человек. В конечном счете это есть исключительно личное дело. Но благодаря тому, что Христос прошел через Мистерии Голгофы и связал Себя с развитием Земли, положение вещей стало таким, что, хотя много людей независимо один от другого сделали Импульс Христа своим личным делом, — Импульс Христа сам по себе будет одинаковым для каждого. Это означает, что люди сходятся на чем-то, что каждый сам делает своим не принудительно, как в случае разумности, а благодаря тому, что именно через самый Импульс Христа отношение каждого человека к Христу строится так (если оно строится правильным образом), что оно становится одинаковым у каждого человека. Такова разница между импульсом разумности и импульсом Христа. Импульс Христа может быть одинаков для всего человечества и, однако, вместе с тем быть собственным для каждого отдельного человека. Разумность же не есть личное дело.

Каково же было положение вещей, в которое вступил Импульс Христа? Мы можем ответить на этот вопрос, исходя из того, что я уже упоминал. Мы знаем, что эволюция головы стала уже обратной, регрессивной. В отношении своей головы человек до некоторой степени находится в процессе непрерывного умирания. Таким образом, мы можем указать на следующий космический факт: Михаил низверг люциферическую рать в мир человечества; люциферические духи получили как место своего обитания человеческую голову, но — человеческую голову с тенденцией отмирания.

Тут эти люциферические существа стали вести непрерывную борьбу против отмирания человеческой головы. И здесь мы касаемся давно известной тайны человеческой природы — тайны, которая была известна в различных формах, но которая почти полностью сокрыта для современного человека. Человек, развиваясь по пути его божественной эволюции, вносит в свою голову непрерывный процесс умирания. Но параллельно этому процессу умирания происходит возжигание в ней жизни со стороны Люцифера. Непрестанно стремится Люцифер сделать нашу голову такой же живой, как и весь остальной организм. Если рассматривать это в плане органики, то Люциферу удалось бы увести человечество с его божественного пути, если бы он смог фактически сделать человеческую голову такой же живой, как и весь остальной организм.

Как раз этому должно воспротивиться божественное направление человеческой эволюции. Ибо человек должен оставаться связанным с эволюцией Земли, чтобы он в смог затем пройти через эволюцию Юпитера, Венеры и Вулкана. Если бы Люцифер достиг своей цели, то человек не смог бы пройти предначертанный ему путь развития, но был бы чужаком такого космоса, который насквозь пронизан разумностью.

Постоянная работа Люцифера, с физиологической точки зрения — извлекать жизненные силы из нашего организма и посылать их в голову. С психологической точки зрения, Люцифер постоянно стремится придать содержанию нашего разума, которое ведь включает в себе только мысли и образы, субстанциональный характер. То, что я изложил выше, я теперь излагаю с точки зрения души: Люцифер имеет постоянную тенденцию придавать реальное субстанциональное содержание тому, что мы создаем как образ в нашем духе, если угодно, художественный образ; пропитать наши мысли и представления привычной земной реальностью. Тем самым он стремится достичь того, чтобы мы как люди покинули реальность и унеслись в некую мыслительную действительность, которая стала бы реальностью, а не оставалась бы просто идеей. Эта тенденция все время связана с нашим человеческим существом, дабы реализовались наши фантазии, и прилагаются величайшие мыслимые усилия, чтобы превратить наши человеческие фантазии в реальность.

И вот все то, что существует в человечестве как внутренние причины

болезней, связано с этой люциферической тенденцией. Понять работу Люцифера в отношении выжимания жизненных сил в человеческую голову — с ее мертвыми силами — означает, в конечном счете поставить диагноз всем внутренним болезням. Развитие естествознания и медицины должно идти в том направлении, чтобы, наконец, построить свое знание, исходя из изучения этого люциферического элемента. Дать такой поворот науке — это задача тех намерений, которые вносит в нашу человеческую эволюцию влияние Михаила.

Ариманическое влияние тут противоположно. Оно оказывает свое воздействие из восьмой сферы, откуда создан весь наш организм, за исключением головы; этот организм полон жизненности, по самой своей организации он сотворен для жизненности. И вот сюда вторгаются ариманические силы. Они, наоборот, помогают внести в эти жизненные силы остального организма человека силы смерти, которые, собственно, согласно Божественному пути развития, принадлежат голове. Так окольным путем приходят к нам силы смерти из восьмой сферы при посредничестве Аримана. Это сказано опять-таки с физической точки зрения.

Если подойти с точки зрения души, я должен сказать следующее. Все то, что действует на нас из восьмой сферы, оказывает свое влияние на человеческую волю, но не на разумность. Но в основе человеческого воления лежит желание; в волении всегда содержится нечто от желания. Ариман непрерывно стремится внедрить личный человеческий элемент в эту природу желания, лежащего в основе воления. И вследствие того, что в природе желания сокрыт личный элемент, наша душевная волевая деятельность есть отпечаток нашего приближения к смерти. Вместо того, чтобы позволить проникнуть в себя божественным идеалам и дать им войти в наши желания и, таким образом, в нашу волю, — нечто личное вносится в наше хотение, в наше воление.

Таким образом, мы действительно балансируем между люциферическим и ариманическим элементами. Люциферическо-ариманическое приносит нам болезни и смерть в физическом мире; в области души оно развивает в нас все то, что выступает как иллюзия, так, что мы начинаем рассматривать как действительность то или иное, принадлежащее просто к миру мыслей, к миру представлений, к миру фантазии. В отношении же духовном вождения эгоизма проникают на этом пути в наше человеческое существо.

И вот мы видим эту двойственность Люцифера-Аримана, связанную с человеческой природой, и я показал вам на примере "Потерянного рая" Мильтона, "Мессиады" Клапштока и "Фауста" Гёте, как современное цивилизованное человечество обманывает себя в отношении этой двойственности. Теперь мы должны вспомнить о том, что человечество перешло за среднюю точку развития Земли (рисунок 5). Эволюция человечества была вначале восходящей, затем она достигла вершины и потом стала нисходящей. По некоторым причинам, которые мы сегодня не имеем нужды обсуждать, в греко-римскую эпоху, вплоть до XV столетия, имел место своего рода устоявшийся уровень. Однако, с этого времени земное развитие человечества находится на действительно нисходящем пути.

### Рисунок

Физическое развитие Земли является нисходящим уже с гораздо более раннего времени. Со времени, которое предшествовало нашему последнему ледниковому периоду, т. е. Уже до Атлантической катастрофы, началось нисходящее развитие Земли в физическом отношении. Этот факт антропософам нет нужды самим объявлять людям; он уже известен геологам\**здесь Р. Штейнер ссылается на знаменитого геолога Эдуарда Зюсса (1831-1914): "Лик земли", 3 тома, Вена, 1883-1901..* И (как я часто упоминал об этом) когда мы ныне шагаем по различным местностям земли, мы передвигаемся по земной коре, находящейся уже в стадии упадка. Вам нужно только прочесть описание эволюции Земли в лучших современных книгах по геологии — вы найдете там, что физическая наука констатирует, что Земля находится в нисходящей стадии своей эволюции. Но мы, люди, также находимся на нисходящей стадии эволюции. Мы не можем рассчитывать на то, что в нашем телесном развитии возникнет какая-либо восходящая тенденция развития. Нам надлежит обрести восхождение вместо нисхождения, научившись взирать на то, что ведет человеческое существо за пределы эволюции Земли к ее последующим планетарным образованиям. Мы должны научиться взирать на человеческое существо будущего. Это означает мыслить в духе Михаила.

Я охарактеризую более точно, что это значит — мыслить в духе Михаила. Видите ли, если вы стоите лицом к лицу с вашим современником, то вы встречаетесь, собственно, с полностью материалистическим сознанием. Вы говорите себе, даже если не произносите этого ни вслух, ни в мыслях, но вы все же говорите себе в самых интимных глубинах вашего сознания: это — человек из плоти и крови, это — человек, состоящий из земных веществ. Вы говорите то же самое в отношении животного и растения. Но то, что вы так говорите себе, стоя лицом к лицу с человеком, животным и растением, справедливо только в отношении их минеральной природы. Возьмем сразу крайний случай — человека. Рассмотрим человека прежде всего в отношении его внешнего облика, его формы (рисунок 6).

### Рисунок

То, что он есть как внешняя форма, вы на самом деле не видите, вы не видите ее вовсе с вашей физической способностью восприятия, так как она более чем на 90% наполнена жидкостью, водой. То, что наполняет форму как минеральная субстанция, — вот что вы видите вашими физическими глазами. То, что человек соединяет с собой из внешнего минерального мира, — вот что вы видите; самого же человека, который совершает это присоединение, вы не видите. Вы говорите правильно только в том случае, если говорите себе: "То, что стоит здесь, лицом к лицу со мной, — это только частички материи, которые человеческая духовная форма собрала в себе; как раз это делает невидимое существо, стоящее передо мной, видимым". Человек — невидимка; поистине, он невидим. Вы все, что сидите здесь, невидимы для физических внешних чувств. Здесь находится такое-то количество фигур; посредством некоей внутренней силы притяжения они собрали частички материи (рисунок 7). Вот эти частички материи мы и видим; мы видим только минеральное. Истинные человеческие существа, сидящие здесь, невидимы; они — сверхчувственны. Говорить это себе с полным сознанием в каждый момент бодрствования и составляет образ мышления Михаила, когда перестают себе представлять человеческое существо как конгломерат минеральных частиц, которые оно просто располагает особым образом, что имеет место также в отношении животных и растений; исключите из них только минералы. Осознать, что мы бродим среди незримых человеческих существ, означает мыслить в духе Михаила.

### Рисунок

Мы говорим об ариманических и люциферических существах, мы говорим о существах иерархий Ангелов, Архангелов, Архаев и т. д. Все это — незримые существа. Мы узнаем их по их деяниям. Мы обсуждали многие из этих деяний также и в последние дни. Мы научились распознавать этих существ по их делам. Обстоит ли дело иначе с людьми? Мы Учимся узнавать людей (которые невидимы) здесь, в физическом мире, благодаря тому, что они распределяют свои Минеральные частицы в человекоподобной форме. Но это только один вид деятельности человеческого существа. Тот факт, что мы уясняем себе действия Аримана и Люцифера, Ангелов, Архангелов, Архаев и т. д. иным путем, означает просто, что мы должны изучать их иным способом. Но в отношении того, что они — сверхчувственные существа, нет разницы между ними и нами, если мы разумно мыслим о существе человека.

Постичь, что мы не отличаемся в своем существе от сверхчувственных существ, — значит мыслить в духе Михаила. Человечество могло обходиться без осознания этого до тех пор, пока оно еще получало что-то от минерального царства. Но с тех пор, как минеральный мир находится в состоянии нисходящего развития, людям надлежит дорасти до духовного постижения как самих себя, так и мира. С 70-х годов XIX столетия человек способен во все возрастающей степени находить внутреннюю силу для развития сознания, что он не является просто достаточно организованным конгломератом частиц вещества, но что он — сверхчувственное существо, и эти частички материи суть только жест внешнего минерального мира, обозначающий: здесь находится человеческое существо. Только благодаря ариманическим влияниям, которые я охарактеризовал неделю назад\* *Лекция от 15 ноября 1919 (ПСС, т. 191).*, человек отталкивал это внутреннее сознание, старался избежать его. Одна вещь связана с другой в человеческой жизни. И так же, как мы попадаем в заблуждению, что человек чувственное, а не сверхчувственное существо, так же заблуждаемся мы и еще во многом. Мы говорим об эволюции и думаем при

этом, что одна вещь происходит из другой в непрерывном прогрессивном развитии. Вы знаете, что такое развитие невозможно было художественно передать в нашем здании, в Гетеануме. Когда я развивал формы капителей\*\*\* См. Р. Штейнер "Путь к новому архитектурному стилю" (ПСС, т. 286)., я должен был показать в первой, второй и третьей капителях восходящую эволюцию, в четвертой — стоящую посередине, в пятой — начинающуюся нисходящую эволюцию, в шестой — более простую ступень ее и в седьмой — самую простую. Я должен был добавить к восходящей эволюции и нисходящую эволюцию.

Наша голова находится в этой нисходящей эволюции, в то время как остальной наш организм еще находится в восходящей эволюции. Если мы верим, что эволюция означает непрерывный подъем, мы отрываемся от истинной реальности. Мы придерживаемся тогда взгляда Геккеля\*\*Эрнст Геккель (1834-1919) - естествоиспытатель. Ср. его рабо-V 'Антропогенез', Лейпциг, 1874 г., который под влиянием известного заблуждения утверждал, что вначале были простые существа, а затем, по ходу эволюции, образывались все более и более сложные существа, все более совершенные и так далее, до бесконечности. Это нелепость. Каждая прогрессивная эволюция затем поворачивает и переходит в регрессивную. За каждым подъемом следует спуск; каждое восхождение уже несет в себе зародыш нисхождения. Это одно из самых каверзных заблуждений современного человечества, что оно не подозревает о связи между прогрессивной эволюцией и регрессивной, между поступательным развитием и упадком. Ибо там, где имеет место восходящее развитие, должны быть предпосылки к последующему нисходящему развитию. С того момента, когда прогрессивная эволюция обращается в регрессивную, физическое вступает в духовное развитие. Ибо как только физическое начинает развиваться в обратном, регрессивном направлении, появляется возможность для духовного развития. У нашей головы есть способность для духовного развития, потому что тут физическое развитие находится на регрессивном пути. И лишь тогда, когда мы в состоянии узреть эти вещи в их истинном свете, т. е. когда мы увидим связь между нашим умом и люциферическим развитием, мы можем по-настоящему постичь существо человека, а вместе с тем и остальной мир. Ибо тогда Мы оценим эти вещи правильно и поймем, что наш ум нуждается в новом импульсе, если он должен фактически вести человека к его цели. Христово начало должно воспрепятствовать Люциферу в его стремлении отвратить человеческое существо от предопределенного ему божественного направления.

Я сказал уже о том, что одно связано с другим. Видите ли люди ныне под влиянием того заблуждения, которое приписывает божественным властям некоторые люциферические качества, склонны, например, односторонне представлять идеал в изображении красоты. Конечно, возможно давать образ красоты как таковой. Но мы должны сознавать, что когда мы как люди просто служим красоте, мы культивируем в себе те силы, которые ведут нас в люциферический фарватер. Точно так же, как в реальном мире не существует односторонней прогрессивной эволюции, но с ней неразрывно связана последующая регрессивная эволюция, так же не существует прекрасного в себе. Культ прекрасного пускает в ход Люцифер с целью пленить и ослепить людей, вырвать их из процесса земной эволюции, оторвать их от Земли. Как существует взаимодействие восходящей эволюции и нисходящей, точно так же в действительности мы имеем дело с взаимодействием между красотой и безобразием, с их суровой борьбой между собой. Если мы хотим действительно постичь искусство\*\* См. "Искусство и искусствознание" (ПСС, т. 271)., мы никогда не должны забывать, что в конечном счете в искусстве должно быть взаимодействие прекрасного и безобразного, отображение битвы между красотой и безобразием. Ибо только благодаря тому, что мы взираем на красоту и безобразие, удерживая при этом состояние равновесия, находимся мы в пределах настоящей реальности, а не в той односторонней люциферической или ариманической реальности, в которой нам не надлежит быть. Совершенно необходимо, чтобы идеи, подобные той, что я выдвинул, вошли в человеческое культурное развитие. Вы знаете, с каким энтузиазмом я часто говорил тут о греческой культуре; в древней Греции было еще возможно посвящать себя исключительно культивированию красоты, так как человечество в то время еще не было охвачено нисходящей эволюцией Земли, по крайней мере, не был охвачен греческий народ. Однако по прошествии той эпохи человек не должен был больше завидовать блеску чисто прекрасного. Это было бы бегством от

реальности. Он должен был смело и отважно стать лицом к лицу с реальной битвой между красотой и безобразием. Он должен быть в состоянии ощутить, испытать и сопережить диссонансы в их битвах с гармониями вселенной.

Благодаря этому в развитие человечества вступают сила и крепость и из них возникает возможность достижения того внутреннего строя сознания, который действительно поднимет нас над заблуждением, что человек в своем истинном существе состоит из нагромождения материи, из минеральных частиц материи, которые он на самом деле только пригнул и вобрал в себя. Даже с физической точки зрения ныне может быть сказано, что человек поистине не несет в своем существе печати минеральной природы, внешней физической природы. Внешне минерал тяжел. Но то, что, например, дает нам возможность развития душевной жизни (я говорю сейчас не об умственной жизни), связано не с тяжестью, но с ее противоположностью — с тем, что называется потерей веса в жидкости. Я по другому поводу описывал вам, как наш мозг плавает в мозговой жидкости. Если бы этого не было, то имеющиеся в мозгу кровеносные сосуды были бы раздавлены. Однажды Архимед\*<sup>2</sup> Архимед (287-212 до Р.Х.) - крупный математик, физик и механик греческой древности., сидя в ванне, заметил, что он делается легче, и был этим открытием так обдоволен, что издал свое знаменитое восклицание: "Эврика!" Вы все это проходили по физике. Душевно мы живем не как существа, которые тянутся вниз, но как существа, которые влекутся вверх. Мы живем душевно не потому, что наш мозг тяжел, но потому, что наш мозг становится легче, плавая в мозговой жидкости. Мы живем душевно благодаря тому, что Удаляет нас от земли. Это можно утверждать сегодня даже с физической точки зрения.

Однако то, на что я хотел указать вам в этих трех лекциях, заключается прежде всего в том, что в современной жизни мы нуждаемся в таком строе души, при котором человек действительно в каждый момент своей дневной бодрствующей жизни сознает сверхчувственное в своем непосредственном окружении и не поддается заблуждению, что человеческое существо реально потому, что может быть видимо, а духи нереальны потому, что их не видят. Ибо истина состоит как раз в том, что мы, собственно, не можем также видеть и людей. Это есть заблуждение, когда думают, что мы видим их своими глазами. Мы в этом ни в чем не отличаемся от существ высших иерархий. Научиться постигать сходство между существами высших иерархий и нами, а также животными и растениями — вот задача, поставленная перед современным человеком.

Мы говорим, что благодаря Мистерии Голгофы Импульс Христа вошел в развитие земли, вошел, прежде всего, в развитие человечества и соединился с землей, но люди говорят: "Мы не видим этого". Да, они не могут узреть этого, пока они обманываются относительно самого человека, пока они видят в человеке нечто такое, что совсем отличается от того, что он есть в действительности. С момента, когда это перестает быть теорией, а становится для души живо ощущаемой реальностью, делая нас способными узреть в человеке сверхчувственное существо, — с этого момента мы начинаем взращивать внутри себя способность восприятия Импульса Христа повсюду среди нас и можем с полной убежденностью сказать: не ищите Его во внешних проявлениях; Он повсюду среди вас. Но людям надлежит развить в себе также скромность и смирение, чтобы уверовать, что обретение такого знания, которое сразу везде видит человека как сверхчувственное существо, действительно что-то значит. Вопрос, если это существует только теоретически, то этим еще ничего не сделано. Если же мы действительно не верим, что встретившаяся нам человеческая фигура есть реальное человеческое существо, если мы ощутим это мнение как абсурд — вот тогда, значит, мы приобрели тот строй души, который я, собственно, подразумеваю.

Видите ли, если бы вы пришли на строительную площадку\*<sup>3</sup> Лекции читались в период строительства первого Гёттанума в большом деревянном бараке на строительной территории. и собрали там различные строительные отходы, а затем, искусно упаковав их, понесли так, что встретившийся вам человек не смог вас увидеть, а видел только кирпичный щебень и щепки, — вы же не будете тогда утверждать, что этот кирпичный щебень и щепки, которым придана известная форма, и есть человек. Но ведь от этого несколько не отличается положение в отношении минеральных веществ, определенных некоторым образом, с каким вы и предстаете перед своими современниками. Однако вы говорите: эти минеральные субстанции — раз мой физический глаз видит их — и есть, мол, человек! В действительности же они только своего рода жесты,

указывающие на истинного человека.

Если мы посмотрим назад, в дохристианские времена, мы найдем, что посланец от Бога приходил на землю зримым, открываясь человеку и делая себя понятным ему. Самый великий посланец Бога, который пришел на землю, — Христос — был в то же время и Тем, Кто был способен явить Себя в величайшем для земли событии, как последний из тех, кто мог явить себя без содействия людей. Теперь же мы живем во время откровения Михаила. Оно налицо, как и другие откровения. Но оно не навязывается человеку, ибо человек вступил в свое развитие свободы. Мы должны сами пойти навстречу откровению Михаила, мы должны подготовить себя так, чтобы он ниспослал в нас могущественные силы и мы смогли бы осознать сверхчувственное в непосредственном окружении земли. Не недооценивайте того, что дано через откровение Михаила для людей настоящего и будущего, если человек сможет приблизиться к нему путем свободы. Не недооценивайте того, что люди сегодня стремятся к разрешению социального вопроса, исходя из остатков древних состояний сознания. Все то, что можно было решить, исходя из Древних состояний сознания человечества, — это уже решено. Земля находится на нисходящей ветви своего развития. Требования, которые встают ныне, не могут быть удовлетворены при помощи соображений, проистекающих из прошлого. Они могут быть разрешены только человечеством, Которое обрело новый строй души. Нашей задачей является бедующее: так действовать, чтобы этот новый строй души Распространялся среди людей. То, что люди никак не могут освободиться от представлений, которые взращивались тысячелетиями, гнетет нашу душу, как ужасный кошмар, который мы это видим. Мы ныне видим, как плоды этих представлений тысячелетней давности, лишённые уже всякого содержания и являющиеся просто словесной шелухой, прорываются в людей почти автоматически. Везде говорится о человеческих идеалах. Но эти идеалы не имеют ничего реального: это просто громкие слова, а человечество нуждается в новом душевном строе. Некогда к человечеству прозвучал призыв, который в переводе на наш язык гласил: "Измените ваши помыслы, так как время близко!" Но тогда люди еще могли преобразить свои помыслы, исходя из старого строя души. Ныне же эта возможность исчезла; и если ныне должно быть осуществлено то, что было востребовано тогда, то это может исполниться только исходя из нового строя души. Прежде Михаил принес людям традицию Ягве, влияние Ягве. С конца 70-х годов прошлого столетия он занят — если мы только идем ему навстречу — передачей нам постижения Импульса Христа в истинном смысле этого слова. Но мы должны идти ему навстречу. И мы идем ему навстречу, если выполняем двойное.

В отношении нашего собственного душевного строя мы можем сказать себе, что должны избавиться от известного заблуждения. Я не хотел бы без нужды отягчать вас узкими абстракциями и философскими мировоззрениями, но я должен все-таки привлечь ваше внимание, ибо это симптом развития человечества в новое время, восходящий к философу Картезию\**Ренатус Картезиус, англ.: Рене Декарт (1596-1650) — французский философ и математик.*, который жил на заре нового времени. Он еще сознавал кое-что о том духовном, которое проявляется через отмирающую нервную систему человека. Но в то же время он высказал такое положение: "Я мыслю, значит, я существую". Это — полная противоположность истине. Когда мы мыслим, нас нет; ибо в мышлении мы имеем лишь образ реальности. Мы ничего не имели бы от мышления, если бы мы увязли нашим мышлением внутри самой реальности, если бы мышление не было только ее отражением. Мы должны осознать отражательный характер нашего мира представлений, отражательный характер нашего мира мыслей. С того момента, как мы будем это сознавать, мы обратимся к иному источнику реальности в нас. Об этом и хочет говорить нам Михаил. Это означает, что мы должны стараться познать мир наших мыслей в его зеркально-отражательном характере; тогда мы будем работать против люциферического направления развития. Ибо Люцифер прежде всего заинтересован в том, чтобы влить субстанцию в наше мышление, чтобы оморочить нас обманчивой видимостью того, что в наших мыслях имеется субстанция. Но мышление не содержит в себе субстанции, а только — образы. Мы должны извлечь субстанцию из других, более глубоких слоев нашего сознания. Это — первое. Мы нуждаемся в том, чтобы осознавать, что наши мысли делают нас слабыми и тогда мы обратимся к мощи Михаила, ибо он — тот дух, который указывает в нас на то, что сильнее мысли, тогда как цивилизация нового времени научила нас обращаться по преимуществу к

мышлению, и, делая это, мы стали слабыми человеческими существами, потому что мы стали считать сами мысли за нечто реальное. Мы можем мнить о себе, что мы избегаем чисто абстрактного умствования, но это всего лишь иллюзия, ибо как современные люди мы находимся в ужасном порабощении у мышления и не посылаем из более глубоких слоев нашего существа в самые мысли то, что должно быть в них.

Второе — внести в наши намерения, а следовательно, и в нашу волю, то, что проистекает исключительно из той реальности, которую мы должны познать как сверхчувственную. Тот факт, что сверхчувственный характер Мистерии Голгофы не был воспринят со всей серьезностью, жестоко отомстил за себя. Я часто упоминал об этом. Я, например, привлекал ваше внимание к взглядам либерального теолога Адольфа Гарнака\**Адольф фон Гарнак (1851-1930) - немецкий протестантский историк церкви. Р. Штейнер здесь ссылается на работу "Сущность христианства" (Лейпциг, 1901, 4 издание).*.. Есть много подобных ему либеральных теологов, которые спокойно признаются: в исторических документах не найти никаких доказательств реальности Мистерии Голгофы. И на самом деле, невозможно исторически доказать существование Христа Иисуса тем же путем, как возможно доказать существование Цезаря или Наполеона. Почему? Потому, что в Мистерии Голгофы перед человечеством предстает событие, к которому может быть только сверхчувственный доступ. К нему не должно быть никакого доступа через внешние чувства. Ради того, чтобы человечество научилось именно через Мистерию Голгофы подниматься к сверхчувственному, и не должно было существовать никакого внешнего, чувственного исторического ее доказательства.

Мы указали, таким образом, на двойное, к чему мы должны стремиться. Во-первых, познать сверхчувственное, действующее в непосредственно окружающем нас мире внешних чувств, т. е. в мире человека, животных и растений. Это — путь Михаила. А его продолжение — найти в этом мире, который таким образом мы сами познаем и признаем за сверхчувственный Импульс Христа.

Описывая вам это, я в то же время касаюсь глубочайших импульсов социального вопроса. Ибо абстрактная Лига Наций\**Создана в 1919 г. по инициативе американского президента Вильсона с штаб-квартирой в Женеве; в 1946 г. прекратила свое существование.* не разрешит интернациональной проблемы. Подобные абстракции не принесут объединения людей всей земли. Но духи, которые ведут людей в сверхчувственное и о которых мы говорили в течение этих дней, объединят всех людей.

Внешне человечество приближается в настоящее время к тяжким битвам. Против этих тяжких битв, которые еще только начались (я часто напоминал здесь об этом) и которые дают старые импульсы земного развития до абсурда, не найти никаких политических, экономических или духовных целевых средств в аптеке прошлой исторической эволюции. Ибо как раз из этих прошлых времен происходят те ферменты брожения, которые сначала привели Европу на край пропасти, которые толкают Азию и Америку друг против друга и которые подготавливают борьбу по всей земле. Этим ведущим к абсурду импульсам человеческой эволюции может противостоять единственно и только то, что ведет человечество по пути к духовному: путь Михаила, который находит свое продолжение в пути Христа.

## ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 28 ноября 1919 г.

Продолжая речь о том, о чем я говорил вам в лекциях предыдущей недели, я хотел бы сегодня подготовить почву для того, что я подробнее разовью завтра и послезавтра. Я обращаюсь к вашей памяти, но несколько иначе, нежели до сих пор: во многом почерпнутым из нее мы будем нуждаться при дальнейшем развитии настоящей темы.

Если мы постараемся уяснить себе ход развития земли, нам лучше всего ориентировать события на центр тяжести земного развития. Ибо благодаря этому проступает определенная конфигурация в отношении собственного развития человека в потоке развития человечества. Этот центр тяжести есть, как вы знаете, Мистерия Голгофы, благодаря которой все развитие земли только и получило свой смысл, свое истинное внутреннее содержание.

Если мы вернемся к развитию западного человечества, получившего импульс Мистерии Голгофы с Востока, то мы должны сказать: приблизительно в V столетии до вхождения Мистерии Голгофы начался, происходя именно из греческой

культуры, подготовительный этап к этой Мистерии Голгофы. Мы можем сказать: имеется некоторое единоеобразное направление в греческом мышлении, чувствовании и волеии на протяжении примерно четырех с половиной столетий, предшествовавших событию Мистерии Голгофы. Это единоеобразное направление заявило о себе через фигуру Сократа, затем нашло свое продолжение собственно в греческой культуре в целом (в искусстве это направление также заметно), было продолжено могучей личностью Платона и получило более научный характер у Аристотеля\*\**Сократ (469-399 до Р.Х.); Платон (427-347 до Р.Х.); Аристотель (384—322 до Р.Х.). Относительно этих трех великих греческих философов ср. Р. Штейнер "Загадки философии" (ПСС, т. 18).*

Вы знаете из различных лекций, которые я читал вам, что Средние века со времен Августина\*\**Августин (354-430) - епископ в Северной Африке. Один из великих отцов западной Церкви.* были особенно склонны руководствоваться тем, что может быть почерпнуто из сподоба мышления Аристотеля и использовано с целью понять то, что подготовило Мистерию Голгофы и что последовало за ней. Греческий способ мышления стал весьма важным имением для христианского развития Запада вплоть до конца Средних веков благодаря как раз тому, что оно использовалось тогда для проникновения в содержание Мистерии Голгофы. Было бы хорошо, если бы мы уяснили себе, что, собственно, происходило в Греции в течение последних столетий, предшествовавших событию Мистерии Голгофы.

То, что разыгрывалось в мышлении, чувствовании и волеии греков, было, собственно, последним отзвуком изначальной культуры человечества, пока еще не оцененной. Исторические исследования нашего времени не в состоянии увидеть эти вещи в их истинном свете, так как они не доходят до тех времен, когда культура мистерий, распространенная тогда по всей цивилизованной земле, глубоко пронизывала все человеческое волеие и чувствование. Мы должны возвращаться к этим давним тысячелетиям, которые не достижимы для истории; должны подойти к ним с теми методами, о которых хотя бы бегло сказано в моей книге "Тайноведение", чтобы увидеть, какова же была природа этой первичной культуры человечества. Она имела свой источник в древних мистериях, куда великими ведущими личностями допускались те люди, которые были найдены объективно пригодными для непосредственного посвящения. Познание, которое таким образом передавалось посвящаемым в мистериях, передавалось затем через них другим людям. Нельзя в сущности понять всю древнюю культуру, если не принять во внимание ее материнскую почву мистерий. Эта материнская почва мистерий может быть при желании еще ясно распознана в произведениях Эсхила\*\**Эсхилл (525-456 до Р.Х.) - греческий драматург.* Она может быть также прослежена в философии Платона. Но откровения, касающиеся божественного, которые человечество получало из мистерий, были утрачены в ходе истории. Только в самом примитивном виде содержатся они еще в том, что стало исторически доказуемой культурой. Мы сможем лучше судить о том, что, собственно, произошло, если уясним себе, что осталось в послесократовское время в греческой цивилизации от культуры изначальных мистерий, в которую уходит своими корнями и греческая цивилизация. То, что осталось, — это некоторый способ мышления, некоторый способ представления.

Вы знаете, что внешняя история рассказывает, как Сократ обосновал диалектику, как он был великим учителем в области мышления — того мышления, которое позже Аристотель развил более научным путем. Но этот греческий способ мышления был только последним отзвуком культуры мистерий, так как эта культура мистерий имела очень богатое содержание. Духовные факты, которые лежат в основе нашего космического миропорядка, были включены тогда в систему всех вещей. Это великое, возвышенное содержание впоследствии постепенно утрачивалось. Но образ мышления, развитый учениками мистерий, их способ представлений, структура мышления остался и стал традиционным сначала в греческом мышлении, затем снова в средневековом мышлении — в мышлении христианских теологов, которые приспособили это греческое мышление при помощи форм мышления, при помощи идей и понятий, продолжающих, по существу, греческое мышление, с целью постичь то, что притекало в мир через Мистерию Голгофы. Средневековая философия, так называемая схоластика, была сплошь слиянием духовных истин Мистерии Голгофы с греческим мышлением. Мыслительное постижение, усвоение Мистерии Голгофы производилось при помощи инструмента (если прибегнуть к этому тривиальному выражению)

греческого мышления, греческой диалектики. До события Мистерии Голгофы прошло около четырех с половиной столетий с тех пор, как было утрачено само содержание мистерий и выступило то чисто формальное, чисто мыслительное, что осталось от древних мистерий. Мы можем сказать: приблизительно четыре с половиной столетия. Таким образом, мы видим следующее: в доисторические времена культура мистерий распространялась тогда по всей цивилизованной земле. Она была как бы модифицирована так, что от нее остался только своего рода дистиллят в виде греческой диалектики, греческого мышления. Затем совершилась Мистерия Голгофы. На Западе она вначале понималась при помощи этой греческой диалектики. Каждый, кто сегодня пожелает вжиться в науку, скажем, X— XIV столетия, еще насквозь пропитанную теологией, должен научиться мыслить совсем иначе по сравнению с привычным современным естественнонаучным способом мышления. Те, кто в наше время по инерции высказывает свое суждение о схоластике, не могут, как правило, отдать ей должное, потому что они, в сущности, прошли только через естественнонаучное обучение, а схоластика требует прохождения школы мышления, отличающегося от современного естественнонаучного.

Сегодня мы живем в такой момент времени, когда снова четыре с половиной столетия протекли с того времени, как естественнонаучный способ мышления овладел человечеством. Около середины XIV столетия люди Запады начали мыслить тем способом, который мы затем находим уже развитым в некотором смысле до блеска у Галилея или у Джордано Бруно\**Галилео Галилей (1564-1642) - итальянский естествоиспытатель. Джордано Бруно (1548—1600) — итальянский философ, отделял философию от теологии, сожжен в Риме как еретик.* Он был затем донесен вплоть до наших дней. Это кажется все той же самой греческой логикой, и, однако, в действительности, это совершенно иная логика. Это логика, которая постепенно считывалась из процессов мира природы, тогда как греческая логика считывалась из того, что ученики мистерий, мисты, лицеизрели в мистериях.

Постараемся теперь уяснить себе разницу между тем положением вещей, которое существовало за четыре с половиной столетия до события Мистерии Голгофы в цивилизованном мире, который ограничивался тогда почти одной Грецией, и тем, которое образовалось за четыре с половиной столетия, в которые человечество обучалось естественнонаучному мышлению. Для меня легче изобразить это вам графически (Р. Штейнер рисует на доске, рис 8). Представьте культуру мистерий как своего рода Чимбораццо\**Чимбораццо — потухший вулкан в Южно-американских Андах, высота 6310 м.* человеческой духовной культуры очень древних времен (белый цвет). Эта культура мистерий ступенька за ступенькой переходит затем в логику Греции — вплоть до момента Мистерии Голгофы (я хочу описывать в красках). — Затем это находит (красная штриховка до второй вертикали) свое продолжение в схоластике Средних веков (третья вертикаль). В течение четырех с половиной столетий (верхняя красная скобка), предшествующих мистерии Голгофы, мы имели последние отблески, отзвуки культуры древних мистерий (над красной скобкой пишется: 4 1/2 века. А с XV в. после Р. Х. началось развитие нового способа мышления, который мы можем назвать галилеевским. Время, которое протекло от этой отправной точки до наших дней (маленький красный круг и четвертая вертикаль), имеет приблизительно ту же протяженность, что и тот промежуток времени, который прошел между появлением греческого способа мышления и Мистерией Голгофы (нижняя скобка перед второй вертикалью). Но в то время, как последний период (белая дуга под нижней красной скобкой) является заключительным отзвуком, яркой зарей красок вечернего заката, то первая есть своего рода прелюдия, (белая дуга между третьей и четвертой вертикалями и надпись "4 1/2 века") нечто такое, что должно еще развиваться, что должно подняться ввысь. Греческая культура стояла у конца. Мы стоим у начала.

### Рисунок

Мы тогда только достигнем полного понимания этого оставления одного конца и одного начала, если будем рассматривать развитие человечества с определенной духовно-научной точки зрения.

Я уже неоднократно излагал здесь, что не без причины предпринимаются в настоящее время попытки того самоочищения человечества, которое может быть добыто посредством антропософски ориентированной духовной науки, ибо

предлегающая часть человечества стоит перед важными возможностями будущего. В этой связи важно, чтобы мы со всей серьезностью воспринимали тот факт, что человечество является исторически развивающимся организмом. Как в случае единичного организма мы имеем ступень полового созревания и последующие этапные преобразования организма, так и в истории человечества мы наблюдаем периодические преобразования. Ныне люди все еще встречают учение о повторных земных жизнях возражением, что они не помнят своих прежних земных жизней.

Каждый, кто постигает историю развития человечества как некий организм (как я только что указал на это), не будет удивлен (если он действительно основательным образом привлечет во внимание историческое развитие) тем, что люди с их обыкновенным познанием не помнят ныне своих прежних земных жизней. Ибо я спрашиваю вас: что помнит человек в обыденной жизни? То, о чем он сначала подумал. То, о чем он не думал, он не может вспомнить. Подумайте только, как много событий истекшего дня остались незамеченными вами. Вы не помните их, потому что вы не думали о них, несмотря на то что они происходили вокруг вас. Вы можете вспомнить только то, о чем вы думали.

А в прежние столетия и тысячелетия человеческой эволюции люди не достигали истинного понимания своей собственной природы. Безусловно, с появлением греческого мышления призыв *познай себя самого* существует как стремление, но это "познай себя самого" может осуществиться только через реальное духовное познание. Только благодаря тому, что человеческое существо однажды употребляет одну свою жизнь на то, чтобы понять в мыслях самого себя (а человечество созрело для этого только в наше время), подготавливается воспоминание для следующей земной жизни. Так как мы должны сначала подумать о том, что мы хотим вспомнить позднее. Только те, кто в древние времена путем посвящения (которое не обязательно всегда должно получаться в мистериях) смогли действительно узреть самих себя, в сегоднешней в наше время направить взгляд назад, на свои прежние земные жизни. И не так уж мало людей, которые могут это сделать. Тем не менее положение вещей таково, что человек также и в отношении своей чисто телесной эволюции проходит через преобразования. Эти вещи не могут наблюдаться внешне, физиологически, но их можно наблюдать духовнонаучно. Человечество ныне имеет не ту телесную конституцию, что оно имело две тысячи лет тому назад, и через две тысячи лет оно снова будет иметь иную конституцию. Я не раз говорил вам об этом. Люди идут в своем развитии к такому будущему, когда их мозг, попросту говоря, во внешнем отношении будет сконструирован совершенно иначе, чем в настоящее время. Мозг тогда обретет возможность помнить прежние земные жизни. Но те, кто не позаботится подготовить себя ныне путем размышлений о своем собственном Я, будут ощущать эту способность — она автоматически придет и к ним — просто как свою внутреннюю нервозность (если можно употребить это ходячее выражение), как свой внутренний недостаток. Им будет чего-то недоставать, потому что к этому времени человечество так созреет в отношении своей телесности, что люди могли бы смотреть назад, в предыдущие земные жизни, но если люди сами не подготавливают себя к этому, они не смогут смотреть назад; они будут тогда ощущать эту способность как изъян. Поэтому правильное познание сил преобразования, действующих в современном человечестве, показывает, что людям надлежит прийти к самопознанию через антропософски ориентированную духовную науку. Сегодня я только упомяну об этом, только укажу на природу этого особенного переживания, когда человеку не миновать считаться с предыдущими земными жизнями.

В настоящее время мы живем в такую эпоху, когда разновидности такого рода ощущений, которые, впрочем, будут становиться все более и более распространенными, обнаруживаются только у немногих людей, но все же они обнаруживаются у этих немногих людей. Им уделяется еще мало внимания. Я опишу их вам такими, какими они появятся, когда выступят отчетливо. Люди будут рождаться в мире внешних чувств, и они скажут себе: "Живя совместно с другими людьми, я научаюсь, сознательно или бессознательно, определенному образу мышления. Мысли возникают во мне. Я родился и обучен для определенного способа представления. Но в то же время я взираю на мое внешнее окружение и замечаю: мое мышление, мой способ представления не отвечают надлежащим образом

этому внешнему окружающему миру". Такие нюансы ощущений появляются уже ныне у отдельных людей. Их мысли протекают в таком направлении, которое делает для них явственным то, что внешняя природа как будто говорит нечто совсем иное, как будто она требует от них чего-то совсем другого. Где бы ни появлялись подобные люди, которые чувствуют этот разлад между тем, что они должны думать, и тем, что говорит внешняя природа, их всегда поднимали на смех. Гегель, например, является классическим примером этого. Он высказывал некоторые мысли о мире природы\**Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831). Его "Философия природы" составляет 2 часть "Энциклопедии философских наук" (Вопросы 1817).* (ведь не все мысли Гегеля нелепы) и систематизировал их. Тогда пришли филистеры и сказали: Да, это — твои идеи относительно мира природы; но посмотри на тот или иной процесс в природе — он ведь не согласуется с ними. И тогда Гегель отвечал: "Тем хуже для природы!"

Естественно, что это кажется парадоксом, однако субъективно это ощущение полностью обоснованно. Вполне возможно, что кто-либо непредвзято поддается переживанию своих природенных мыслей и тогда говорит себе, что окружающая природа, собственно, должна быть иначе устроена, чтоб она могла действительно соответствовать этим его мыслям. Безусловно, через некоторое время привыкают к голубу природы. Большинство людей, которые находятся в таком положении, не замечают, что, приобретая опыт наблюдения природы, они тогда в действительности несут в себе как бы две души, собственно, две истины. Те же, которые верно замечают это, могут очень страдать, ибо это вносит в душу человека своего рода раскол'. То, что я вам сейчас описываю и что ныне уже наличествует у немногих людей, хотя они часто не замечают этого, будет все более и более распространяться. Люди будут все больше говорить себе: "В силу того, чем я являюсь от рождения, моя голова заставляет меня образовывать в уме определенную картину мира природы. Но она не совпадает с самой природой. Затем по мере того, как я знакоюсь с жизнью, я обучаюсь тому, чему учит сама природа. Я должен найти выход из этого".

Такие двойственные ощущения возникают в наших душах, когда они снова возвращаются на землю. В нас отчетливо проступает своего рода родник внутренних мыслей и ощущений, которые побуждают нас сказать: "Да, ты ощущаешь, каким, собственно, должен быть мир, но он не таков, он иной". Затем мы вживаемся в этот мир, мы научаемся познанию закономерностей другого рода, и мы тогда должны искать равновесия. Откуда это происходит?

Представим себе (начало рисунка 9), что человек вступает в физическое существование через рождение. Он приносит с собой в своем мышлении и ощущении плоды своей прошлой земной жизни. За то время, когда он не был соединен с жизнью земли, внешняя земная жизнь претерпела определенные изменения. Человек ощущает тогда несоответствие между своим мышлением, свойства которого он принес из прошлой жизни, и окружающим миром, каким он стал, изменившись за то время, когда этого человека не было на земле. А затем человек постепенно приспособливается к новой жизни, но он отнюдь не принимает полностью в свое сознание то, чему научается из окружающего мира. Он все принимает это как бы сквозь вуаль. Он перерабатывает это только после смерти и снова приносит в следующую земную жизнь. Человек постоянно будет жить в такой двойственности своей душевной жизни. Он всегда будет сознавать следующее: ты приносишь с собой нечто, по отношению к чему мир, в который ты вступаешь как физический человек через рождение, является новым. И через свое физическое существо ты теперь воспринимаешь от этого мира нечто такое, что не полностью проникает в твою душу и что ты должен переработать только после смерти.

### Рисунок

Современные люди должны были бы очень интенсивно ощущать жизнь таким образом. Ибо только усвоив это, человек может познать те силы, которые пульсируют в его земном существовании и которые иначе остались бы совсем незамеченными. А мы вплетены в них. И если мы не стараемся проникнуть в них нашим сознанием, они остаются в нашем подсознании и тогда делают нас в той или иной степени больными душевно. Такое раздвоение человек будет воспринимать все больше и больше — раздвоение между тем, что осталось в нем от особенностей его прошлой жизни, и тем, что подготавливается в настоящей жизни для последующей. И так как человек будет ощущать эту двойственность все более и

более, то он будет нуждаться во внутреннем согласии, в истинно внутреннем согласии. И еще более жгучим станет великий вопрос: как может прийти человек к этому внутреннему согласию? Мы сможем найти ответ на этот вопрос, только если убедимся в следующем.

Я часто говорил вам, что мы как люди полностью бодрствуем в нашей обыкновенной жизни между пробуждением и засыпанием только в жизни наших представлений (затем на доске рисуется верхняя часть схемы 1). Жизнь представлений означает полное бодрствование. Мы не полностью пробуждены и тогда, когда мы бодрствуем, в отношении нашей жизни чувств. Наши чувства находятся на ступени сновидческого сознания, даже если мы полностью пробуждены, в отношении наших представлений и мыслей. Кто может проводить исследования в этой области, тот знает, что без непосредственного созерцания, что чувства в нашем сознании не более полнокровны, чем сновидения; только представления, посредством которых выступают чувства, позволяют им казаться иными. Но жизнь чувств как таковая возникает из глубин сознания подобно тому, как всплывают сновидения. А воля — в своей собственной жизни — совсем спит в нас даже во время нашего бодрствования; в отношении воли мы спим. Таким образом, в нашей бодрствующей жизни мы несем внутри себя эти три состояния сознания. В течение дня мы проходим с бодрствующей жизнью представлений, но мы обманываем себя, веря, что бодрствуем также в отношении воли, поскольку нам приходят представления о том, что осуществляет воля. Но не переживание самой воли, а только ее отображение в представлениях — вот что вступает в наше сознание. Нам снятся наши чувства, мы в глубоком сне осуществляем наши воления. Но если пробуждено имагинативное познание и оно делает то, что прежде было грезами о наших чувствах, предметом полного ясного познания мира, тогда мы замечаем следующее. Мудрость содержится не только в наших представлениях и мыслях (будем называть это мудростью, хотя у многих людей это вовсе не мудрость), но мудрость содержится также в наших чувствах, она содержится также в нашей воле (при этом на доске троекратно пишется слово мудрость). В нынешнем человеческом существовании люди могут ясно говорить только о том, что содержится в жизни их представлений. В отношении же мира чувств современное человечество, в общем, знает не больше, чем о сновидениях; однако мудрость содержится и в жизни чувств.

*Жизнь представлений: Полное бодрствование: Мудрость*

*Чувство: Сон со сновидениями: Мудрость*

*Воля: Сон без сновидений: Мудрость*

схема 1

Для тех, кто серьезно применяет для развития своей души упражнения, которые описаны в моей книге "Как достигнуть познания высших миров", возможно гораздо скорее придти к некоторому внутреннему душевному волнению, переживанию как бы во сне. Для подавляющего большинства людей такого рода переживание будет только сновидческим, будет содержать в себе не больше соразмерности, чем обычные сновидения. Но если возможно без промедления внести в это внутреннее переживание должный порядок, станет заметно, что хотя та же самая логика не управляет этими внутренними переживаниями (подчас там правит весьма грубая логика и самые разные обрывки мыслей выстраиваются и сновидчески прокручиваются) но то, что там все-таки происходит, может, как сказано, в качестве первого внутреннего переживания, еще очень примитивного, познать тот, кто хотя бы в малой мере применит к своей душе то, что описано в моей книге "Как достигнуть познания высших миров". Когда погружаются в эти круговерти бодрственных снов, погружаются в новую реальность, противоположную обыкновенной реальности внешней жизни. Тогда человек сравнительно быстро может заметить, что всплывает новая реальность. И так же сравнительно скоро может он заметить, что во всем этом содержится мудрость, но такая мудрость, которую он не может охватить, для которой он не чувствует себя достаточно зрелым, чтобы полностью осознать ее. Она ускользает от него снова и снова, и он не понимает, что именно значит переживаемое им. Но он замечает, или, по меньшей мере, может заметить, что мудрость притекает не только в верхний слой его сознания, который доступен человеческому существу в его обыкновенной бодрствующей дневной жизни, но что ниже этого лежит другой слой его сознания, который представляется ему нелогичным по той простой причине, что человек, не

будучи в состоянии постичь его мудрость, сам так его называет. Мы можем сказать: в тот момент, когда человек полностью овладевает имагинативным познанием, эти грезы наяву перестают быть гротескными, каковыми они кажутся в обыкновенной жизни; они тут пронизываются такой мудростью, которая указывает на другое содержание действительности, на другой мир, отличный от внешних чувств, который мы заменяем нашей обыденной мудростью.

В обыкновенной жизни только мир чувств всплывает в наше повседневное сознание из этого нижнего слоя сознания. А из еще более глубокого слоя всплывает мир воли, который также пронизан мудростью, насквозь проникнут мудростью. Мы связаны с этой мудростью, но не сознаем это в нашем обыкновенном сознании. Итак, мы можем сказать: мы, люди, управляемся тремя слоями сознания. Первое — это наше понятийное сознание, в котором мы живем повседневно. Второе — имагинативное сознание. И третье — инспиративное сознание, которое остается глубоко скрытым, но которое действует в нас, безусловно действует в нас, но природу которого мы не распознаем в обыкновенной жизни.

Если бы только современная философия была менее запутанной в своих концепциях (я обращаюсь с этим не к людям, не занимающимся философией, но к философам, которые должны были бы заняться этим, но не делают этого), то она должна была отметить огромную и поразительную разницу, которая существует между истинами, добытыми на основе чисто внешнего наблюдения природы, и истинами, найденными в таких науках, как математика и геометрия, которые потом применяются для достижения понимания внешней природы.

Можно с некоторым правом сказать, что в отношении инстинктов, которые человек приобретает через внешнее наблюдение (на это так часто указывалось в истории философии, что собственно для философов должно быть излишним подчеркивание этого), в отношении того, что устанавливает внешнее наблюдение, мы никогда не можем говорить с полной уверенностью. Кант и Юм сформулировали это особенно ясно в своем чуть ли не гротескном утверждении, что, хотя мы и наблюдаем восходы солнца, мы не можем, однако, утверждать на основе этого наблюдения, что солнце снова взойдет также и завтра; мы можем только вывести заключение из того факта, что если солнце восходило ежедневно, то оно вероятно взойдет и завтра. Так обстоит дело со всеми истинами, которые мы извлекаем из внешнего наблюдения. Но не так обстоит дело, например, с математическими истинами. Если мы однажды постигли их, то мы знаем, что они действительны на все будущие времена. Кто знает и в состоянии доказать, исходя из внутренних оснований, что квадрат гипотенузы в прямоугольном треугольнике равен сумме квадратов катетов, тот знает, что невозможно начертить прямоугольный треугольник, для которого этот закон не оправдывался бы.

Эти математические истины отличны от истин, к которым мы приходим через внешние наблюдения. Вам известен этот факт, но при помощи современных методов исследования мы не в состоянии проникнуть к лежащим в его основе причинам. Причины этого заключаются в том, что математические истины возникают глубоко во внутреннем существе человека, что они происходят из третьего, низшего, уровня сознания и без участия самого человека вздымаются в его верхнее сознание, где он их и познает внутренне. Мы владеем математическими истинами потому, что мы сами ведем себя в мире математически. Мы ходим, стоим и тому подобное; мы движемся, описываем на земле определенные линии. Через эту волевую связь с внешним миром мы действительно получаем внутреннее лицезрение математики. Математика происходит из глубокого третьего слоя сознания и вздымается оттуда в его верхний слой (см. схему 2).

## Схема 2

Таким образом, хотя и непостижимо их происхождение для обыкновенного сознания, мы имеем достаточно ясное представление по меньшей мере об одной части самого глубокого слоя сознания, мы знаем математические и геометрические понятия, которые приходят к нам оттуда. Средний слой сознания имеет сновидческий, смутный характер. А затем в "верхнем этаже", где протекает дневная бодрствующая жизнь представлений, у нас опять все ясно, и то, что приходит из самого нижнего слоя сознания, также ясно в нас. То же, что лежит между ними, доступно переживанию подавляющего большинства только как путанные грезы наяву.

Очень важно, чтобы этот факт стал нам вполне ясен. Ибо греки в течение четырех с половиной столетий были в основном связаны с сознанием, которое являлось тем, что досталось им как остаток культуры мистерий. А это — чисто люциферический элемент. Я описывал это вам недавно; это — интеллектуальная

культура. Ясность царит в нашей голове. Она пронизана мудростью, общезначимой мудростью. Но это — люциферический элемент в нас (на доске пишется "люциферическое").

И, наконец, то, что существует в нас глубже, что так любимо современными учеными и так было любимо Кантом, что он сказал: "Наука о природе существует постольку, поскольку она содержит в себе математику", это — чисто ариманический элемент, который вздымается через наше человеческое существо. Это есть ариманический элемент (на доске пишется "ариманическое"). Теперь схема завершена.

Недостаточно знать о чем-либо, что оно само по себе верно. Мы знаем, что вещи, которые мы понимаем рассудком, посредством нашей головы, верны, но это — дар люциферического элемента. И мы знаем, что математика верна, но этой превосходной правильностью математики мы обязаны Ариману, который сидит в нас. Самый неопределенный элемент находится посередине. Он состоит, по видимому, из нелогичного колдовства сновидений.

Я опишу вам еще другой отличительный признак, чтобы вы могли понять всю важность того, о чем идет речь. В сущности, вся математическая концепция вселенной, ее пронизанность математикой, как она возникла у Галилея и Джордано Бруно, вырастает из этого глубочайшего слоя сознания. Четыре с половиной столетия протекли с тех пор, как мы его усвоили, — с тех пор, как мы начали вводить этот ариманический элемент в наше человеческое мышление и ощущение. В то время, как в столь ясном свете греческого сознания сиял последний отблеск культуры мистерий, в самом глубоком, в самом темном слое нашего сознания возникает первый зачаток того, что только в будущем достигнет своей вершины. Оно должно взойти.

Наша душевная жизнь действительно подобна коромыслу весов, которое надо стараться держать в равновесии между люциферическим элементом, с одной стороны, и ариманическим элементом — с другой. Люциферический элемент заключен в просветленности головы, ариманический же элемент находится глубоко внизу, в мудрости, которая пронизывает нашу волю. Между ними обоими мы стараемся удержать состояние равновесия, пребывая в том элементе, который сейчас кажется нам ничем не пронизанным.

### Рисунок

Как вступает мудрость в эту среднюю часть человека? Человек так поставлен в мире в настоящее время, что голова его поддерживается Люцифером, его мудрость системы вещества и конечностей — Ариманом. То, что мы опишем как срединное состояние нашего сознания, зависит от нашей сердечной организации с ее человеческими ритмами (протитите в моей книге "О загадках души", как наша интеллектуальность взаимодействует с головой), и эта сфера нашего существования должна постепенно стать столь же упорядоченной, как упорядочены головная мудрость — посредством головной логики, а все то, что мы знаем на ариманический лад, — через математику, геометрию и через внешнее рациональное наблюдение природы. Что же должно внести внутреннюю логику, внутреннюю мудрость, внутреннюю способность ориентации в среднюю часть человеческой природы? Это — Импульс Христа, который вступил в земную культуру через Мистерию Голгофы.

Существует своего рода духовнонаучная анатомия, которая показывает нам, что такое культура, происходящая от головы, что такое культура, происходящая от обмена веществ, и что такое та сфера нашего организма, которая лежит между теми двумя, и в чем эта средняя сфера нуждается. Необходимость пронизать себя Импульсом Христа заложено в существе человека.

Предположим гипотетически на одно мгновение, что Мистерия Голгофы не вступила в развитие земли. Человек и тогда обладал бы головной мудростью. Он имел бы также и то, что возникло и развивается с XV столетия после Р. Х. Но в отношении средней (центральной) части своего существа он был бы опустошенным и лишним. Он чувствовал бы все больший раскол между теми двумя другими его внутренними сферами. Для него стало бы невозможно достичь состояния

равновесия. Мы можем достигнуть этого состояния равновесия, только пронизывая себя все более и более Импульсом Христа, который обеспечивает состояние равновесия между люциферическим и ариманическим элементами.

Отсюда вы видите, что можно сказать: в те четыре с половиной дохристианские столетия человеку был дарован для приготовления к Мистерии Голгофы последний отблеск культуры древних мистерий, который отложился в своего рода головную память об этой древней культуре. И в новое время человек прошел через четыре с половиной столетия подготовки к новому духовному направлению, к некоему роду культуры мистерий. Но для того, чтобы эти две стороны могли быть объединены в историческом развитии человечества, должна была произойти Мистерия Голгофы как объективный факт, включенный в развитие человечества. Однако внутренне это развитие человечества протекало таким образом, что люди тем временем выросли, пока в XV столетии они не получили новый импульс, который я охарактеризовал как импульс Аримана и благодаря которому они стали впервые ощущать: мы нуждаемся в возможности построить мост между тем и другим.

Таким путем мы можем внутренне постичь тройственное существо человека. И мы поймем его еще точнее, если к тому, что я сказал сегодня, мы присоединим нечто, о чем я уже неоднократно упоминал. Было невозможно для древнего грека, который еще сохранил остатки древней культуры мистерий, быть атеистом, хотя это и случалось тогда у редких дегенератов, но не в такой мере, как это происходит в наше время. Атеизм по существу возник в новое время, по крайней мере, в своих радикальных проявлениях. Ибо грек, который был действительно проникнут диалектикой, чувствовал присутствие божественного в мышлении, даже в мышлении, лишенном содержания.

Если мы знаем это и затем бросим взгляд на появление атеизма, на полное отрицание божественного, то мы найдем его корни. Только те люди (естественно, мы нуждаемся в методах духовной науки, чтобы распознать их) являются атеистами, в чьем существе нечто органически расстроено. Безусловно, это может иметь место в очень тонких структурных взаимоотношениях внутри организма, но это факт, что атеизм в действительности есть некая болезнь.

Это первое, что мы должны твердо усвоить: атеизм — это болезнь. Ибо если наш организм полностью здоров, то гармоническое функционирование всех его отдельных частей приводит к тому, что мы сами ощущаем наше божественное происхождение: **Ex deo nascimur**.

Второе же является, безусловно, несколько иным. Человек может ощущать божественное, но не иметь никакой возможности ощутить Христа. В этом отношении ныне еще не умеют проводить тонкого разграничения. Тут слишком удивляются всего лишь словами, как и в других областях. Если мы исследуем сегодня истинное духовное содержание взглядов многих людей Запада и не поддадимся влиянию их слов (а они говорят, что они верят в свободу воли и т. д.) то мы найдем, что вся конфигурация их мышления противоречит их высказываниям такого рода. Только благодаря их участию в культурной жизни Запада привыкли они говорить о Христе, о свободе и т. д. В действительности же это большое количество людей, живущих среди нас, никто иные, как турки, ибо содержание их верований есть в точности тот же фатализм, присущий вере магометан, — хотя этот западный фатализм часто описывается под видом природной необходимости. Магометанство гораздо более распространено, чем мы думаем. Если мы сосредоточим наше внимание не на словах, а на духовно-душевном содержании, мы найдем, что многие христиане являются по существу турками. Они называют себя "христианами", а между тем они не могут найти перехода от Бога, которого они ощущают, ко Христу.

Мне стоит только привлечь ваше внимание к классическому образцу современного теолога, каким является Адольф Гарнак, написавший книгу "Сущность христианства". Пожалуйста, произведите следующий опыт: вычеркните в этой книге имя "Христос" везде, где оно встречается, и замените его просто словом "Бог", и это ничего не изменит в содержании этой книги. Он говорит только о Боге Отце, об Основе всего мира. Нет никакой необходимости, чтобы то, что этот человек высказывает, относилось бы ко Христу. Где он что-то доказывается, это и внешне, и внутренне неверно, хотя он заимствует различные сообщения из Евангелия; но из того, как он обрабатывает их, нет никакого основания связывать их с Христом. Мы должны приобрести возможность постижения Христа таким образом, чтобы не

отождествлять Его с Богом Отцом. Особенно много среди современных евангелических теологов таких, которые не в состоянии более проводить различия между общим понятием Бога и понятием Христа. Не быть в состоянии найти в жизни Христа — это совсем иное, чем не быть в состоянии найти Бога Отца. Вы знаете, что дело здесь вовсе не в сомнении в божественности Христа, дело — в точном различении в сфере божественного между Богом Отцом и Богом Христом. Это отражается и на душевной жизни человека. Не найти Бога Отца — это болезнь; не найти Христа — несчастье. Ибо человек так связан со Христом, что внутренне зависит от этого. Он, однако, зависит тут от чего-то такого, что совершилось как историческое событие. Человек должен найти связь с Христом здесь, на земле, во внешней жизни. Если он не найдет Его, это — несчастье. Не найти Бога Отца — значит быть атеистом; это — болезнь. Не найти Бога Сына, Христа, это — несчастье.

А что означает, если мы не найдем Духа? Не быть в состоянии постичь собственную духовность и таким образом найти связь собственной духовности с духовностью вселенной означает слабоумие; непризнание Духа — это душевное слабоумие.

Пожалуйста, запомните эти три изъяна, грозящие человеческой душе. Тогда завтра мы сможем правильным образом продолжать наши рассуждения. Запомните то, что я сказал вам сегодня о трех видах сознания; запомните, что это — болезнь, если мы атеисты, если мы не находим Бога, которым мы рождены и которого мы должны найти, если обладаем вполне здоровым организмом; что это — несчастье, если мы не можем найти Христа; что это — душевное слабоумие, если мы не можем найти Духа.

Подобным же образом различаются друг от друга пути, ведущие человека к Троице. Будет все более и более необходимо для человечества вникать в эти конкретные факты душевной жизни, а не оставаться при общих туманных, нечетких представлениях. Заменить эту склонность к расплывчатости представлений, ныне являющуюся особенно распространенной, склонностью вникать в конкретные факты душевной жизни — такова важная задача нашего времени.

## ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

*Дорнах, 29 ноября 1919 г.*

Только через усвоение по меньшей мере самых важных и значительных законов человеческого развития может достичь человек истинного сознания, которое будет поддерживать его душу, он должен познать то, что вносится ходом человеческого развития, и сделать это частью своей душевной жизни. Это — задача современного человека. Тут надо принять полностью во внимание (я уже на днях сделал такое замечание), что само развитие человечества является своего рода развитием живого существа. Как в случае развития отдельного человеческого индивидуума имеет место закономерный рост, так же происходит и в развитии всего человеческого рода. И так как в настоящее время настал момент, когда человеку надлежит поднять в свое сознание некоторые вещи, и так как человеческое существо участвовало ведь в течение своих повторных земных жизней в различных формах развития человечества в его истории, то становится необходимым развить понимание различий душевного строения людей в отдельные эпохи эволюции человечества. Я часто уже говорил: что то, что мы называем сегодня историей, является, собственно, некоей побасенкой, ибо абстрактное перечисление событий и поиски причин и следствий исторических процессов, производимые в самом общем смысле, не принимают в расчет происходящих преобразований, метаморфоз самой человеческой душевной жизни. Когда, исходя из этой точки зрения, мы делаем проверку фактов, то с легкостью убеждаемся в том, что это предрассудок — верить, будто теперь душа людей обладает таким же строем, как и в те времена, от которых сохранились самые ранние исторические документы. Это не так. Люди, даже самые простые, самые примитивные люди IX и X столетия христианской эры, имели душевный строй совсем другой, чем люди, жившие после середины XV столетия. Это можно установить в отношении как самых низов рода человеческого, так и в отношении его верхних слоев. Попробуйте, например, разобратся в примечательном сочинении Данте "О Монархии"\* "De monarchia" Впервые — Базель, 1559.. Если вы читаете подобную книгу не как курьез, но с некоторым культурно-историческим чутьем, то вы заметите, что такое сочинение представителя своего

времени содержит вещи, которые не могли бы быть высказаны современным человеком, проистечь из его души. Хочу упомянуть только одно.

В этой книге, которая была задумана им как серьезный трактат о правовом и политическом обосновании монархии, Данте пытается показать, что римляне были самым превосходным народом в мире; он пытается показать, что завоевание всей земли в пределах, известных в то время, было и законным правом римлян. Он старается доказать, что право римлян завоевать всю землю было большим, чем право на независимость отдельных меньших народов, ибо это было, мол, волей Бога, чтобы римляне правили различными меньшими народами — для собственного блага этих последних. Данте предлагает много доказательств в духе своего времени для оправдания права римлян владеть всей землей. Одно из доказательств следующее. Он говорит: римляне происходят от Энея. Эней был женат три раза. Сначала на Креусе; через этот брак он получил право как родоначальник править Азией. Второй раз он женился на Дидоне; через этот брак он получил право как предок римлян управлять Африкой. Затем он женился на Лавинии и тем самым приобрел себе, а значит, и для римлян, право управлять Европой. Герман Гримм\*\*\*Герман Гримм (1828—1901) — немецкий историк культуры. В "Данте и последние войны в Италии" (Эссе, I сборник)., который однажды обсуждал эту вещь, сделал следующее — я думаю, меткое — замечание: "Какое счастье, что в это время Америка и Австралия еще не были открыты!"

Но такого рода умозаключения были само собою разумными для просвещенного ума времен Данте, поистине самого выдающегося ума того времени. Таким было тогда юридическое доказательство. Теперь я прошу вас вообразить, что какой-то юрист настоящего времени выведет подобное заключение. Вы не можете даже вообразить этого. И столь же мало можете вообразить, чтобы способ мышления, который Данте применяет в отношении ряда других предметов, мог возникнуть из душевного строя человека настоящего времени.

Из такого лежащего на поверхности факта следует, как мы должны смотреть на преобразование душевного строя людей. Недостаток понимания этих вещей был терпим в известной мере до нашего времени. Но это более не годится в наше время, а особенно это не будет годиться для человечества в будущем по той простой причине, что человечество вплоть до нашего времени или, по крайней мере, до конца XVIII столетия (после Французской революции все это постепенно менялось, но все же еще сохранялись остатки старого) с учетом сделанных мною ограничений имело определенные инстинкты. Исходя из этих инстинктов, человечество было способно развить такое сознание, которое поддерживало душу. Но в настоящем состоянии постоянно изменяющегося организма человечества эти инстинкты более не существуют, и человек должен сознательно приобретать связь со всем человечеством в целом. В этом в конечном счете глубочайшее значение социального вопроса в настоящее время. То, что люди утверждают в своих партийных платформах, — только поверхностные формулировки. То, что подымается из подспудных глубин человеческих душ, не выражается в таких формулировках; человечество чувствует, что отдельной личности необходимо приобрести сознательную взаимосвязь со всем человечеством, т. е. приобрести себе, усвоить социальный импульс.

Мы не можем сказать этого, не приняв действительно во внимание закон развития. Сделаем это еще раз после неоднократного повторения, уже бывшего по отношению к другим вопросам. Возьмем как пример время от IV до XVI столетия христианской эры. Мы видим, как христианство распространяется по цивилизованной Европе. Мы найдем, что это распространение христианства имеет характер, о котором я говорил вчера и много раз прежде. Мы найдем, что большие усилия были приложены в это время для понимания тайн Голгофы посредством человеческих представлений и понятий, переданных греческой культурой. Затем началась изменившаяся форма развития. Мы знаем, что она наступила уже около середины XV столетия, но это сделалось ясно различимым только в XVI столетии. В это время начало распространяться естественнонаучно ориентированное мышление, захватывая сперва верхний слой человечества, а затем постепенно проникая все глубже и шире.

Сосредоточим наше внимание на некоторых особенностях этого естественнонаучного мышления. Можно перечислить ряд качеств естественнонаучно ориентированного мышления, но сегодня мы особенно

остановимся на одном из них. Это следующее: действительно крепкий современный мыслитель в настоящем смысле слова не в состоянии справиться с проблемой природной необходимости и свободы человека. Естественнаучное мышление современности движется все больше и больше к признанию человеческого существа членом остальной природы, причем последняя понимается как поток причин и следствий, жестко определяющих друг друга. Безусловно, есть и сегодня много людей, которые ясно видят, что свобода, переживание свободы есть факт человеческого сознания. Но это не мешает им быть неспособными постичь эту проблему, так как они заключены в границах естественнаучного образа мышления. Если мы мыслим о существовании человека в разрезе требований современного естествознания, то мы не в состоянии примирить этот образ мышления с идеей о человеческой свободе. Некоторые люди очень легко относятся к вопросу о человеческой свободе, к человеческому чувству ответственности. Я знал одного профессора уголовного права\*\* Не известен., который начинал каждый раз свой курс лекций по уголовному праву следующим замечанием: "Господа! Я буду читать вам лекции по уголовному праву. Начнем с принятия аксиомы, что существуют человеческая свобода и ответственность. Так как если бы не было человеческой свободы и ответственности, то не могло бы быть и никакого уголовного права. Однако уголовное право существует, так как я должен читать вам лекции о нем; значит, человеческая ответственность и свобода существуют также". Эта аргументация несколько простовата, но она указывает на те трудности, которые ныне возникают перед людьми, когда они задают вопрос: как природная необходимость может быть соединена со свободой? Иными словами, это показывает, как развитие, совершившееся за несколько последних столетий, заставляет людей думать об известном всемогуществе природной необходимости. Это не выражают в точности такими словами, но, тем не менее, признают известное всемогущество природной необходимости. Что же это такое — всемогущество природной необходимости?

Мы лучше пойдем друг друга, если я еще раз напомню вам то, о чем я уже часто говорил. Современные мыслители верят, что они действуют — или, вернее, думают — без преубеждений, просто как научные исследователи, когда они утверждают, что человек состоит из тела и души; не правда ли, люди, вплоть до якобы великого философа Вильгельма Вундта\**Вильгельм Вундт (1832-1920). Основал первый институт для экспериментальной психологии, автор "Психологии народов" в 10 томах.* (который, однако, стал "великим" просто благодаря любезности своего издателя) утверждают: если мы мыслим без преубеждений, то мы должны считать человека состоящим из души и тела, если мы вообще еще приписываем душе реальность. И очень робко пробивается та истина, что человек состоит из тела, души и духа. Философы, считающие себя свободными от преубеждений и верующие в то, что человек состоит из тела и души, не знают, что их заключение является всего лишь результатом хода исторического процесса, отправной точкой которого был Восьмой Вселенский собор в Константинополе, когда католическая церковь упразднила дух, установив догму, что впредь правоверный христианин должен мыслить человека состоящим только из тела и души, причем душа имеет некоторые духовные свойства. Это был церковный закон; философы учат ему и сегодня, не зная, что они просто следуют церковному закону. Они же думают, что они движут вперед непредвзятую науку. Таково сегодня положение в отношении многого того, что называется "непредвзятой наукой".

Так обстоит дело и с природной необходимостью. В течение всего времени развития между IV и XVI столетиями все больше кристаллизовалось вполне определенное понятие Бога. Если войти в тонкости духовного развития этих столетий, то встречаешься с тем фактом, что в человеческом мышлении все более и более вырабатывалось вполне определенное понятие Бога, которое достигло своей кульминации в изречении: Бог всемогущий. Мало кто знает о том, что для людей, живших до IV столетия христианства, не имело никакого смысла говорить о Боге как всемогущем. Мы сейчас не углубляемся в истины катехизиса; там вы, естественно, найдете: Бог всемогущ, всемудр, всеблаг. Все это вещи, не имеющие ничего общего с действительностью. До IV столетия христианского столетия никто не мог рассматривать всемогущество как основное свойство божественного существа, если он действительно понимал эти вещи, разбирался в них. Ибо в это время еще оказывали свое действие греческие понятия. Думая о Божественном существе,

люди тогда говорили в первую очередь (пишется на доске) не "Бог всемогущий", а "Бог всеведущий". Мудрость была тогда тем, что в первую очередь считалось основным атрибутом существа Бога. И понятие всемогущества только постепенно проникало в идею существа Бога, начиная с IV христианского столетия. Это получило дальнейшее развитие. Понятие личности было отброшено, а этот титул был перенесен на простой распорядок природы, понимаемый все более и более механистически. И новейшее понятие природной необходимости, всемогущества природы есть ни что иное, как результат развития понятия Бога (пишется на доске) с IV по XVI столетие. Только свойства личности были отброшены, и то, что прежде составляло понятие Бога, было превращено в способ мышления естествознания.

Но современные истые ученые-естественники будут, конечно, решительно возражать против чего-либо подобного. Как многие философы верят, что они мыслят непредвзято о человеке, рассматривая его состоящим из тела и души, хотя в действительности они просто следуют за Восьмым Вселенским собором, состоявшимся в Константинополе в 869 г., так все они (и геккельянцы, и дарвинисты — все, вплоть до фрейдистов с их природной необходимостью) никто иные, как протестанты того теологического течения, которое развилось во время от Августина до Кальвина\**Иоган Кальвин (1509-1564) - женеvский реформатор.* Эти вещи должны быть как следует поняты. Особенностью каждого эволюционного течения является то, что оно включает в себя как определенную эволюцию, так и инволюцию, или деволуцию. И в то время, когда развивалось понятие "Бога всемогущего", в подсознательных сферах человеческой душевной жизни существовало подспудное течение, которое стало затем ведущим верхним течением, — природная необходимость (см. схему: красная линия). А начиная с XVI столетия существовало новое подспудное течение, которое готовится как раз в наше время стать верхним течением (синяя линия).

### Рисунок

Для эпохи Михаила характерно, что то, что подготавливалось в форме подспудного течения природной необходимости, должно было теперь стать верхним течением. Но если мы хотим приобрести какое-то понимание того, что, собственно, таким образом подготавливалось, мы должны постигнуть вневременный дух развития земли.

Я недавно обращал ваше внимание на то, что происходит само собою в земном развитии и особенно в развитии человечества движется, собственно, по нисходящей линии. Земное человечество и развитие самой земли находятся на пути упадка. Я привлекал ваше внимание к тому факту, который ныне признан геологической истиной со стороны серьезно мыслящих геологов, а именно, что земная кора находится в процессе распада; но в особенности само человечество находится в процессе упадка под влиянием собственно земных сил внешнего мира. И человечество в своем процессе развития должно настолько подвигнуться дальше, чтобы воспринять духовные импульсы, которые работают против упадка. Поэтому сознательная духовная жизнь должна войти в человечество. Нам должен быть ясен тот факт, что мы уже пересекли высший пункт земного развития. Для того, чтобы земное развитие могло двигаться дальше, духовное должно восприниматься людьми все более и более ясно и отчетливо.

Сперва это кажется абстрактным фактом. Но для духовного исследователя это никак не абстрактный факт. Вы знаете, что мы можем проследить развитие Земли через стадии древних Сатурна, Солнца и Луны вплоть до стадии Земли. Это развитие может быть охарактеризовано также следующим образом: если мы говорим о современном человечестве, то тогда мы, по существу, должны рассматривать развитие человечества через периоды Сатурна, Солнца и Луны как подготовку, как предварительную стадию развития. Только на самой Земле, получив свое Я, человек действительно достиг человеческой ступени, и в его существование будет вливаться дальнейшее в течение последующих стадий развития Земли.

Вы знаете, что так называемые Архаи, теперешние Духи Личности, или Духи Времен, были на стадии Сатурна, хотя и в совершенно иной форме, с совершенно иным внешним обликoм, на той ступени развития, на которой человек находится теперь. Я выражал это в моих книгах, говоря: "То, что мы обозначаем сегодня как Архаи, Духи Личности, были людьми в течение периода Сатурна, Архангелы были людьми в течение периода Солнца, Ангелы — в течение периода Луны. В течение

периода Земли людьми стали мы".

Наше собственное развитие, конечно, шло параллельно в порядке подготовки к дальнейшему. Если мы вернемся назад, хотя бы только к лунной стадии, то мы должны сказать: "Здесь Ангелы были человеческими существами, конечно, человеческими существами с совершенно отличной от нас внешностью, так как на древней Луне были совершенно иные условия. Но параллельно с этими людьми Луны, т. е. с Ангелами, развивались также мы, достигнув за эти стадии развития, предшествовавшие Земле, очень развитого состояния, так что Ангелы должны были там уже принимать нас во внимание. Особенно в течение нисходящей фазы эволюции Луны мы создавали тягостные заботы Ангелам. То же самое, однако, происходит также с нами во время нисходящей фазы эволюции Земли; со времени, когда эволюция Земли пошла по нисходящей линии, другие существа дают себя чувствовать". Это очень значительный, очень важный результат духовно-научного исследования, к которому следует отнестись очень, очень серьезно, а именно, что мы уже вступили в ту стадию развития Земли, когда дают себя чувствовать существа, которые на Юпитере — следующей стадии эволюции Земли — продвинулись до формы человека безусловно, иной формы человека, чем наша, но которая, тем не менее, может быть сравнима с существом человека. Ибо мы станем иными существами на Юпитере. Эти, так сказать, будущие люди Юпитера, существуют уже теперь точно так, как мы существовали на древней Луне. Они существуют, понятно, невидимые внешне; но я уже разъяснял вам раньше, что значит быть видимым внешне и что человек есть также сверхчувственное существо. Сверхчувственно эти существа присутствуют здесь очень определенно.

Я подчеркиваю еще раз: это является исключительно серьезной истиной, что определенные существа, фактически присутствующие в окружении человечества, дают о себе знать. Они дают знать о себе все более и более, начиная с середины XV столетия. Эти существа обладают преимущественно таким силовым импульсом, который очень похож на человеческую силу воли, о которой я говорил вам вчера как о существующей в самом глубоком слое человеческого сознания.

Эти невидимые существа связаны с тем, что ныне остается вне поля обычного сознания, но они уже дают очень сильно знать о себе в ходе развития современного человечества.

Для лиц, которые действительно серьезно относятся к духовным исследованиям, эта проблема огромной важности. Я столкнулся, можно сказать, натолкнулся на эту проблему особенно сильно (в свое время я говорил об этом в той или иной форме разным нашим друзьям) тогда, когда в 1914 году разразилась катастрофа этой войны. Следовало бы спросить себя: Как могло обрушиться на европейское человечество такое событие, которому фактически невозможно найти меру в отношении его причин, как это обычно делалось в отношении прежних исторических событий? Тот, кто знает, что в принятии решений, приведших в Европе к войне 1914 г., участвовали не более 30 или 40 человек, и кто знает также, в каком душевном состоянии находились почти все эти люди, — тот должен был столкнуться с упомянутой выше серьезной проблемой. Ибо почти все эти люди, как ни странно это звучит сегодня, находились тогда в притупленном, помраченном сознании. Вообще, в течение последних лет произошло много такого, что было вызвано помраченностью человеческого сознания. На самых решающих постах мы видим в 1914 году повсюду людей, которые наиболее ответственные решения конца июля и начала августа принимали в состоянии помраченности сознания; и это продолжается вплоть до настоящего дня. Эта проблема по-своему страшная. Если мы исследуем ее духовнонаучно, то мы найдем, что это помраченное сознание людей было теми вратами, через которые именно определенные существа воли были в состоянии проникнуть и овладеть сознанием тех людей; они овладели помраченным, затуманенным сознанием этих людей и действовали через их сознание. А эти существа, которые вмешались таким образом, суть еще дочеловеческие, подчеловеческие существа. Что же это за существа? Мы должны поставить этот вопрос совершенно серьезно: какие же они, собственно, существа?

Так вот, мы задавали вопрос относительно происхождения человеческого разума, о происхождении разумного человеческого поведения, которое, говоря попросту, имеет свое орудие в нашей головной организации. И мы увидели, что эта способность разумного постижения нашей души восходит к тому деянию Архангела Михаила, которое обычно символически изображается как низвержение дракона.

Собственно, это очень тривиальный символ. Ибо, если мы верно представляем себе Михаила с драконом, то мы должны сказать: "Вот существо Михаила, а вот — дракона, который, собственно, есть все то, что входит в наш так называемый разум, в нашу способность мыслить. Не в ад низвергает Михаил вражескую рать, но в человеческие головы; там этот люциферический импульс продолжает жить дальше (рисунок 12)..." Я ведь характеризовал вам человеческий разум как собственно люциферический импульс. Таким образом, мы можем сказать: если мы посмотрим назад, в прошлое развитие Земли, то мы найдем деяние Михаила, и с этим деянием Михаила связано озарение человека его разумом.

### Рисунок

Подчеловеческие существа, главный характер которых проявляется в импульсе, очень сильно перекликающемся с человеческой волей, с человеческой силой воли, появляются теперь в некотором смысле снизу, в то время как полчища сил, низверженных Михаилом, пришли сверху. И в то время как последние овладели человеческой способностью представления, первые овладевают человеческой силой воли, соединяются с нею; они суть существа, происходящие из царства Аримана.

Ариманическими были те влияния, которые действовали через помраченное сознание людей. Да, до тех пор, пока не принимают во внимание эти силы как объективно существующие в мире, как, например, принимают во внимание то, что сегодня называют магнетизмом, электричеством и т. д., до тех пор не смогут достигнуть никакого прозрения в мир той природы, что, согласно гимну в прозе Гёте *"Природа"*; ср. статью Р. Штайнера "К «фрагменту» о природе" в ПСС, т. 30., объемлет также и человека. Природа же, которая описывается нынешним *«естествознанием»*, не содержит в себе человека, а только его физическую оболочку.

### Рисунок

Этих существ, которые так же представляют восхождение ариманических существ, как то, что в начале земного развития являлось низвержение люциферических существ, и представляющих вместе с тем захват человеческой силы воли, как другие существа захват люциферизированной силы представления, этих существ нам следует распознать при их вступлении в человеческое развитие. Мы должны уяснить себе, что эти существа приходят и мы должны считаться с таким *«ходом»* к природе, который, впрочем, в настоящее время распространяется только на человека, так как царство животных будет только позднее втянуто в собственно земной период развития. Поэтому на животных эти существа пока еще не имеют влияния. Но мы не в состоянии постичь, что такое человеческий род, не принимая во внимание этих существ. И эти существа, которые, можно сказать, подстегиваются с тыла, так как позади них стоит собственно ариманическое, которое наделяет их крепкой силой воли, и которое вливает в них направляющие их силы, — эти существа, которые сами по себе суть подчеловеческие существа, в своей массе подвластны высшим ариманическим духам и вследствие этого имеют в себе нечто такое, что значительно превосходит их собственную природу и сущность. Поэтому, если они овладевают человеком, они обнаруживают в своем *«вмешательстве»* нечто такое, что действует сильнее, гораздо сильнее того, чем слабое человеческое существо может располагать сегодня, если оно не укрепляет себя духовно. Какова цель этой рати? Если люциферическая рать, которую Михаил низверг вниз, имела целью озарение человека, пониживание человека разумом, то эта рать имеет своей целью некое *«приближение»* в человеческую волю. И чего эти существа *«хотят»*? Они неким образом зарываются в самые глубокие слои сознания, где человек еще спит сегодня в своем бодрствующем состоянии. Человек не замечает, как эти существа *«входят»* в его душу, а также и в тело. Здесь они притягивают к себе при помощи своей силы притяжения все то, что осталось люциферическим, — что не стало пронизано Христом. Этого они могут достичь; этим они могут овладеть.

Эти вещи очень актуальны! Я уже упоминал об одном явлении, которое имеет совсем особенное культурно-историческое значение. Теперь мы ведь читаем так называемые апологические сочинения; всевозможные люди, начиная с Тео-больда Бетмана *"Теобольд фон Бетман-Гольвег (1856-1921) - немецкий рейхканцлер (1909-1917). «Размышления о мировой войне»*. и вплоть до Ягова *"Готтлиб фон Ягов (1863-1935) — премьер-министр Пруссии с 1914 г. «Причины и начало мировой войны», 1919 г., все они пишут (Клемансо Жорж Клемансо (1841-1929) -*

французский министр-президент (1917-1920). и Вильсон\*Томас Вудро Вильсон (1856-1924) — президент Соединенных Штатов Америки (1913-1921). "Речи Вудро Вильсона", Берн, 1919 г. пришли к этому позднее, но они также пишут), все пишут. И вот, отсюда достаточно взять что-нибудь только одно, например, те два толстых тома, написанных Тирпицем, или два тома, написанных Людендорфом; это в высшей степени интересно для человека, который мыслит, который мыслит в духе своего времени, проследить тот род и способ, как пишут люди, подобные Тирпицу\*Альфред фон Тирпиц (1849-1930) - создатель и организатор немецкого флота. "Воспоминания", 1919 г. и Людендорфу\*Эрих Людендорф (1865-1937) - шеф генерального штаба в период 1-ой мировой войны. "Мои военные воспоминания 1914-1918", 1919 г.. По своему содержанию эти сочинения весьма различны, так как Тирпиц и Людендорф терпеть не могли друг друга: они придерживались совсем различных взглядов. Но здесь мы хотим говорить не об их мнениях, но об их духовной конфигурации. Эти книги написаны на современном немецком языке, вроде бы на современном немецком языке, но они фактически (тут надо иметь способность понимания этого, а не то отнесешь такую книгу, раз на ней стоит год издания 1919, к современной эпохе) написаны соответственно способу представления, что можно задать себе вопрос: "Да что же это, собственно, за-форма мышления?" Этот вопрос я задал себе совершенно серьезно и исследовал обе названные книги в этом отношении. Ибо это — совершенная неправда, самая настоящая неправда, что эти книги написаны по-немецки; внешне они написаны по-немецки, но это, собственно, всего лишь перевод, ибо формы мышления суть те же самые, какие были во время римских цезарей; у этих людей в точности тот же способ мышления, какой наличествовал у римского цезаря.

Как раз тогда, когда приобретено понимание метаморфозы, которую прodelывает человечество (как я перед этим описал ее), замечаешь, насколько отстали подобные души, так как они, собственно, не приняли участия в этой метаморфозе. Мемуары Тирпица и мемуары Людендорфа лишь случайно касаются современных событий; с таким же успехом они могли бы трактовать о военных походах Цезаря. Это точно доказуемо для того человека, который владеет методом документальства подобных вещей. Итак, другими словами, христианство прошло мимо этих людей, в них нет ничего христианского. Слова, верно, были у них; они, может быть, в своей «ости также молились в христианских церквях — я этого не знаю (о Тирпице я этого не думаю, о Людендорфе — тоже), но это ведь ни о чем большем не говорит, — действительного Христова Импульса в своем сердце, в своей душе «и не имели. Они остановились на более ранней ступени развития человечества. К людям с такой конфигурацией представлений могут подступать те духи, о которых я говорил. Они могут завладеть ими, увлечь их за собой. Таким путем хотят они утвердить свое господство. Но вследствие этого вторгается некий чуждый элемент, вторгается, давая себя знать, из некоего духовного мира в решения, принимаемые этими людьми. В отношении Людендорфа это может быть доказано документально, хотя еще пока нет "исторической психопатологии" (впрочем, в не слишком далеком будущем она станет практиковаться), в отношении Людендорфа это может быть прямо доказано. Это было 6 августа 1914 года при взятии Люттиха (по-французски — Льежа)\* \*Людендорф Э."Мои военные воспоминания 1914 — 1918", (в главе "Люттих").. На одной из улиц наступление целого воинского соединения застопорилось; Людендорф был среди нею тогда еще в чине полковника, и на него пала необходимость и вся ответственность принятия того или иного решения. Только благодаря его молниеносному решению свершилось то, что произошло тогда в Люттихе. Но при этом Людендорфом было утрачено нормальное состояние сознания. Это ввергло его в такой склад душевной жизни, который принадлежит еще времени римских цезарей, и принесло помрачение сознания, открывшее врата для вступления в него ариманического мира.

Наше время ставит перед нами эти проблемы. Мы не можем больше проходить мимо этих вещей. Они, конечно, не удобны, ибо для людей стало удобным думать иначе, т. е. вообще не думать о человеке, не изучать его поближе. И это небезопасно — говорить об этих вещах всю правду в то время, когда многие люди совсем не любят чувства правды, не считая еще и того факта, что ложная сентиментальность может найти сообщение об этих вещах проявлением душевной жестокости.

Однако результатом проникновения в эти вещи будет сознательное познание необходимости импульса Христа. Можно распознать, где повсюду недостает импульса Христа. Вчера мы показали, что импульс Христа должен вступить в средние слои сознания. Сегодня мы можем добавить: если импульс Христа охватит

средний слой сознания, если человек действительно пронизет себя Христом, тогда эти ариманические силы не смогут пробиться через средний слой сознания вверх и тогда они не смогут своими духовными силами увлечь вниз силы разума. Все зависит от этого.

Крайне важно, чтобы сегодня мы распознавали природу влияний в числе прочих, которые приходят к нам от внечеловеческих, подчеловеческих существ, в свою очередь находящихся под влиянием других существ. В числе прочих влияний, которые коренятся только в мире людей. Неделю назад я говорил вам о влиянии Михаила. Я характеризовал вам это влияние Михаила. Оно очень необходимо. Ибо как верно то, что через деяние Михаила пришел люциферический захват человеческого разума, так верно и то, что ныне возникает противоположный полюс, восходят известные ариманические существа. И только благодаря продолжающейся деятельности Михаила человек оказывается вооруженным против того, что тут восходит. Даже физиологически опасно ныне придерживаться просто природной необходимости, этого вида фатализма, который выражается в идее природной необходимости. Так как воспитание, полученное в школе и в жизни в понятиях, которые исходят из просто природной необходимости и основываются на всемогуществе природной необходимости, ослабляет человеческую голову, и вследствие этого люди делаются столь пассивными в отношении их сознания, что иные силы в состоянии вторгнуться в это сознание, где недостает как раз тех сил, что необходимы для принятия в человеческую душу импульса Христа в его временной форме.

Это в некотором смысле мой долг — говорить в такое время о предмете, о котором я начал речь сегодня (и я продолжу еще завтра): о наступлении известных ариманических существ, с которыми мы должны считаться. Самые разумные люди на земле знают сегодня об этом наступлении. Но они дают ему ложное истолкование, потому что ничего не знают о реальной троичности Христос — Люцифер — Ариман или же не хотят ничего об этом знать, но смешивают Аримана и Люцифера. Тогда различить их невозможно; тогда невозможно правильно распознать подлинную специфику этих ныне восходящих ариманических существ. Только если мы отчетливо выделим ариманическое и распознаем его в его противоположности люциферическому — только тогда постигнем мы природу тех сверхчувственных влияний, которые, можно сказать, наступают теперь как противоположность низвергнутому Михаилом дракону. Это есть своего рода вздымание, восхождение из ариманических глубин известных существ. И эти существа находят уязвимые места человека особенно тогда, если он поддается необузданным инстинктивным импульсам и не стремится к их уяснению себе.

В наши дни существует метод — я назвал бы его антиметод — маскировки инстинктивных побуждений, заслоняя их пронождениями понятий так, что становится невозможным сгавить относительно них правильное суждение. Только подумайте о боевом кличе пролетариата новейшего времени. За этим боевым кличем стоят очень оправданные требования человечества (я достаточно часто разъяснял это). Но взывают не к этим требованиям. В нашей идее тройственного расчленения общества\**См. Р. Штейнер "Поворотный пункт социального вопроса" (ИСС, т. 23).* Эти требования выдвинуты впервые. Вызывают же к чему-то существенно иному: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Что это значит? Это означает: возвращайте вашу антипатию к другим классам общества, пусть она будет вам свойственна как пролетариям; возвращайте по-одному то, что похоже на ненависть, и объединяйтесь, т. е., любите один Другого, соединяйте ваши чувства ненависти, ищите классовой любви, ищите любви к товарищам по классу, исходя из ненависти. Любите один другого, исходя из ненависти, или на основе ненависти. Здесь вы нагромождаете рядом два полярно противоположных понятия. Это делает человеческую способность постижения столь расплывчатой, что инстинкты маскируются и человек не знает, с чем это он имеет дело в себе самом. Это и есть как раз тот своего рода антиметод (если я смею употребить столь парадоксальное выражение), служящий цели сокрыть — посредством современного человеческого мышления — власть инстинктивной жизни, которая создает особенно важные уязвимые места для описанных ариманических существ.

## ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 30 ноября 1919 г.

Вы видели из моих лекций последних дней, что для правильного понимания

человеческого существа необходимо распределять его различные члены и прежде всего понимать резкое различие между тем, что мы можем назвать организацией человеческой головы, и тем, что составляет остальной человеческий организм. Как вы знаете, остальной человеческий организм состоит из двух членов, так что в целом мы имеем трехчленность, но для понимания важных импульсов в человеческой эволюции, перед которыми мы стоим в настоящее время и в ближайшем будущем, различие между головной организацией человека и организацией остального человека наиболее важно.

Если мы таким образом говорим духовнонаучно о человеческом существе, проводя различие между головным человеком и остальным человеком, тогда эти две организации сформировались для нас суть скорее образы, созданные самой природой для душевного, для духовного, чьим выражением, чьим проявлением они являются. Человек занимает во всей эволюции земного человечества в целом такое место, которое становится понятным только тогда, когда замечают, как различно положение головной организации в этой эволюции по сравнению с остальной организацией человека. Все, связанное с головной организацией, и что проявляется как человеческая жизнь представлений именно через голову, есть нечто такое, что уходит далеко в прошлое послепалеолитической эволюции человечества (мы пока ограничимся рассмотрением этого периода). Если мы направим взор на то время, которое предшествовало непосредственно за великой атлантической катастрофой, т. е. на время за шесть, восемь тысячелетий до христианской эры, то мы найдем господствующим повсюду в странах цивилизованного мира того периода такой душевный строй, который едва ли можно сравнить с нашим. Сознание и постижение мира человеком того времени почти не поддается сравнению с тем, что характеризует наше восприятие Мира внешними чувствами и наше постижение мира в мыслях. В моем "Тайноведении" я обозначил эту культуру, которая существовала в столь древние времена, древнеиндийской культурой. Мы можем сказать: организация людей того времени, которая тогда была по преимуществу связана с одной головой, отличалась от нашей теперешней в очень значительной степени, так что координация в пространстве и времени, как это присуще нам, совсем не была свойственна этому древнему народу. Обозревая мир, они охватывали неизмеримые пространственные дали и имели также одновременное переживание различных моментов времени. Такого сильного акцептирования времени и пространства при постижении мира не существовало в этот древний период.

Первые проблески этого мы находим примерно в пятом и четвертом тысячелетиях, а именно, в эпоху, которую мы обозначим как древнеперсидская. Но даже и тогда весь строй душевной жизни был еще таким, что вряд ли он может быть сравним с душевным строем и концепцией мира у человека нашего времени. В это древнее время человек всегда интерпретировал все вещи так, что он повсюду усматривал прежде всего поляризацию между светом (светлым) и тьмой (темным). Те абстракции, в которых мы ныне живем, были совершенно чужды этому древнему населению земли. Тогда еще существовало нечто от универсального, всеохватывающего восприятия, было сознание проникновения всего видимого светом и его затемнения, помрачения различной степенью тьмы. Таким образом понимался и моральный мировой порядок. Человеческое существо, доброжелательное и доброе, ощущалось как светлое, сияющее, а закрытое, эгоистичное ощущалось как темный человек. Человеческая моральная индивидуальность еще отчасти воспринималась аурически вокруг него. И если бы мы заговорили с человеком этой древнеперсидской эпохи о том, что мы ныне называем распорядком природы, то он ничего не понял бы. Распорядок природы в нашем смысле не существовал в его мире света и тьмы. Для него весь мир был миром света и теней; и в мире звуков некоторые нюансы звучания он обозначал как светлые, сияющие, а другие как мрачные, темные. Мир для него был миром света и тьмы. И то, что выражало себя через это светлое и темное, было для него одновременно как духовными, так и природными силами. Для него не существовало никакого различия между силами духовными и силами природы. Наше современное различие между природной необходимостью и человеческой свободой показалось бы ему просто безумием, так как этой двойственности — человеческого волеизъявления и природной необходимости — не существовало для него. Все было включено для него в одно духовно-физическое единство. Если я должен дать вам зримый образ особенностей этого древнеперсидского мировоззрения, то я должен нарисовать

примерно следующую линию (она получит свое полное значение только благодаря тому, что последует дал**ьше**) (рисунок14).

### Рисунок

Затем, после того, как этот душевный строй человека де**лался** более двух тысячелетий, появился тот духовный строй, отзвук которого мы можем найти в халдейском, в египетском мировоззрении и в особенной форме мировоззрения, отблеск которого сохранился в Ветхом Завете. Там отчасти появ**илось** уже нечто такое, что ближе к нашему современному мировоззрению. Там первые намеки на некую природную необходимость проникают в человеческие представления. Но эта природная необходимость еще далека от того, что мы называем сегодня механическим или также виталистическим распорядком природы; в то время природные процессы еще рассматривались как идентичные с божественной волей, с провидением. Провидение и природные процессы были еще единством. Человек знал, что если он двигает рукой, то это божественное внутри него, пронизывающее его, движет его рукой. Когда дерево раскачивалось ветром, то восприятие этого раскачивающегося дерева не отличалось для него от воспр**иятия** его движущейся руки. Он усматривал одну и ту же бож**ественную** силу, силу провидения, и в своих собственных дв**ижениях**, и в движениях дерева. Но была уже разница между Богом вовне и Богом внутри; однако Бог понимался как еди**нство** — Бог в природе и Бог в человеке; Он был тем же с**амым**. И людям того времени было ясно, что есть в человеке нечто такое, через что провидение, которое вовне, в природе, и провидение, которое внутри, в человеке, встречают друг друга.

В это время человеческий процесс дыхания ощущался следующим образом. Люди говорили: если дерево качается — это Бог вовне, если я двигаю мою руку — это Бог внутри; если я вдыхаю воздух, перерабатываю его внутри себя и с**на** выдыхаю, значит это — Бог извне входит в меня и затем снова оставляет меня. Так одно и то же божественное ош**ущалось** как находящееся и вовне, и внутри одновременно на пересечении внешнего и внутреннего; и люди говорили себе: будучи дышащим существом, я являюсь существом внешней природы и в то же время я сам.

Если я хочу характеризовать мировоззрение этой третьей эпохи линией, как я это сделал для древнеперсидского мир**оззрения** линией предыдущего рисунка, то я должен хара**ктеризовать** ее следующей линией (в овал вписывается ле**мниската**).

### Рисунок

Эта линия передает, с одной стороны, существование пр**иро**ды вовне, а с другой стороны — человеческое существование, но они пересекаются, встречаются в одном пункте — в процессе дыхания.

Все становится иным в четвертую греко-латинскую эп**о**ху. Тут перед человеком резко выступает противоположность между внешним миром и миром внутренним, между бытием природы и бытием человека. Человек начинает чувствовать противоположность между собой и природой. И если я с**на** охарактеризую рисунком то, как начал чувствовать чел**овек** в греческую эпоху, то я должен обозначить это так (вп**исывается** в лемнискату): с одной стороны, он чувствует вне**шнее**, и с другой — внутреннее; между этими двумя мирами нет больше пункта пересечения.

### Рисунок

То, что человек имеет общего с природой, в некоторой мере остается вне его сознания. Оно уже выпадает из поля созн**ания**. В индийской культуре йоги пытались ввести это снова в сознание. Поэтому культура индийской йоги является а**т**авистическим возвращением к более ранним стадиям разв**ития** человечества, ибо сделана попытка снова ввести в созн**ание** процесс дыхания, который в третью эпоху ощущался е**стественным** образом как существующий одновременно вовне и внутри. Четвертая эпоха началась в VIII столетии дохристи**анской** эпохи. Тогда началась разработка упражнений п**ол**ней индийской йоги, посредством которых пытались ве**рнуть** атавистически то, чем человечество обладало в более ранние времена и обладало, в особенности, именно в древн**индийской** культуре, но что было затем утрачено.

Итак, сознательность процесса дыхания была утрачена. И если спрашивают: "Почему культура индийской йоги стр**емилась** вернуть это, чего она, собственно,

думала этим достигнуть?", то нужно ответить: "То, чего намеревалась этим достигнуть, было истинное понимание внешнего мира". Благодаря тому, что в третью эпоху дыхательный процесс осознанно осуществлялся, было достигнуто внутри человека нечто такое, что одновременно было и чем-то внешним.

Это снова должно быть достигнуто, но, однако, иным путем. Мы все еще живем под остаточным влиянием той культуры, в которой двойственность была свойственна строю человеческой души, так как четвертый период закончился только около 1413 г. или, в общем, в середине XV столетия. Благодаря нашей головной организации мы имеем неполное восприятие природы — того, что мы называем внешним миром, а благодаря нашей внутренней организации, благодаря организации остального человека мы имеем неполное знание самих себя. То промежуточное, в чем мы можем познавать процессы мира и в то же время свои собственные процессы, выключено, отнято от нас.

Теперь дело заключается в сознательном достижении того, что было утрачено. Это означает, что мы должны приобрести способность овладеть чем-то, что имеется внутри человека и что одновременно принадлежит к внешнему и внутреннему мирам, простираясь в оба. (Оба образования обводятся ленточкой).

### Рисунок

Это должно быть устремлением пятой послеатлантической эпохи — именно стремление найти во внутреннем мире человека нечто такое, в чем в то же самое время происходит и некий внешний процесс.

Если вы помните, я уже указывал на этот важный факт; я указывал на него в моей последней статье в журнале "Социальное будущее" \*См. ПСС, т. 24, Дорнах, с. 231 и сл., где я как-то коснулся этих вещей в их значении для социальной жизни, но где я ясно указывал на необходимость нахождения того, чем человек владеет в своем внутреннем мире и что он в то же самое время познает как процесс внешнего мира. Мы, люди современности, не можем достичь этого, возвращаясь к культуре йоги; она — прошлое. Ибо сам процесс дыхания изменился. Конечно, вы не можете теперь доказать это клинически, но процесс дыхания сделался иным после третьей послеатлантической культурной эпохи. Грубо говоря, мы можем сказать: в третьей послеатлантической культурной эпохе человеческое существо еще дышало душой; сегодня мы дышим воздухом. Не только наши представления стали материалистическими; сама реальность потеряла свою душу.

Я прошу вас не считать маловажным то, что я сейчас говорю. Только подумайте, что это означает, что реальность, в которой живет человечество, сама преобразовалась так, что самый воздух, которым мы дышим, является уже иным, чем он был четыре тысячелетия тому назад. Не только сознание человечества изменилось, о нет! В атмосфере Земли была ранее душа. Воздух был душой. Ныне это больше не так, или, вернее, он является душой, но совсем иной. Духовные существа элементарной природы, о которых я говорил вам вчера, проникают в вас — вы можете вдохнуть их в себя, если вы практикуете сегодня дыхание йогов. Но то, что было достигнуто в нормальном дыхании три тысячи лет тому назад, не может быть возвращено искусственно. То, что оно может быть искусственно возвращено, является великой иллюзией восточных людей. То, что я здесь утверждаю, есть описание действительности. Прежней одушевленности воздуха, которая принадлежала человеческому существу, более не существует. И потому существа, о которых я говорил вчера (и назвал бы их антимихайловыми существами), способны проникать в воздух и через воздух в человека и таким путем проникать в человечество. Мы можем прогнать их прочь только тогда, если вместо йоговского применим то, что является правильным сегодня. Следует уяснить себе, что мы должны стремиться только к правомерному, что доступно, если мы осознаем чрезвычайно тонкие взаимоотношения человека с внешним миром, — осознаем, что в нашем эфирном теле возникает нечто такое, что должно все больше и больше входить в наше сознание, подобно процессу дыхания. В процессе дыхания мы вдыхаем свежий воздух с кислородом и выдыхаем негодный воздух с углеродом. Подобный процесс имеет место также во всех наших восприятиях внешних чувств. Вот подумайте: вы видите нечто (возьмем наглядный пример — предположим, что вы видите пламя). В этом слухе имеет место процесс, который можно сравнить со вдохом, только он гораздо тоньше. Если вы затем закроете ваши глаза (и вы можете делать подобные опыты с каждым из ваших органов чувств), то у вас останется

послеобраз пламени, который постепенно будет изменяться — затухать, как сказал Гёте\*\**Ср. Гёте "К учению о цвете" (т. III, § 105): "Если созерцают ослепительный совершенно бесцветный образ, то он производит слабое длительное впечатление и его угасание сопровождается цветовыми явлениями". См. комментарий Р. Штейнера (ПСС, т. I а-е): "Все такого рода послеобразы являют это угасание в красках, что показывает, даже если это пока анатомически необъяснимо, что глаз содержит образчик всего спектра, вплоть до пурпурного — красного"..* Помимо того, что является чисто физиологическим, человеческое эфирное тело в значительной степени принимает участие в процессе восприятия светового впечатления и его последующего затухания. Нечто очень важное содержится в этом процессе: он содержит то душевное, которое три тысячелетия лет назад вдыхалось и выдыхалось с воздухом. И мы должны учиться прозревать процессы восприятия внешними чувствами в их пронизанности душевным, подобно тому, как прозревали процессы дыхания три тысячелетия назад.

Видите ли, это связано с тем фактом, что человек три тысячелетия назад жил в своего рода ночной культуре. Ягве возвещал через своих пророков в ночных сновидениях. Но мы должны стараться тонкости нашего интимного общения с миром развить так, чтобы получать не просто чувственные восприятия, но также и духовное. Для нас должно стать несомненным, что с каждым лучом солнца, с каждым звуком, с каждым ощущением тепла и с их затуханием мы входим в душевное взаимное общение с миром, и это душевное взаимное общение должно стать чем-то значимым для нас. Мы можем иметь поддержку в достижении этого.

Я ведь описал вам свершение Мистерии Голгофы в четвертой послееатлантической эпохе, которая, если мы хотим быть точными, началась в 747 г. до Р. Х. и закончилась в 1413 г. после Р. Х. Мистерия Голгофы произошла в первой трети этой эпохи и была понята в самом начале при помощи отзвуков древнего образа мышления, древней культуры. Этот способ постижения Мистерии Голгофы должен быть заменен совершенно новым, ибо древний способ использован до конца. Он больше не справляется с постижением Мистерии Голгофы. И многие попытки, которые предпринимались, чтобы сделать человеческое мышление способным постичь Мистерию Голгофы, оказались больше непригодными для достижения этого.

Видите ли, все вещи, которые выступают внешне материально, имеют также свою духовно-душевную сторону. И все вещи, которые выступают как духовно-душевные, также имеют свою внешнюю материальную сторону. Тот факт, что земной воздух стал лишенным души, так что человек больше не дышит прежним одушевленным воздухом, имел значительное духовное влияние на развитие человечества. Так как благодаря способности вдыхать душу, с которой человек был изначально родственно связан (как это стоит в начале Ветхого Завета: "И Бог вдунул в человека дыхание как душу живую"), человек имел возможность сознавать *предсуществование души*, бытие души до того, как она спустилась в физическое тело через рождение или, вернее, через зачатие. С той же постепенностью, как процесс дыхания переставал быть одушевленным, человек терял сознание предсуществования души. Уже во времена Аристотеля, в четвертой послееатлантической эпохе, никак невозможно было прозревать\*\**Ср. лекцию от 12 декабря 1911 г. (ПСС, т. 115 "Антропософия, Психософия, Пневматософия").* — посредством человеческой способности постижения — предсуществование души. Это было больше совершенно невозможно.

Мы стоим перед примечательным историческим фактом, что величайшее событие, Событие Христа, вторглось в эволюцию земли, и, однако, человечество должно было сначала стать зрелым, чтобы постичь его. В начале оно было еще способно схватывать сияние Мистерии Голгофы древними остатками способности постижения, восходившими к первоначальной культуре человечества. Но затем эта способность постижения постепенно утрачивается, и догматика все дальше и дальше отходила от понимания Мистерии Голгофы. Церковь запрещает веру в предсуществование души не потому, что предсуществование несовместимо с Мистерией Голгофы, но потому, что человеческая способность постижения перестала энергетически испытывать сознание предсуществования души, так как воздух стал лишенным души. Предсуществование исчезает из головного сознания. Когда наши ощущения, получаемые через внешние чувства, станут снова одушевленными, тогда мы опять будем иметь пункт пересечения, и в этом пункте мы овладеем человеческой силой, которая устремляется вверх из третьего слоя сознания, как я описывал вам в эти дни. И тогда мы одновременно достигнем того

субъективно-объективного, которого так жаждал Гёте. Мы тогда опять будем иметь возможность утоленным образом в первую очередь постичь то, сколь замечательно этот процесс восприятия человека посредством внешних чувств находится во взаимоотношениях с внешним миром. Представления о том, что внешний мир, мол, просто действует на нас, а мы, в свою очередь, просто реагируем на него, грубы и топорны. В действительности здесь имеет место душевный процесс, идущий извне вовнутрь, которым овладевает глубоко подсознательным, внутренний душевный процесс, так что оба процесса пересекаются. Извне на нас действуют мировые мысли, изнутри действует человеческая воля. Человеческая воля и космические мысли пересекаются, встречаются в этом пункте пересечения, подобно тому, как прежде объективное и субъективное пересекались, встречались в дыхании. Мы должны научиться чувствовать, как наша воля действует через наши глаза и как на деле активность внешних чувств едва заметно примешивается к той пассивности, через которую осуществляется пересечение космических мыслей и человеческой воли. Мы должны развивать эту новую йогу воли. И тогда будет сообщено нам нечто подобное [тому, что сообщалось человеческим существам в процессе дыхания три тысячелетия назад. Наша способность постижения станет гораздо более одушевленной, гораздо более 'одухотворенной].

Мировоззрение Гёте стремилось в этом направлении. Он хотел распознать чистый феномен\*\*Ср. у Гёте в "Изречениях в прозе": "Высочайшим было бы по-гичь, что все фактическое — готовая теория. Голубизна небес являет нам основоположный закон хроматики. Только не надо ничего искать ту сторону феноменов — они сами суть собственный смысл"., который он называл первичным феноменом; при этом он только сопоставлял то, что действует на человека во внешнем мире, не примешивая к этому люциферических мыслей, которые исходят из головы самого человека. Это мышление должно было служить только для сопоставления феноменов. Гёте стремился к отысканию ; не законов природы, а лишь первичного феномена; это было важно для него. Но если мы приходим к этому чистому феномену, к этому первичному феномену, тогда мы имеем во внешнем мире нечто такое, что делает возможным для нас почувствовать проявление нашей воли при восприятии внешнего мира, и тогда мы снова поднимаемся к чему-то объективно-субъективному, какое еще содержалось, например, в древнееврейском учении. Мы должны не просто всегда говорить о противоположности между материальным и духовным, но мы должны научиться распознавать взаимодействие материального и духовного как некоего единства именно в восприятиях внешних чувств. Если мы не смотрим более на природу только материалистически и не примышляем ей нечто душевное, как это делает, фантазируя, Густав Теодор Фехнер\*\*\*Густав Теодор Фехнер (1801-1887). См. Р. Штейнер "Загадки философии" (ПСС, т. 18)., тогда возникает нечто такое, что будет означать для нас то же, что культура Ягве означала для человечества три тысячелетия тому назад. Если мы научимся сопереживать вместе с восприятиями внешних чувств душевное в природе, тогда мы будем иметь взаимосвязь Христа с внешней природой. Эта взаимосвязь станет тогда чем-то вроде духовного процесса дыхания.

Наш здоровый человеческий рассудок будет помогать нам понять все больше и больше, что предсуществование лежит в основе бытия нашей души. Мы должны дополнять чисто эггистическое представление о постсуществовании, которое возникает просто из нашего желания существовать после смерти, знанием о предсуществовании души. Мы должны снова — иным способом, чем прежде — подняться до восприятия действительной вечности души. Как раз это и может быть названо культурой Михаила. Если мы проходим через мир с сознанием, что с каждым взглядом, который мы направляем вовне, с каждым звуком, который мы слышим, нечто духовное или, по меньшей мере, нечто душевное втекает в нас и что в это же самое время мы изливаем наше душевное во внешний мир, тогда, значит, мы достигли того сознания, которое нужно человечеству для будущего.

Я возвращаюсь еще раз к образу: вы видите пламя. Вы закрываете глаза и имеете послеобраз, который затухает. Является ли это просто субъективным процессом? Да, говорит современный физиолог. Но это неверно. В космическом эфире это означает объективный процесс точно так же, как наличие в воздухе углекислоты, которую вы выдохнули, означает объективный процесс. Вы запечатлели в космическом эфире образ, который вы ощущаете только как затухающий послеобраз. Это не просто субъективный, это — объективный процесс. Вы имеете здесь дело с объективным; вы имеете возможность тут распознать, как нечто такое,

что разыгралось внутри вас, является в то же время тонким космическим процессом; только надо осознать: если я смолчу на пламя, затем закрываю глаза и даю ему угаснуть — оно угасает и тогда, когда я держу глаза открытыми, только тогда я не замечаю этого — тогда я переживаю процесс, который происходит не только во мне, но имеет место и в мире. Но это так не только в отношении восприятия пламени. Я встречаюсь с каким-то человеком и затем говорю: этот человек сказал то или это, что может быть верным или ложным; это есть суждение, моральный или интеллектуальный акт, совершенный в моей душе. Это затем угасает, подобно восприятию пламени. И это есть объективный мировой процесс. Вы подумали что-нибудь хорошее о ближнем, и оно угасает и является объективным процессом в космическом эфире; вы подумали нечто злое — и оно угасает как объективный процесс. Вы не можете запереть внутри себя, как в шкатулке, свои восприятия и суждения о мире. Вам кажется, что вы несете их в вашем собственном существовании, но они в то же время являются объективным мировым процессом. Так же, как люди третьей эпохи сознавали тот факт, что дыхание — это процесс, происходящий одновременно внутри человека и объективно в мире, так человечество должно осознать в будущем, что душевное, о котором я «орил, является в то же время объективным мировым процессом.

Это преобразование сознания требует большей силы души, [ем обыкновенно развитая человеком в наши дни. Пронизать себя таким сознанием означает — дать войти в себя Культуру Михаила. Как было самоочевидным для человека второго или третьего дохристианского тысячелетия думать о воздухе как о содержащем душу (и он содержал душу), так должно стать самоочевидным для нас думать о свете как содержащем душу, мы должны добиться этого, считая свет главным представителем восприятию внешних чувств вообще. Мы должны в корне избавиться от привычки видеть в свете то, что наш материалистический век привык в нем видеть. Мы должны совершенно перестать верить, что солнце излучает только колебания, о которых говорят физика и общераспространенное мнение. Нам должен стать ясен тот факт, о душа проникает через космическое пространство на крыльях света; и мы в то же время должны понять, что так не было в эпоху, предшествовавшую нашей. В эту эпоху человечеству через воздух поступало то, что нам поступает через свет. Вы видите объективную разницу, наступившую в процессе развития земли. Обобщая это в понятиях, мы можем сказать: процесс восприятия одушевленного воздуха, затем процесс восприятия одушевленного света (рисунок 18).

### Рисунок

Именно это может быть наблюдаемо в эволюции земли, истерия Голгофы означает переход от первого процесса ко второму. Недостаточно для человечества нашего и будущего времени говорить абстрактно о духовном, впадать в некоторого рода туманный пантеизм и т. п.; наоборот, мы должны начать распознавать в том, что нынешние люди ощущают как всего лишь материальный процесс, его одушевленность.

Дело в том, чтобы научиться говорить: Было время, предшествовавшее Мистерии Голгофы, когда земля имела такую атмосферу, в которой была душа, связанная с душевным в человеке. Ныне земля имеет атмосферу, лишенную душевного, входившего в душу человека. Взамен то же самое душевное, что было ранее в воздухе, вошло теперь в свет, который омывает нас с утра до вечера. Это стало возможным благодаря тому факту, что Христос соединил себя с землей. Таким образом, воздух и свет в душевно-духовном аспекте подверглись изменению в ходе эволюции земли.

Это ребяческая претензия — чисто материалистически описывать свет и воздух одинаковыми на протяжении всех тысячелетий, в которых развертывалась эволюция земли. Воздух и свет изменились внутренне, они стали другими. Мы живем в атмосфере и сфере света, совершенно отличных от тех, в которых жили наши души в прежних земных воплощениях. Научиться распознавать внешне материальное как душевно-духовное — вот в чем дело. Если люди в привычной ныне манере описывают чисто материальное бытие, а затем прибавляют, как своего рода декорацию: это материальное везде содержит духовное, — то таким образом не создается подлинной духовной науки. Да, люди очень странны в этом отношении, они ныне склонны вполне довольствоваться абстракциями. А необходимо следующее: в будущем мы должны прекратить абстрактное различие между

материальным и духовным, но должны искать духовное в самом материальном и описывать его как одновременно и таковое; и мы должны распознавать в духовном переход его в материальное и его способ действия в материальном. Только действительно достигнув этого, будем мы в состоянии добиться истинного познания самого человека. "Кровь есть совсем особенный сок"\* \*Фраза Мефистофеля из "Фауста" Гёте. См. одноименную лекцию от 25 октября 1906 г. в "Мировых загадках и антропософии" (ПСС, т. 54)., но жидкость, о которой говорят сегодня физиологи, совсем не "особенный сок", это просто жидкость, химический состав которой пытаются анализировать тем же путем, как анализируют другие вещества; она не является ничем особенным. Но если мы достигнем как отправного пункта способности постижения метаморфозы воздуха и света в верном аспекте души, то мы заново постепенно продвигнемся к душевно-духовному пониманию самого человеческого существа во всех его членах. И тогда мы не будем иметь абстрактную материю и абстрактный дух, но — дух, душу и тело в их взаимодействии. Это и будет Михайлова Культура. Вот чего требует наше время. Это должно быть постигнуто, усвоено всеми фибрами душевной жизни тех людей, которые хотят понять настоящее время. Когда нечто отличное от обыденного должно быть введено в человеческое мировоззрение, оно всегда встречает длительное сопротивление. Я часто приводил следующий, милый в своей глупости пример. В 1835 г. (еще нет ста лет) запросили ученую Медицинскую коллегию Баварии, когда была предложена постройка первой железной дороги от Фюрта до Нюрнберга, будет ли такая железная дорога допустима в гигиеническом отношении? Медицинская Коллегия ответила (я рассказываю вовсе не выдумку, существуют документы об этом)\*\* \*Упомянуто в книге Р. Хагена "Первая немецкая железная дорога" (1885, с. 45).: такая железная дорога не должна строиться, так как люди, которые будут пользоваться подобным способом передвижения по земле, станут нервными. И было еще добавлено: если же найдутся люди, настаивающие на строительстве подобных железных дорог, тогда абсолютно необходимо возвести справа и слева от железнодорожного пути высокие дощатые заборы, чтобы предохранять людей, мимо которых будут проходить поезда, от сотрясения мозга. Вот одно такое суждение, которому подпадают люди; а другое, подобное ему, касается хода развития человечества. Сегодня мы смеемся над таким документом, который выдала Баварская Медицинская коллегия в 1835 г., и, однако, мы не совсем оправданно смеемся, ибо, если что-либо подобное случится сегодня, люди поступят опять таким же образом. И в конце концов Баварская Медицинская коллегия была не совсем права. Но если мы сравним состояние нервов современного человечества и людей две сотни лет назад, то мы можем сказать, что люди стали нервными. Возможно, Медицинская коллегия немного преувеличила, но все же люди стали нервными. В настоящий момент настоятельно необходимо для поступательного развития человечества, чтобы некоторые импульсы, которые стремятся войти, действительно вступили в эволюцию земли, не были бы отброшены. То, что время от времени хочет проникнуть в развитие человеческой культуры, очень часто оказывается неудобным для людей, но то, что является долгом по отношению к развитию человеческой культуры, должно быть осознано, исходя из объективных фактов, и не должно протекать из человеческой склонности, хотя бы и самой уточенной, к собственному удобству. Я заключаю сегодняшнюю лекцию этими словами потому, что, без сомнения, будет происходить все более усиливающаяся борьба между антропософским познанием и различными другими вероисповеданиями. Признаки этого мы видим со всех сторон. Исповедания, которые хотят остаться на старых, избитых путях, которые не хотят подниматься к новому познанию Мистрии Голгофы, укрепят свои боевые позиции, которые они уже заняли, и будет очень легкомысленно, если мы не осознаем того факта, что эта битва уже началась.

Я сам, можете быть уверены, не стремлюсь к такой борьбе (особенно к борьбе с католической церковью), которая, по-видимому, навязывается нам с таким ожесточением другой стороной. Кто достаточно хорошо знает глубокие исторические импульсы верований нашего времени, тот не будет бороться с освященным веками установлением. Но если битва нам будет навязана, ее не избежать! Духовенство наших дней ни в какой мере не склонно открывать двери тому, что должно войти, а именно, духовно-научному. Вспомните то гротесковое высказывание, которое я вам недавно приводил, где говорилось, что люди должны знакомиться с антропософски ориентированной духовной наукой только по трудам

моих противников, так как католикам запрещено Папой читать мои собственные сочинения. Это не смешное дело; это — очень серьезное дело! Вражда, которая выступает таким гротескным образом, которая способна распространять в мире подобные суждения, — требует нелегкомысленного отношения. И это в особенности потому, что мы не вступаем в такую борьбу охотно. Возьмем пример с католической церкви (дела обстоят таким же образом и в отношении протестантской церкви, но католическая более могущественна) — тут мы должны считаться с освященными веками установлениями. Если кто-либо понимает значение облачения священника, когда он читает святую мессу, значение каждой отдельной части его священнического облачения, — если он понимает каждый отдельный момент святой мессы, тогда он знает, что это есть издавна священные, достойные почитания установления. Это — установления более древние, чем христианство, ибо святая месса — это древний культ мистерий, только преобразованный в христианском смысле. И нынешнее духовенство, применяющее описанные выше приемы борьбы, живет в своем культе! Поэтому если имеют, с одной стороны, глубокое почитание существующих культов и символов и видят, с другой стороны, какими дурными средствами их защищают и какими дурными приемами ведется нападение на то, что хочет войти в развитие человечества, тогда отдают себе полный отчет в серьезности, которая необходима, чтобы тут занять должную позицию. Это поистине достойно глубокого изучения и внимания. То, что таким образом провозглашается той стороной, есть только начало, и неправильно было бы пропеть это — наоборот, мы должны заострить наше внимание на этом! В течение двух десятилетий, в которые антропософское движение развилось в Средней Европе, мы могли быть снисходительны к сектантской дремоте, с которой было так трудно бороться в наших рядах и которая еще сегодня сидит, глубоко укоренившись, в душах людей, вошедших в антропософское движение. Но прошло то время, когда мы могли позволять себе снисходительность к сектантской дремоте.

То, что я так часто здесь подчеркивал, глубоко верно, а именно, что необходимо, чтобы мы постигли всемирно-историческое значение антропософского движения и, не обращая внимания на мелочи, в то же время считались бы и с малыми импульсами так же, как и с серьезными и большими.

## СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

*Дорнах, 6 декабря 1919 г.*

В различных лекциях вы слышали о том, что для полного познания человеческого существа необходимо действительно проследить расчленение этого человеческого существа на три. В грубом приближении, конечно, можно сказать, что внутри человеческого существа относительно самостоятельно организована голова, грудные органы и конечности. Причем, разумеется, мы должны представлять себе, что к органам конечностей принадлежит значительная часть того, что находится внутри туловища. Вы можете почерпнуть из моих лекций, а также из изложенного в моей книжке "Душевные загадки", что с человеческой головой связана жизнь мыслей и представлений, а со всем тем, что у человека является ритмической деятельностью груди, связано все то, что принадлежит сфере чувств, и что волевая сфера, которая, однако, у человека выражает собственно духовное, связана с системой конечностей, с организацией конечностей. Относительно самостоятельны эти три системы человеческого организма. Относительно самостоятельны, всего лишь взаимодействуют — жизнь представлений, жизнь чувств и жизнь волеи. Вы ведь знаете, что с духовной точки зрения лучше всего можно понять различие этих трех систем между собой, если скажешь: в обыкновенной жизни человек бодрствует вполне только благодаря своей головной системе, всему тому, что на душевном уровне связано с жизнью представлений и мыслей. Наоборот, все то, что связано с жизнью чувств, т. е. с нашей собственной ритмической системой на телесном уровне, есть, собственно, некая сновидческая жизнь, пронизывающая также и во время бодрствования жизнь человека. То, что происходит в нашей сфере чувств, мы знаем через посредство наших бодрственных представлений, но никогда не знаем непосредственно из самих чувств. Еще темнее остается для нас волевая жизнь, которая в своем собственном содержании действительно постигается нами не более, чем состояние глубокого сна. Так что мы можем точнее, чем это обыкновенно делается, сказать, в какой мере в основе обыкновенного человеческого сознания лежат

подсознательные состояния: подсознательные представления лежат в основе жизни чувств и (если я смею употребить здесь сравнительную степень) еще более бессознательные представления лежат в основе волевой жизни.

И вот очень важно уяснить себе, что, собственно, в каждой из этих трех человеческих систем содержится и мышление, и чувства, и воление. В головной системе, в мыслительной системе несомненно наличествует также и жизнь чувств, и жизнь волеи, но только эти последние гораздо слабее развиты там, чем жизнь представлений. Точно так же наличествуют в сфере чувств мысли, но там они входят в сознание словно грезы — гораздо слабее, чем в головной сфере. Но чего обычно не замечают в наше время научной абстрактности, так это того, что подсознательные члены человеческого существа тем более объективны, чем менее они субъективно входят в поле сознания. Что это значит? Это значит следующее: то, что мы имеем через нашу жизнь представлений, через нашу головную жизнь, — суть процессы, которые в относительно большей мере происходят в нас самих. А то, что мы переживаем через нашу ритмическую систему, через нашу грудную систему, — это есть нечто такое, что, разыгрываясь в нас, ни в какой мере не есть только наше индивидуальное достояние, но одновременно являет собой объективные мировые процессы. Другими словами, если мы испытываем какое-либо чувство, то оно, будучи, конечно, переживанием, происходит в нас самих, в то же время есть нечто такое, что происходит также и в мире, что имеет также значение и для мира. И это как раз чрезвычайно интересно проследить — какие именно мировые процессы лежат в основе нашей жизни чувств. Представьте себе: вы переживаете нечто такое, что чрезвычайно сильно захватывает ваше чувство, — событие, вызывающее у вас радость или горе. Вы знаете, что жизнь человека в целом протекает таким образом, что мы можем подразделить ее на приблизительно семилетние периоды. Первые период продолжается от рождения до, примерно, смены зубов; второй период — до наступления половой зрелости, третий — до возраста в 21 год (все это приблизительно) и т. д. Таково расчленение хода человеческой жизни. (См. рис. 18: перпендикулярная линия с горизонтальной штриховкой).

Если мы принимаем во внимание это расчленение, то мы приходим к узловым пунктам развития человеческого существа, которые в начале человеческой земной жизни вполне отчетливо выражают себя в смене зубов, в достижении половой зрелости, а далее выступают более или менее скрыто, однако, для того, кто умеет наблюдать, — очень отчетливо также и позднее (набросок узлов). Ибо то, что происходит с душевно-телесным существом человека в возрасте около 21 года (это для того, кто умеет наблюдать), воспринимается столь же отчетливо, как наступление половой зрелости — для внешней физиологии. Но это обычно мало замечают. Такова общая периодичность хода человеческой жизни, с которой мы имеем дело. Однако, если (как я только что сказал) происходит, например, в возрасте между сменой зубов и наступлением половой зрелости какое-то значительное событие, приводящее в очень сильное возбуждение сферу чувств (красная спираль), тогда имеет место нечто весьма своеобразное, но чего в действительности обычно не замечают (ибо наши способности наблюдения совсем ограничены). Но, тем не менее, это имеет место. Это производит в какой-то мере впечатление того, что переживаемое чувство словно вибрирует в сознании. Но если речь идет о впечатлении чувств, тогда совсем независимо от того, что вообще разыгрывается в вашем сознании, в вашей душевой жизни, нечто происходит в объективном мире. И мы можем то, что тогда происходит в объективном мире, сравнить со своего рода генерированием неких вибраций: они начинают распространяться не бесконечно; но когда они достаточно распространились, когда их эластичность, так сказать, приходит к концу, тогда эти вибрации поворачиваются обратно (левый полукруг); и это проявляется в следующем семилетнем периоде так, что это опять возвращается, образуя какого-либо рода импульс, проникающий извне в вашу душевную жизнь. Я не хочу сказать (ибо это связано с индивидуальной формацией жизни), что приблизительно через семь лет всегда возвращается такое же событие; это было бы неверно. Но это так или иначе незаметно вторгается в следующий семилетний период.

Мы с нашей душевной жизнью непрерывно проходим через такие события, которые врываются в нашу душевную жизнь и которые суть реакция мира на то самое, что в предыдущем семилетнем периоде мы как-либо пережили в нашей сфере

чувств. Следовательно, такое событие, которое каким-либо образом взбудоражило наши чувствования, в следующий семилетний отрезок нашей жизни снова возвращается своим эхом в нашу душевную жизнь. Люди обычно не замечают таких вещей. Но кто приложит для этого немало стараний, тот может наблюдать такие вещи даже внешне.

Кому еще не довелось пережить, как, быть может, внезапно наступает разлад с человеком, которого хорошо знают; человек вдруг неожиданно меняется, "подобно грому среди ясного неба", как часто говорят. Если проследить такого рода вещи, действительно обладая душевным оком, то можно при таком особенном поведении человека почувствовать, что именно он говорит между слов или в самих словах, и тогда можно вернуться назад к какому-нибудь событию — такому (как я это характеризовал), что раньше задело его чувства. И в течение всего прошедшего времени нечто действительно происходило в мире — чего не происходило бы, если бы человек не имел того задевшего чувства переживания. Итак, в целом это есть некий процесс, который помимо того, что переживается человеком, разыгрывается еще объективно вне этого человека. Вы видите, как много есть возможностей, что вещи разыгрываются вне человека, хотя они и существуют благодаря человеку, и они суть просто объективные мировые процессы.

В эти объективные мировые процессы вмешивается то, что происходит среди элементарных существ — также и таких элементарных существ, которые находятся вне человека (и которых я недавно вам охарактеризовал). Те из них, которые связаны с дыхательной ритмической системой человека, окольным путем — вследствие пережитых душевных волнений — действуют совместно с этой ритмической системой. Эти вещи вынуждают нас, если мы их верно понимаем, сказать следующее: человек непрестанно как бы порождает вокруг себя поистине большую ауру. Но в то, что он вызывает там в вибрациях, вмешиваются элементарные существа, которые — сообразно тому, каков данный человек — могут повлиять на то, что возвращается к нему. Итак, представьте себе эту вещь следующим образом. Вы взволнованы тем или иным чувствованием; вы излучаете его. Когда оно возвращается к вам обратно, то оказывается, что оно подверглось влиянию тех элементарных существ, которые в прошедший промежуток времени имели дело с этим душевным волнением. И когда оно потом возвращается обратно к породившему его человеку, то он тогда получает это вместе с начинкой означенных элементарных существ, переработанными элементарными существами, находящимися вне вас. (Правый полукруг. Рисунок закончен).

### Рисунок

Через то, что человек распространяет вокруг себя как некую духовную атмосферу, он вступает во взаимоотношения с элементарными существами. Все, что в ходе жизни человека происходит в порядке судьбы, связано с этими вещами. Мы ведь также и внутри самого хода нашей земной жизни имеем своего рода исполнение нашей судьбы. Не правда ли, если мы сегодня нечто переживаем, то это имеет значение для позднейшего времени. Но это и есть тот путь, на котором мы фактически устраиваем нашу судьбу. И в этом устройении нашей судьбы принимают участие такие элементарные существа, которые чувствуют себя привлеченными к нам теми или иными особенностями нашей собственной природы. Когда они чувствуют себя привлеченными к нам, тогда они оказывают на нас свое воздействие.

Тут вы прозреваете в некое взаимодействие между человеком и его окружением, и вы можете отчасти усмотреть игру духовных сил в его окружении. Если проследить эту игру, тогда многое уясняется из того, что наступает для человека в порядке судьбы. Прозрение в эти взаимоотношения малодоступно для нашего "просвещенного" времени (тут прилагательное "просвещенное", разумеется, всегда надо писать в кавычках) и, можно сказать, доходит до нашего времени только в преданиях более ранних времен, когда человек, находясь на элементарных ступенях сознания, был более связан с действительностью, чем теперь. Эти предания вы находите прекрасно выраженными в тех старинных поэмах, где события, совершающиеся с человеком в порядке судьбы, связываются с вмешательством элементарных существ. И действительно, одно из самых прекрасных стихотворений, сохранившихся до нашего времени, в котором идет речь о таком — в порядке судьбы — вмешательстве элементарных существ из вашего окружения,

есть то самое, которое вы теперь не раз имели в эвритмической постановке. Вы тут видите, как в порядке судьбы вмешиваются элементарные существа из владений "Лесного царя". Вы ведь знаете это стихотворение; оно называется "Дочь Лесного царя" \*Перевод с датского. См. Гердер "Голоса народов в песнях"..

Сударь Олуф едет так поздно вскачь,  
Пригласив людей на свою свадьбу.

Вот пляшут эльфы на зеленом лугу,  
Дочь Лесного царя манит его рукой.

"Добро пожаловать, сударь Олуф!  
Зачем спешишь? Сойди с коня и потанцуй со мной!"

"Я не смею, я не могу танцевать с тобой,  
Завтра утром наступает день моей свадьбы".

"Послушай, сударь Олуф, потанцуй со мной,  
Две золотые шпоры подарю я тебе.

Сорочку из шелка, такую белую и тонкую,  
Мать моя белит тебе в лунном сиянии".

"Я не смею, я не могу танцевать с тобой,  
Завтра утром наступает день моей свадьбы".

"Послушай, сударь Олуф, потанцуй со мной,  
Грудю золота подарю я тебе!"

"Грудю золота взял бы я охотно,  
Но танцевать я не смею и не должен!"

"Если, сударь Олуф, ты не хочешь танцевать со мной,  
То пусть болезнь и смерть настигнут тебя!"

Тут вы имеете вплетение элементарного мира в события человеческой судьбы, когда это переходит в самое впечатляющее проявление этой судьбы — в болезнь и смерть.

И она наносит ему удар в сердце.

Я прошу вас обратить внимание на такого рода вещи. Эти вещи в старинных стихотворениях (Гердер ведь извлек это стихотворение из народной поэзии) фигурируют не так, как в стихотворениях нового времени. В отношении нашей культурной стихотворной продукции можно, пожалуй, сказать, что приблизительно девяносто девять процентов в ней являются излишними. Стихотворения же, ведущие свое происхождение из древней мудрости, всегда таковы, что они сообразны с фактами, с реальностью. В данном стихотворении никогда не было бы сказано, что она наносит ему удар в голову или в рот. Но тут значит:

И она наносит удар ему прямо в сердце,  
Никогда еще он не ощущал такой боли.

Это связано с ритмической системой человека — поэту тут фигурирует сердце.

Смертельно бледного поддержала она его на коне,  
"Скачи же домой к твоей милой жене".

И когда он прискакал к своему дому,  
Его мать, дрожа, встретила его у ворот.

"Слушай, мой сын, скажи мне тотчас,  
Почему ты так смертельно бледен лицом?"

"А разве я не должен быть, как мертвец,  
Когда побывал во владеньях Лесного царя!"

"Слушай, мой сын, любимый и верный,  
Что ж должна я буду сказать невесте твоей?"

"Скажете ей, в лесу, мол, я,  
Испытываю там моего коня и пса..."

Ранним утром, едва только настал день,  
Приехала невеста с гостями на свадьбу.

Они приносят в дар и мед, и вино.  
"Где ж сударь Олуф, жених мой?!"

"Сударь Олуф сейчас скачет по лесу,  
Испытывает там своего коня и пса".

Невеста приподняла ярко-красный покров,  
Там лежал сударь Олуф, и был он мертв!

Это — поэтическая, вполне сообразная фактам перед[а]на того, на что я хочу обратить ваше внимание, а именно, на то, что разыгрывается вокруг человека в такие роковые часы, — и что, собственно, всегда разыгрывается вокруг человека, но с особенной силой выступает в тех обстоя[т]ельствах, которые можно наблюдать при периодическом возвращении переживаний, задевших сферу чувств данн[о]го человека. Ибо они возвращаются таким образом, что вмешиваются в ход нашей судьбы, но при этом они возвращаются не неизменными, но после того, как они прошли через то, что с ними сотворили такие элементарные сущ[е]ства. В точности так, как мы живем среди минерального, растительного, животного царства природы, живем мы прежде всего бессознательными частями нашего чел[о]веческого существа, нашей ритмической системой, в д[у]ховной сфере элементарных существ. И тут из нашей судьбы может настичь столько, сколько может настичь иметь[с]я в ходе человеческой жизни между рождением и сме[р]тью.

Только вследствие того, что мы своей головой вполне бодрствуем, избегаем мы заигрывания с элементарными сущ[е]ствами. Не включены мы в царство элементарных сущ[е]ств только благодаря нашей бодрственной головной жи[в]ности. Тут мы своей головой неким образом держимся над поверхностью элементарного моря, в котором мы как люди плаваем непрестанно.

Здесь вы видите возвращение событий, возвращение их в порядке судьбы уже в пределах обыкновенной жизни вслед[с]ствие того, что разыгрывается в нашей ритмической системе, а также в системе конечностей. У этой последней также происходят взаимодействия с окружающим миром, но тут они сложнее, гораздо сложнее; они также возвращаются о[б]ратно, но они имеют гораздо большую дальность вибраций. Они возвращаются обратно к породившему их человеку только в следующую его земную жизнь или даже в одну из следу[ю]щих его земных жизней. Итак, мы можем сказать: не надо, чтобы то, что мы называем нашей судьбой, нашей кармой, оставалось для нас чем-то загадочным, когда мы можем уз[н]ать, что это есть — только в большем масштабе — то самое, что мы сами можем изучать в ходе человеческой жизни как возвращение таких событий, какие задела наши чувства. Но возвращаются-то они не неизменными — возвращаются они, претерпев очень сильные изменения.

Я обращаю ваше внимание на следующее: в педагогиче[с]ких лекциях, когда я также читал их вам, я всегда обращал ваше внимание на то, что во время школьного возраста важ[н]ый узловой момент жизни ребенка приходится примерно на девятый год жизни. До тех пор надо, например, природо[в]едение преподавать детям не иначе, как связывая описания природных явлений, даваемые в сказочной, легендарной и тому подобной форме, с человеческой моральной жизнью. Лишь по достижении девятилетнего возраста можно и дол[ж]но, ибо только теперь дети становятся созревшими для этого, начать давать, собственно, простые, элементарные описания мира природы. То, что можно назвать учебным планом Вал[т]ер-Дорфской школы\*\*В "Статьях о трехчленности социального организма и ситуации времен 1915—1921", т.24 полного

собрания сочинений. Дорнах, 1961 (отдельное издание — Дорнах, 1969)., полностью строится, исходя из действительного изучения человеческого существа — вплоть до таких частностей. Я уже обращал ваше внимание на это в моей статье "Педагогические основы Вальдорфской школы". Также и там я указал на значение этого момента времени для человека при достижении им приблизительно девятилетнего возраста. Этот момент времени можно охарактеризовать следующими словами: "Я-сознание" человека получает тогда новый образ. Человек становится способным взирать на внешний мир природы более объективно. До того он связывал все, что видел во внешнем мире природы, со своим собственным существом. Конечно, "Я-сознание" развивается уже в первое семилетие жизни ребенка, начиная с возраста в два, два с половиной года. Но во второй семилетний период, приблизительно в девятилетнем возрасте, оно повторно выступает, по-новому. Можно сказать, что это есть одно из самых поразительных возвращений — это возвращение Я-сознания примерно в девятилетнем возрасте. Теперь оно по-прежнему выступает в более одухотворенной форме, тогда как прежде, начиная с двух- или трехлетнего возраста, оно выступало более душевно. Это только одно из тех свершений, которые повторно выступают самым поразительным образом. Но это можно вполне узреть и в менее значительных событиях человеческой жизни.

Знание этих интимных событий, происходящих в человеческой жизни, станет в будущем все более и более настоятельно необходимым. Прозрение в вещи такого рода должно постепенно стать в будущем все более неотъемлемой частью общего образования человека. Это общее человеческое образование ведь изменяется от эпохи к эпохе. В наше время, не правда ли, мы почувствовали бы себя несчастными, если бы наши дети в десятилетнем возрасте еще не умели бы вести счета. У римлян же этого еще не было, но они были бы несчастными, если бы их ребенок в этом возрасте еще не знал законов "двенадцати таблиц" *\*\*Lex duodecim tabularum* Запись римского права на железных таблицах—составлено в качестве источника всех прав Римской империи.. Мы же прилагаем мало заботы о том, чтобы наши дети знали юридические законодательные акты; и при нашем душевном строе было бы худо, если бы это еще происходило. То, о чем думают, что оно должно быть достоянием всеобщего разумения людей, — это изменяется; и как раз теперь мы находимся у начала того времени, когда, следуя развитию всей земли, человечество должно будет придти к всеобщему разумению, исходящему из таких интимных событий, происходящих в человеческой жизни. Человек должен придти к этому; он должен научиться знать себя все точнее — точнее, чем это считалось необходимым доньше. Иначе эти вещи неблагоприятным образом скажутся на всем состоянии человеческой жизни.

Наше незнание того, что нечто задевающее наши чувства имеет то или иное определенное происхождение, не избавляет нас от того, чтобы это не происходило в нашей душевной жизни. Эти вещи возвращаются; они оказывают свое влияние на нашу душевную жизнь. Мы не в состоянии объяснить их себе, мы не постигаем их своим сознанием. Последствием этого является то, что мы попадаем в разно-разные кризисные состояния. И ныне люди очень страда-, переживая такие состояния как неизвестно откуда взявшиеся и относительно которых они, конечно, не знают, что и их переживания восходят к более ранним. То, что переживается человеком в его чувствах, так или иначе возвращается к нему обратно. Вы можете, так сказать, сделать зарубку в своей памяти, удерживая часто мною предлагаемый представительный для этих вещей пример. Когда учим ребенка молиться, т. е. развивать молитвенное роение в своих чувствах, то это, вибрируя, однажды возвращается потом к нему обратно. В целом вибрация позднее возвращается — через длительное время, — и возвращается и в промежутке, но вибрация продолжается далее опять и опять возвращается. По прошествии очень долгого времени молитва возвращается к нам таким образом что мы можем развить в себе душевное настроение благословения. Поэтому я часто говорю следующее. Ни один взрослый не сможет благословлять через возложение рук, если он в детские годы не научился молиться. Молитва преобразуется в силу благословения. Таковы возвраты в человеческой жизни.

Людям надо мало-помалу научиться понимать эти вещи. То, что люди ныне еще не понимают этих вещей, есть причина того, почему они не могут также узреть великого значения Мистерии Голгофы. Какое значение, в конце концов, имеет для людей, полностью пронизанных современным образованием, когда им говорят: после того, как Христос прошел через Мистерию Голгофы, Он соединил Себя с

жизнью земного человечества. Люди ведь не хотят составлять себе никакого представления о том, что они сами находятся во взаимоотношениях с той сферой, где ныне пребывает Христос. В нашей головной способности представления и понимания не очень заметно влияние Импульса Христа. Но как только мы проникаем взором глубже, а именно, в сферу чувств и в сферу волеи, в бессознательное, тогда мы впервые живем в сфере элементарных существ; но эта сфера элементарных существ становится для нас одновременно пронизанной Импульсом Христа. Благодаря нашей, физиологически выражаясь, ритмической системе, благодаря нашей сфере чувств мы ныряем в ту область, с которой соединил Себя Христос ради блага земного бытия. Тут мы находим, так сказать, то место, где реально присутствует Христос, — находим не согласно преданию и не благодаря какой-либо субъективной мистике, но объективно. Вместе с тем мы живем в ту эпоху, начиная с которой свершения, исходящие из этого места (как я недавно разъяснял вам) имеют объективное великое значение для человеческой жизни, ибо они постоянно оказывают бессознательное — для человека — влияние на его решения, на его поступки, хотя люди и сопротивляются этому. А если бы люди вникли в это, тогда это влияние они могли бы переживать сознательно другими словами, мы могли бы тогда в той или иной мере призывать духовные миры, сопринадлежащие нам, и действовать совместно с ними.

Также и внешне мы можем распознать, что в этом отношении мы стоим на поворотном пункте эволюции человечества. Мне нужно указать вам лишь на один факт, о котором я уже часто говорил вам с той или иной точки зрения. Если мы возьмем исторические сочинения — обычные современные книги по истории, — то мы скажем себе: эти исторические исследования, собственно, еще не проникли до Мистерии Голгофы. Возьмите хотя бы то, что обычно излагается всеобщая история. Как известно, там изображены времена древнего ассирийского, вавилонского царства, древнего персидского царства, египетского царства, Греции, Рима. Затем, может быть, упоминается, что имела место также Мистерия Голгофы; но дальше прослеживается история великого переселения народов и т. д. — вплоть до Людовика XIV, или до французской революции, или до Пуанкаре, а у других историков — вплоть до свержения Гогенцоллернов и т. д. Но о поступательном проникновении в человечество

пульса Христа вы в том, что называют "историей", но что является обыкновенной басней, не найдете ничего, совсем ничего. Показательно, к примеру, что такой историк, как Ранке\**Леопольд фон Ранке (1795—1886) — немецкий историк.*, который был верующим христианином и субъективно очень много отдал Импульсу Христа, не мог как историк включить в историю событие Христа. Он не мог с ним ничего поделать. В изложении истории событие Христа не играет никакой роли. Так что мы можем, сказать: для того духовного познания человека, какое до сих пор выставляет в истории, христианство еще, собственно, не существует. И только наша антропософически ориентированная духовная наука, обращаясь к изложению истории, считается в положительном смысле с необходимостью того, что в четвертую послеатлантическую эпоху событие Голгофы должно было вступать в конкретное историческое развитие человечества. И мы, как вам известно, излагаем историю так, что это событие Голгофы включено в наше историческое изложение. Да, мы идем и дальше: мы не только излагаем историческое развитие человечества так, что включаем туда событие Голгофы, но мы излагаем и мировое развитие, космическое развитие таким образом, что мы имеем Мистерию Голгофы внутри космического развития.

Если вы дадите подействовать на себя моему "Очерку Тайноведения", то вы заметите, что там говорится не только о солнечных или лунных затмениях, бывших в прошлом, или о каких-либо взрывах или извержениях в космосе, но там сказано как о космическом явлении о событии Христа. И поразительно следующее: как только скажешь об истории, что историки, так называемые историки, не находят никакой возможности включить событие Христа в процесс исторического становления, то официальные представители религиозных исповеданий приходят прямо-таки в ярость. А когда они слышат кое-что об антропософически ориентированной духовной науке, которая говорит о событии Христа как о явлении космическом, тогда эти люди, являющиеся официальными представителями религиозных исповеданий, начинают страшно браниться. Отсюда вы можете усмотреть, в какой малой мере эти религиозные исповедания склонны

действительно осуществить великие требования нашего времени, а именно, поставить событие Христа в связь с мировыми событиями вообще. Приходится сказать следующее: те люди, которые часто говорят о Христе, даже теологи, — они говорят о Христе не иначе, чем когда они говорят о каком-либо всеобщем божественном существе, — не иначе, чем древние иудеи говорили (а теперешние евреи еще говорят) о своем Ягве, или Иегове. Я недавно говорил вам\**См. четвертую лекцию этого тома.* о следующем: вы можете взять книгу Гарнака "Сущность христианства" и, вычеркнув имя Христа, везде, где Гарнак его ставит, заменить его общим наименованием Бога; при этом смысл сказанного там не изменится, ибо этот человек не имеет никакого понятия о специфике христианства. Да, эта книга "Сущность христианства" являет собой, страница за страницей, изложение вовсе не христианства, а по существу противоположного христианству общего учения об Ягве. Это очень важно — указать на такие вещи, ибо они связаны с самыми насущными требованиями нашей современности. И то самое, что должно влиять в культурное развитие человечества, — это есть сознание человека о наличии не какого-то всеобщего отвлеченного духовного мира, но конкретного духовного мира, внутри которого мы живем своими чувствами, волеями и действиями и из которого мы "выныриваем" только своей головой — только тем, что мы мыслим. И дело обстоит уже так, что мировоззрение действительно нового рода обосновывается, оправдывается тем, что стремятся к действительному пронизанию импульсом Христа того, что мы чувствуем, волим и делаем.

То, что наша астрономия, наше учение об эволюции развились, в нынешнее время выражаясь в полностью абстрактных формулах, — это стало возможным только вследствие того, что импульс Христа не вступил внутренне в людей, но остался преданием, традицией и, самое большее, переживается людьми субъективно, не захватив их внутренне так, чтобы их внутренние переживания сделались такими, которые одновременно суть объективные космические переживания, когда мы находимся во взаимоотношениях с тем, что духовно происходит вокруг нас.

В наше время то тут, то там можно заметить, пожалуй, как брезжит сильное сознание того, что для дальнейшего развития человечества необходимы новые импульсы. Но вместе с тем люди с таким трудом решаются обратиться к конкретной духовной жизни. Если они говорят о Духе, то всегда имеют большее или меньшее поползновение оставаться жить в абстракции. Само уразумение нашей позиции по отношению к нашему мышлению должно определенным образом измениться. С той или иной точки зрения я ведь же обращал ваше внимание на то, что я под этим подразумеваю, ибо также и в публичных лекциях я часто указывал на то, что сообщения об антропософически ориентированной духовной науке делаются как раз в наше время не ради какой-то программной цели и не из предпочтения именно в этом направлении вызвать воодушевление к какому-то идеалу, но из прозрения того, что именно человечеству стало крайне необходимо. И благодаря этому снова примкнуть к душевному строю более ранних времен, который характеризовал в те эпохи, когда люди были больше взаимосвязаны с их реальным духовным окружением. В более ранние времена это было иначе, чем теперь. И ныне мы должны ощущать это с особенной силой. Я часто говорил о следующем. Мы как люди ныне, собственно, больше не можем надеяться получить что-либо извне, прогрессивные импульсы для дальнейшего развития человечества мы должны теперь добывать изнутри самих себя — из нашей взаимосвязи с духовным миром; и мы должны иметь по-настоящему зоркие глаза, чтобы заметить, как то самое, что мы переживаем, становится, собственно, все больше и больше упадочными переживаниями, хотя мы сами, может быть, и не повинны в этом. Мы находимся уже в клонящейся к упадку части цикла земного развития; и мы должны как люди вырваться из этого хода земного развития благодаря нашей взаимосвязи с духовным миром. Но благодаря этому то, к чему мы стремимся на познавательном пути, можно ощутить как силу, которая делает для нас как представителей рода человеческого возможным такой же переход к грядущим стадиям развития, когда Земля под нами отомрет, как это происходит с нами в малом, когда наше тело умирает и мы проходим через врата смерти. Каждый из нас проходит через врата смерти как отдельный человек, т. е. ступает в духовный мир, а оставленное им внизу тело отмирает. Так произойдет некогда в будущем со всем человечеством. Это человечество в целом развивается в направлении к переходу в бытие Юпитера (я

называю это бытием Юпитера). Земля становится трупом. Мы теперь уже находимся внутри процесса отмирания Земли. Отдельный человек становится мистицистом, седым. Земля ныне для геолога, действительно умеющего наблюдать (я недавно говорил вам об этом)\* \*См. сказанное о геологе Зюссе в третьей лекции этого тома., обнаруживает явственные признаки своего старения. Она отмирает под нашими ногами. То самое, что мы сегодня отыскиваем духовно, на самом деле есть работа, противоборствующая процессу старения Земли. Сознанием этого мы должны проникнуться.

С другой точки зрения в более ранние времена мудрость мистерий означала собой нечто такое, что родственно целительной силе, — также и физической целительной силе. Сознание этого тоже должно ныне начать проникать в человечество. Надо, чтобы в сознании людей родилось стремление к истинному познанию; тем самым будет сделано нечто для дальнейшего развития человечества. К этому сознанию, конечно, никогда не прийти, если то конкретное, что разыгрывается вокруг нас таким образом, как я это сейчас описал, не принять во внимание; ибо теперь то самое, что человек чувствует, мыслит, и волит, и делает, рассматривается людьми как всего лишь их личная забота. Они не знают, что это есть также нечто такое, что разыгрывается и во внешнем мире. Но становится необходимым, чтобы (тут я должен сделать одно замечание, которое, пожалуй, будет не совсем понятно для всех присутствующих), и те, хочу я сказать, стороны человеческого знания, которые являются более точными, пошли навстречу таким устремлениям. Но ныне эти науки еще вовсе не на высоте — действительно еще совсем не на высоте. Вы можете ныне повсюду в точных науках найти просто невозможные представления. Я упомяну сейчас лишь о том, что, пожалуй, может быть ясно всем. Обычно люди имеют следующие тривиальные представления (рисунок 20). Вот где-то, мол, есть солнце. Свет, исходящий от солнца, распространяется во все стороны, как это наблюдается у других источников света. И вы можете повсюду обнаружить, что те люди, которые занимаются исследованиями этого распространения света при помощи математических представлений, говорят: конечно, свет распространяется до бесконечности и там как-то исчезает; он слабеет, распространяясь до бесконечности, где и теряется. — Но это не так. Все, что распространяется таким образом, достигает до некоей границы и от этой границы снова раскачивается в обратную сторону, возвращаясь именованным к своему источнику. Солнечный свет не уходит в бесконечность, но раскачивается в себе самом снова в обратную сторону — однако уже не как свет, а как нечто иное; Тем не менее он раскачивается опять в обратную сторону.

### Рисунок

Так обстоит дело по существу со всяким светом. Так обстоит по существу со всеми действиями. Все действия подлежат закону эластичности, имеющей предел эластичности. Те же представления, которые вы ныне находите общепринятыми и общераспространенными в изложении наших так называемых точных наук, — они слишком мало считаются с действительными фактами. Если бы вы были физиками, я обратил бы ваше внимание на то, что нынешние люди считаются в физике с пройденными путями и с протекшим временем. И тогда они именуют скорость, которую обычно обозначают буквой "с" или "у", функцией от пути и времени и выражают это дробью. (На доске пишется "путь", "время" и формула).

Но это — совершенно неверно. Не скорость есть некий результат, но скорость есть нечто элементарное, несущее в себе что-то материальное или духовное; а мы разлагаем скорость на путь, т. е. на пространство, и на время. Мы абстрагируем пространство и время, извлекая их из скорости. Сами по себе они вовсе не реальности. Скорости суть нечто реальное в мире — различные скорости. Это замечание я делаю только для физиков, и меня поймут — поймут что даже в тех вещах, которые теоретически положены в основу современной науки, преобладают шаткие предпосылки. Такие предпосылки распространены повсюду и держатся только потому, что люди не в состоянии постичь духовное как конкретное,

Это есть требование эпохи Михаила, чтобы человечество оказалось в состоянии постичь духовное в его конкретности, т. е. считаться со своим окружающим миром таким образом, что, подобно тому, как люди знают в своем окружении воздух и воду, они станут знать в своем окружении также элементарных и более высоких существ. Это есть то, о чем идет речь. И это есть то, что снова должно стать

неотъемлемой частью человеческого образования, как это уже было в древние времена. Но только люди не хотят теперь это принять. Не хотят признать наличие таких переломных моментов, происходящих в ходе развития человечества, одним из которых, например, был совершившийся в середине XV в. Но на конкретных фактах можно доказать, что это имеет место.

Один автор, о котором я в точности не знаю — швед он или норвежец\**Теодор Сведберг (1884-1971) - шведский химик. Речь идет о его Работе "Материя", нем. пер. 1914 г.* — написал книгу, в которой приводит много цитат из старинных сочинений алхимиков. И вот этот автор, являющийся, как это видно из его книги, превосходящим современным химиком, говорит, что он совсем ничего не может представить себе, уразуметь из приводимого химического рецепта, почерпнутого у одного из алхимиков. — Он действительно не может тут ничего представить себе по той простой причине, что когда современный химик говорит о "Меркурии", т. е. о ртути, то он имеет в виду минерал ртути; а когда современный химик говорит об "антимонии", т. е. о сурьме, то он имеет в виду металл сурьму, и т. д. Однако эти термины в той книге, которую он цитирует, означают нечто совсем другое — не внешние металлы, но известные процессы, происходящие внутри человеческого организма. Это принадлежит к познанию внутренних процессов в человеке. Если же написать эти термины в том смысле, в каком они ныне предстают в сознании упомянутого автора, добросовестно их цитирующего, то их можно прочесть как запись какого-то химического процесса, производимого в лаборатории с ретортами и т. п. Но тогда в этом нет никакого смысла и эти вещи можно тогда рассматривать лишь как бессмыслицу. Однако они имеют смысл если только знаешь, что именно подразумевалось в те старые времена под "антимонием", под "Меркурием" и т. д. и что это, правда, в одном из аспектов, имело отношение к внешним минералам, но прежде всего касалось внутренних процессов, происходящих в человеческой природе, для воздействия на которую тогда располагали другими средствами, чем теперь. Поэтому тот, кто читает литературу, относящуюся из веков, предшествовавших XV, должен читать ее совсем в другом ракурсе, чем позднейшую. На таких вещах можно также и внешне изучить степень переворота, совершившегося в душевном строе людей. И вот мы живем как раз в такое время, когда надо снова придавать большое значение тем вещам, которыми человечество совсем пренебрегло в течение ряда столетий.

## ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

*Дорнах, 6 декабря — 1919 г.*

То, что я говорил вам в течение трех недель, находит свое завершение в том факте, что мы действительно стоим лицом к лицу с вторжением духовного мира в наш современный мир, который в своих существенных чертах есть результат того культурного развития, какое началось около середины XV в. Около середины XV в. все становится другим в этом известном как цивилизованный человеческом мире. То самое, что до середины XV в. вносилось людьми в их сознание, касалось больше процессов, происходящих в человеческой организации. Вы можете в старинных сочинениях, поскольку они вообще сохранились еще до нашего времени, найти (и я уже говорил об этом вчера) выражения, очень сходные с нашими физическими и химическими терминами. Но современный химик или физик в действительности не понимает тех вещей, которые находятся в этих старинных книгах — не понимает по той простой причине, что он думает: там, мол, описаны процессы, происходящие во внешнем мире природы. Однако там описаны не эти внешние процессы, а внутренние процессы — процессы, происходящие внутри человеческого физического или же эфирного тела. Лишь со времени Галилея, со времени Джордано Бруно человечество начинает обращать больше внимания на мир внешних чувств. И ныне мы ушли в этом направлении настолько далеко, что имеем естествознание, под влиянием которого оказывается все мышление — также мышление и ощущения людей из народа; мы имеем естествознание, которое говорит обо многом, наблюдающемся в минеральном, растительном, животном царствах природы, но которое никоим образом не может дать разъяснений о существовании самого человека, также и о физически-телесном существовании человека. Однако в наше время человек должен быть уже готов поставить следующий вопрос: в каком отношении я сам как человек нахожусь к тому, что меня окружает как минеральное, растительное и животное царства — как внешний физический мир с его воздухом и водой, с его теплом и облаками, с его солнцем, луной и звездами? В каком отношении я как

человек нахожусь ко всему этому?

Мы не можем основательно ответить на этот вопрос, если мы повторно не вникнем во многое из того, что мы уже рассматривали относительно человека. Если мы возьмем, прежде всего, человека как существо, обладающее внешними чувствами и рассудком, то мы можем сказать: мы воспринимаем внешний мир посредством наших глаз, ушей, других органов чувств, которые, если они и присутствуют во всем теле, тем не менее суть органы головы. Затем мы осмысливаем этот внешний мир посредством идей и понятий, которые связаны с нашим мозгом как орудием. От того, что мы таким образом пережили посредством наших внешних чувств и что продумали благодаря нашему, как говорится, познающему разуму (ибо это есть потребность нашей внутренней человеческой цельности), мы получаем представления воспоминаний. И то, что мы сначала воспринимаем из внешнего мира, что благодаря внешним чувствам проникает и действует в нас из внешнего мира, что мы посредством нашего интеллекта делаем из всего этого принятое извне, — это, в конце концов, есть то самое, что мы получаем как представления воспоминаний. Что же мы такое, собственно, суть сами как люди — такие, как я сейчас описал, — по отношению к миру?

Будем отправляться от простого феномена восприимчивости внешних чувств. В последние дни я как-то указал на этот феномен. Будем исходить из того, что вы видите своими глазами какое-то пламя: вы закрываете свои глаза и тогда имеете перед собой после-образ этого пламени. Этот после-образ пламени, который вы привнесли в свой глаз, постепенно исчезает. Гёте, который всегда говорит о вещах наглядно, выражается так: после-образ отзвучал. — Это производится изначальной конституцией глаза и связанного с ним нервного аппарата после того, как они подверглись изменению в результате светового впечатления, испытанного глазом. То, что тут разыгрывается в вашем органе чувств, есть такой же, только более простой процесс, какой разыгрывается с вашей памятью, с вашим воспоминанием, когда вы вообще воспринимаете внешние впечатления, обдумываете их и они остаются вам как представления воспоминаний. Различие только в том, что когда вы воспринимаете вашими глазами какое-либо впечатление, например, от пламени, то имеете затем представление памяти и оно постепенно гаснет, — так это кратковременный процесс. Если же вы воспринимаете что-либо всем своим человеческим существом, обдумываете это и позднее всегда можете опять вспомнить, т. е. если возникает этот большой после-образ воспоминания, то длится это долго — длится при определенных обстоятельствах, связанных с этим переживанием, в течение всей нашей жизни. На чем это основывается? Да, если вы имеете этот простой след в вашем глазу — в течение, может быть, всего лишь какой-нибудь доли минуты, а может быть, и пары минут, а затем он меркнет, — так это происходит только потому, что это не прошло дальше через весь ваш организм, оставшись всего лишь в одной его части. А то, что становится образом воспоминания, проходит сначала через большую часть (я дальше коснусь этого подробнее) всей вашей организации в целом, отсюда вытесняется в ваше эфирное тело, а через эфирное тело — в окружающий мировой эфир. И когда это остается не только как после-образ, как чувственный образ лишь в одном органе, но проходит через большую часть всего человека, внедряется в эфирное тело, оттуда выходит, вытесняется во внешний мир, тогда это может остаться как после-образ на всю жизнь. Дело лишь в том, чтобы данное впечатление было достаточно глубоким, — чтобы оно охватило эфирное тело и чтобы эфирное тело не удержало бы его в себе, но вынесло его во внешний мировой эфир, там его вписало, там его запечатлело. Не думайте, что если вы вспоминаете о каких-либо вещах, — так это только процесс, происходящий внутри вас. Вы, правда, не всегда можете, имея какое-либо переживание, записать его в вашу записную книжку (хотя теперь это уже делают многие люди в отношении очень многих переживаний), чтобы затем опять извлекать и считать его оттуда. Но то, о чем вы вспоминаете, вы вписываете в мировой эфир, а мировой эфир, когда вы должны вспомнить об этом, вызывает это опять в вас, словно некий отпечаток. Воспоминание никак не есть всего лишь ваша личная забота; воспоминание есть своего рода взаимодействие человека со вселенной. Вы не можете быть сами по себе, когда вы как внутренне обособленный человек хотите вспомнить о ваших переживаниях. Неимение же воспоминаний о своих переживаниях разрушительно действует на существо человека.

Подумайте еще раз о том случае, который я часто приводил в качестве

примера. Один человек, которого я знал очень хорошо и который занимал довольно высокий пост, однажды внезапно почувствовал потребность пойти — не имея никаких оснований для этого — на железнодорожный вокзал, купить там билет и поехать в неведомые края без всякой нужды. Но в то время, когда он туда ездил, сам он ничего не знал, где он был, и он опять пришел в себя только в Берлине, обнаружив, что находится в приюте для бедняков на Курфюрстенштрассе. Из его сознания выпал весь предшествовавший промежуток времени, начиная с момента посадки в поезд на Дармштадтском вокзале. По форме из показаний различных лиц удалось установить, что он побывал в Будапеште и во Львове, а из Львова приехал в Берлин; и он снова очнулся, находясь в берлинском приюте для бедняков. Между тем его рассудок был в полном порядке, никаких нарушений не было. Во все время от его посадки на поезд в Дармштадте и вплоть до его поступления в приют для бедных в Берлине он делал в точности все, что надо для приобретения железнодорожного билета и т. д., — все, о чем ему надо было позаботиться в течение означенного промежутка времени. Но в это время, когда он все это проделывал, он не имел никаких воспоминаний о своей остальной жизни. А после того, как к нему опять вернулось воспоминание об его прежней жизни до момента отъезда из Дармштадта, у него не осталось никакого воспоминания обо всей поездке; то, что тогда с ним происходило, можно было установить только по свидетельствам других лиц. Вот один такой пример. Я мог бы рассказать о многих подобных случаях. Этот пример должен обратить ваше внимание на то, какова была бы наша жизнь, если бы непрерывный поток воспоминаний не прерывал бы все наши переживания. Подумайте о следующем: если бы о каком-то времени (за исключением того, когда вы погружены в сон и лишены воспоминаний о времени сна) вы не имели бы никаких воспоминаний, то что тогда вы могли бы думать как люди о своем Я? То, что относится к впечатлениям наших чувств и что принадлежит нашему интеллекту, — это есть наше личное дело. Но с того момента, как эти вещи начинают выступать в воспоминании, душевные переживания человека становятся его взаимодействием с окружающим миром, с универсумом. Не располагая нужной силой, современное человечество еще не знает, что то, о чем я сейчас веду речь, есть факт. Но это станет составной частью образования людей в будущем, приводя к памяти через эфирное человека, — обратиться к воспоминаниям не как к личному делу, но как к тому, за что человек несет ответственность перед всем миром.

Когда я начинал здесь эту серию лекций, то мною было сказано, что прежде у людей (например, еще у населения древней Греции) было "областное сознание", которое не шло дальше той географической области, где проживало данное общество людей. Затем это сознание превращается в общеземное сознание; но только в новейшее время может выступить для будущего, предстоящего человечеству, некое космическое, общемировое сознание, когда человек снова сможет (как это имело место в доисторические времена) знать себя как гражданина всего космоса. Путем к этому становятся обретение способности с полной ясностью и отчетливостью чувствовать свою ответственность за все то помысленное, что может стать воспоминанием.

Но то, что я до сих пор вам описывал, принадлежит, собственно, не всему существу человека, а лишь его большей части. И чтобы характеризовать вам, что тут происходит, я схематически обозначу вот здесь область внешних чувств, включая сюда и область рассудка (белый); затем Мы некоторым образом имеем в человеческом организме (красный) то самое, что отбрасывает обратно (стрелы, красный) те мысли, которые мы питаем, так, что они могут стать воспоминаниями, т. е. тем, что в человеке сталкивается с объективным бытием космоса. Я однажды уже указывал вам на те места в человеческом теле, какими человек сталкивается с космосом.

### Рисунок

Если вы проследите, скажем, нерв, идущий от какого-либо места человеческого тела к спинному мозгу (я рисую схематически), то вы найдете для каждого такого нерва (по меньшей мере, почти для каждого нерва) некий другой нерв, идущий куда-то обратно. Специалист по физиологии внешних чувств один из этой пары нервов называет сенсорным, а другой — моторным.

### Рисунок

Относительно этой бессмыслицы, что якобы существуют так называемые сенсорные и моторные нервы, я ведь уже неоднократно говорил.\* \*См., например, "О загадках души" (Глава "Физические и духовные зависимости человеческого существа"). ПСС, т.21. Однако важным является то обстоятельство, что каждый нервный проводящий путь исходит от периферии человеческого тела и опять к ней возвращается, но при этом где-то прерывается, подобно электрическому проводу, у которого в месте разрыва проскакивает искра. Тут происходит нечто подобное с сенсорным флюидом, словно перепрыгивающим от сенсорного нерва к моторному нерву. А этих мест бесчисленное множество, по меньшей мере очень много, например, в нашем спинном мозгу, а также и в других частях нашего тела; находятся также те места пространства, где человек не принадлежит одному себе, но где он принадлежит вселенной. Если вы свяжете друг с другом все эти места, присоединив к ним также ганглии симпатической нервной системы, тогда вы получаете эту границу — также и телесно-физиологически получаете эту границу, так что вы можете сказать тогда следующее. Вот, мы делим человека, так сказать, надвое (тут мы имеем больше, чем половину человека, но примем сначала, что мы разделили человека пополам) и трактуем одну его половину как некий большой орган чувств, трактуем восприятие посредством внешних чувств в целом как чувственную восприимчивость, переработку рассудком как дальнейшую, более тонкую чувственную деятельность, возникновение образов воспоминаний как возникновение послеобразов, но таких, которые остаются для жизни человека между рождением и смертью, ибо они при образовании воспоминаний претерпели столкновение с мировым эфиром и имеют место взаимодействия между ними и мировым эфиром. Другая половина человека есть та, которая имеет своим крайним органом конечности, — все, что суть конечности. Подобно тому, как первая часть человека имеет своим крайним органом сферу внешних чувств (вписываются слова "сфера внешних чувств"), так другая часть его имеет, так сказать, примкнувшие к ней конечности (продолжение рисунка): вырастают руки, ноги. Все это нарисовано, конечно, грубо и схематично.

Все то волевое, что есть в человеке, связано с этой другой частью его существа. Это волевое образует другой полюс человеческого существа, противоположный первому, интеллектуальному, полюсу. Между обоими пролегает граница — внутренняя граница, которую вы получаете, соединив между собой все окончания нервов и все ганглии. Эту границу, так сказать, в разрезе можно мыслить подобной сите, через дырочки которого, с одной стороны, проникает воля (рис. на стр. 140: оранжевый), а с другой — разум (зеленый); так вы получаете посередине человеческого существа его душевную сферу, сферу чувств. Ибо все то, что принадлежит к чувствам, собственно, есть наполовину воля и наполовину разум. Воля проникает снизу, разум — сверху, в совокупности это и дает чувствование. В чувствах всегда находится, с одной стороны, в сновидческом состоянии разум, а с другой — погруженная в глубокий сон воля.

После того, как мы некоторым образом препарировали человека духовно-научно, найдя в его существе, с одной стороны, полюс разума, а с другой — полюс воли, мы можем теперь поставить вопрос: с чем в окружающем мире внешних чувств, собственно, совпадает то, что мы теперь научились распознавать как два полюса, как две стороны человеческого существа? — Ни с чем, совсем ни с чем в действительности! Во внешнем мире мы имеем минеральное царство, растительное царство и царство животных. Ни с одним из этих царств мира природы поистине не совпадает то, что есть внутри человека, а также и телесно.

Однако теперь вы могли бы сделать важное возражение, которое выглядит лежащим на поверхности. Вы скажете следующее: ведь мы состоим из тех же веществ, что и окружающий внешний мир, ибо мы принимаем в себя эти вещества при питании и таким образом соединяемся с веществами минерального царства хотя бы тогда, когда солим наши кушанья; мы принимаем в себя и другие минеральные вещества наряду с веществами растительного происхождения. Существуют также мясоеды, которые соединяются также с субстанциями животного происхождения и т. д. Но в этой вере, что мы, мол, в нашей собственной телесности действительно имеем нечто от веществ внешнего мира, на самом деле заключается страшное заблуждение. То, что наша телесность, собственно, делает, есть не что иное, как непрерывная оборона против влияний внешнего мира, также и против тех его влияний, которые проникают в нас с пищей. Этот факт в наше время очень трудно доступен пониманию современников, ибо существенным для нашего тела

оказывается не то, что мы принимаем в себя пищевые продукты, а то, что затем мы опять удаляем их из себя. Многое мы удаляем из себя очень быстро, остальное же только за семь-восемь лет. Но ничто из того, что вы сегодня съели, не окажется еще в вас по прошествии восьми лет. Ибо все это заменяется другим, и деятельность вашего тела состоит не в принятии в себя веществ внешнего мира, а в удалении их из себя.

То, что вы должны принимать пищу, — это для вашего тела не имеет никакого другого значения, как то, что вы должны иметь твердую почву под ногами, чтобы ходить. Если бы вы не имели никакой почвы под ногами, то вы не могли бы ходить, но вы как люди не имеете с почвой ничего общего — она должна лишь служить вам опорой. Таким образом, ваша телесная деятельность просто должна иметь противодействие, она должна постоянно от чего-то отталкиваться; поэтому мы нуждаемся в еде, чтобы наша телесная деятельность постоянно от чего-то отталкивалась. Подобно тому, как вы упали бы без опоры под ногами, так и ваша телесная деятельность также упала бы до нуля, если бы она не наталкивалась на некую опору — на сей раз в виде веществ, проникающих с пищей во все тело. Вы едите не для того, чтобы соединиться с пищевыми продуктами, но для того, чтобы способствовать той деятельности, которая необходима для удаления съеденных пищевых продуктов. Ибо в деятельности удаления этих пищевых продуктов и обнаруживает себя ваше человеческое существо. И столь же мало, как почву, по которой вы ступаете, вы можете причислить к подошвам ваших ног, — столь же мало можете вы то, что содержится в вашей пище, и вообще все то, что наличествует как-либо в мире внешних чувств, причислить к вашей человеческой природе, если вы хотите думать в соответствии с истиной. Человек в целом есть не что иное, как некая реакция на окружающий мир. Противодействие этому миру есть человек, чистое противодействие. Ибо человек, по существу, есть преимущественно действие.

То, чего я теперь коснулся, происходит в человеке веками различным образом для органов сферы внешних чувств и разума, с одной стороны, и для органов волевой сферы — с другой. Постольку, поскольку человек есть существо с двумя полюсами. Но с тем, что есть во внешнем мире, то, что происходит в этих двух полюсах биполярного человеческого существа, имеет не слишком много общего.

Мы имеем во внешнем мире минеральное царство, растительное царство. Эти царства, минеральное и растительное, внутренне слабо сродни нашему собственному царству. Если мы хотим отыскать то, чему сродни это минеральное и это растительное царства, то должны направить свой взгляд в тот мир, который переживаем перед нашим рождением, через который мы проходим, когда благодаря рождению, вернее, зачатию, сходим из духовного мира в физический мир. Когда мы направляем свой взор на растительный мир и на мир минеральный, тогда мы должны, собственно, сказать себе следующее: перед моим рождением я был в некотором духовном мире. Этот духовный мир я не лицезрю посредством моих внешних физических чувств, я не мыслю его посредством моего физического рассудка. Однако этот мир, который сокрыт от меня словно некоторой завесой, пока я являюсь человеком мира внешних чувств, внешним образом открывается в растительном мире и в его основе — минеральном мире. — Минеральный мир и растительный мир имеют гораздо больше общего с нашей потусторонней жизнью, чем с нашей жизнью между рождением и смертью, но, разумеется, не те растения, которые мы видим нашими глазами, которые являются здесь нам; ибо они суть порождения тех сил, с которыми мы связаны между смертью и новым рождением. И царство животных также не очень много имеет общего с нами как земными людьми; гораздо больше оно связано с нами во время, непосредственно следующее после нашей смерти, — внешним, полярно противоположным проявлением чего оно и есть. Так что мы можем сказать: то, что есть в человеке, мы не учимся познавать, когда учимся естественно-научно познавать мир, окружающий человека на земле. Потому так случилось, что та самая наука, которой обладает современность и которую она особенно ценит, оказывается наукой, в какой на самом деле нет ничего о существе человека.

Между тем за последние четыре столетия все наши общераспространенные представления обязаны популяризации естественно-научных методов. В наше время даже крестьяне у себя на земле думают, в сущности, естественно-научно, хотя и выражают это пока еще по-своему. Естественно-научно думает даже католицизм с его догматическим материализмом. Естественно-научное мышление господствует

по существу во всем. А ведь мы теперь пришли к такому времени, когда стало необходимо заново создавать социальный строй. Большая часть современного цивилизованного мира — и эта часть становится все больше и больше и в конце концов станет всем цивилизованным миром — ныне стремится к созданию нового социального строя. Люди размышляют о социальных проблемах. Социальные требования живут ныне в среде цивилизованного человечества. Каково их происхождение? Они возникли из глубоко подсознательных импульсов, действующих в человеческой натуре. И с помощью каких средств их хотят удовлетворить? — С помощью результатов естественнонаучного мышления. И эти естественнонаучные результаты называют теперь в самых широких кругах людей "социальным мышлением", поскольку эти результаты прилагают к социальной жизни людей.

Вот так и произошло, что на востоке Европы новый государственно-социальный строй должен создаваться, исходя из чисто естественно-научного материалистического мышления. Те люди, которые творят в России большевизм, воплощают собой естественнонаучные методы; те мужи, которых доктор Гельфанд, именуемый себя Парвусом, под руководством Людендорфа и Гинденбурга экспортировал в Россию, дабы они там устроили большевизм, — эти мужи есть воплощение естественнонаучных методов. Можно даже сказать, что практическую проверку того, чем становится естественнонаучный метод, когда он коренится в головах известных социал-революционеров, являют нам мужи от большевизма. Воплощенный в них естественнонаучный метод обитает теперь в России, куда мужи от большевизма были доставлены через Германию в запломбированном вагоне при посредничестве социалиста Гельфанда, известного под псевдонимом Парвус\**Александр Гельфанд (умер в 1924 г.), называвший себя Парвус-Гельфанд, — русский социалист, временный политический беженец в Германии и главный редактор "Саксонской рабочей газеты" в Дрездене. Играл видную роль в 1-й мировой войне и в возникновении большевистской революции, а также в Брест-Литовском мире (1918). См. Георг Вольф "В ожидании последнего боя", Кельн, 1961 г., под эгидой Людендорфа\*\*\*Людендорф — см. примечание к пятой лекции. и Гинденбурга\*\*\*\*Пауль фон Гинденбург (1847-1934) - во время 1-й мировой войны генерал-фельдмаршал, с 1916 — начальник Генерального штаба; в 1925 — 1934 президент Германии..*

Не следует упускать из вида значимость этого воплощенного в людях естественнонаучного метода. Я уже обращал ваше внимание на некоторые факты. Есть два философа, образцово обывательских философа. Один из них, Авенариус, преподававший в Цюрихском университете, был человеком, полностью придерживающимся установки, приводящей к развитию буржуазно-филистерского мышления. Др. Фрой, Эрнст Мах, преподавал в Праге, в Вене. Я сам слышал его в 1882 г. в Венской академии наук\*\*\**Эрнст фон Мах (1836-1916), физик и философ. Лекция "Об экономической природе физического исследования" имела место 25 мая 1882 года, содержится в книге: Эрнст Мах "Научно-популярные чтения", Лейпциг, 1896, стр. 208-230. Написал, в частности "Анализ ощущений и отношение физического к психическому", Йена, 1900 г.. Он всегда казался мне самым воплощением буржуазной обывательщины и законопослушности — этот Эрнст Мах. И вот, если вы теперь зададите вопрос о "государственной философии" большевизма, то это не случайность, но внутренняя необходимость, что сей государственной философией является философия Авенариуса и Маха. Ибо эти вещи сопричастны друг другу: крайняя последовательность естественнонаучного метода превращается через метаморфозу в социальное мышление. Поэтому надо отнестись к этим вещам со всей серьезностью. Поначалу естественнонаучное мышление расцвело социальным цветом на востоке Европы. Оно будет расцветать и дальше, если не ухватить его под корень — за сам естественнонаучный, материалистический источник.*

Дело в том, что ныне по миру идет некая волна мыслей и ощущений. Поднята эта волна социально-экономическим материалистическим мышлением. Вследствие того, что эта волна распространяется, она захватывает с собой ставшее необходимым социальное мышление и тут становится разрушительной силой для человечества, абсолютно разрушительной силой. А правящие, руководящие круги людей не имеют ни силы, ни способности влить в человеческое мышление действительно весомую духовную науку. Поэтому в широких массах пролетариата, в социальном мышлении широких масс пролетариата поднялась материалистическая волна и марксизм, который столь гротескно ожил в последние четыре-пять лет, есть социальный цвет и плод применения материалистического естественнонаучного метода в социальном мышлении. Нельзя недооценивать того, что такова ныне конфигурация современного цивилизованного мира. Если этого не замечают, то, значит, просто

закрывают глаза на важнейшие явления и симптомы этой жизни. Нельзя быть вполне человеком современности, закрывая глаза на эти явления.

Отдельные люди поднимаются над общим мнением. Эти отдельные люди ныне уже в какой-то мере чувствуют: если мы будем так мыслить и так ощущать и дальше, то ничего не сможем достигнуть; мы все более и более будем впадать в состояние хаоса. Поэтому раздаются призывы такого рода, как следующий; они хотя ныне и являются еще редкими, но все же они уже есть, такие призывы. Один из них я позволю себе прочесть вам.

В 31/32 тетради культур-социалистического еженедельника "Новая земля" в Вене появилась интересная статья под названием "Мировоззренческий кризис" Карла Поля-ного. В ней говорится, что налицо всеобщее противодействие капиталистическому хозяйственному порядку одновременно с откатом от марксистского социализма.

"Поньше еще властвует сопряжение марксизма и социализма — наперекор всем современным идеям. Любой порыв к интеллектуальным требованиям жгучих социальных проблем времени тонет в болоте этой духовной деградации..."

"...Вспышка мировой войны стала поворотным пунктом. Для всех капиталистических, а тем самым и марксистских идей. Вождем человечества стало ясно, да и массы смутно ощутили, что никогда так называемые жизненные интересы не управляли миром, но силы совершенно другого рода и другие существа. Ведь вездесущие экономические интересы, которые преследовали империалисты и с которыми воювали социалисты, как с ветряными мельницами, оказались не просто ирреальными и абстрактными до фразерства, но к тому же еще всего лишь экономическим суеверием и пухлой химерой. Бросилось в глаза, что двигателем является не материальное, но представление об этом материальном, и ладно бы эти представления не были бы столь фальшивыми и столь превратными — что представления, а не материальное правит массами. Но ведь и представления материальных интересов, якобы конкретнейшие и реальнейшие, становятся только тогда исторически действенными, когда их возводят в ранг веры, когда несть числа приносимым жертвам и исключительно их самоценность служит возмещением и оправданием всего того иррационального, что творится во имя них. Эпоха вопиющих парадоксов верует в эгоизм. Его больше не отрицают, не перекрашивают в идеализм — наоборот! Человечество толкают к смерти во святое имя экономических жизненных интересов, окруженных сияющим нимбом, а также священного эгоизма, превознесшего им же до небес. Материальное провозгласило себя единственным идеальным, и тем материалистический мир завершил свой путь. И эту идеализацию материального как единственно реального и сущностного капиталисты уже не откажут Родины, а марксисты в открытую — социализмом!"

"Утилитаристская этика, исторический материализм, позитивистская теория познания, детерминистская философия — в новой атмосфере они более нежизнеспособны. Марксизм же как мировоззрение построен на этих столпах. Его время прошло".

Это призыв одной души, которая в хаосе нашего времени замечает прежде всего и больше всего негативное. И она даже ставит вопрос, страшный судьбоносный вопрос: "Что же должно наступить вместо него?"

Этот вопрос ставит тот же самый, написавший то, что я вам прочитал. Далее он говорит: "Ответ на этот вопрос для судеб марксизма не является решающим. Для истинных и тянущихся к ясности умов это вопрос второстепенный. Проясни солнце, надо скорее устраиваться во тьме, нежели блуждающий огонек выдавать за солнце."

"Что нашему поколению застит солнце — это новое, еще более светлое и сияющее, что восходит на горизонте. Освободившись от кошмара эволюционного учения, приводными ремнями коего мы были приговорены без передышки и без приюта прозябать на вечных общих работах в нашем бегущем существовании, пробудившись от миража извращенного историзма, который бредил в мировых свершениях внимать не звуку призыва к битве, а в ее зове пустому эху мировых свершений, переросши навязчивые представления юродствующего детерминизма, свободу нашей воли представлявшего случайной игрой закулисных сил, возрожденные, наконец, от веры в мертвенные массы к вере в самих себя, мы найдем в себе силу и призвание требования социализма о справедливости, свободе и любви сделать будущее для человечества."

Да, взыскующая душа, которая видит, как мы несемся навстречу хаосу, которая ставит тяжкий судьбоносный вопрос: "Что должно заступить на его место?" — и продолжает затем ответом и приподносит старые фразы, ставшие пугающей словесной шелухой: справедливость, свобода и любовь. Их про поведывали достаточно давно. Конкретного пути в этой фразе на самом деле не содержится.

"Марксистский социализм просто затемняет сегодня стоящий перед человечеством судьбоносный вопрос, сковывает свободные силы радикального решения, держит мышление в потемках изжитой догматики, отказывается от действия в пользу туманных пророчеств, сомнительных авторитетов и мистических символов. Он искривляет человечеству свободную перспективу".

Верно: "Искривляет человечеству свободную перспективу", — но через фразы эта перспектива не откроется! И далее автор продолжает: "Церковь пережила свое призвание на тысячу лет. Марксизм может пережить наше поколение, но тот новый дух, который порожден у человечества бедствиями мировой войны, — он, наверное, переживет марксизм".

Так говорит автор, который, похоже, восприимчив к ничтожности нашего времени, к тому, что привело к хаосу. Но где же есть этот новый дух? Так вот один из наших друзей, уже давно находящийся в поле нашего мировоззрения, написал следующие строки в добавление к только что оглашенным мною, автор которых, хотя и усматривает, что должно придти нечто новое, однако в отношении этого нового остается в плену старого фразерства. Наш же друг добавляет следующее: "Здесь мы встречаемся с кощунством, что марксизм, который ныне выступает в болшевиизме как в своей самой последовательной форме, принадлежит к старому мышлению. Он — полная противоположность старого капиталистического мира. Но он одинаково болен в сфере духовной жизни, как и капитализм. Будучи его противником в сфере народного хозяйства, он, тем не менее, заодно с ним в своей духовной основе. На его место и на место современного естественнонаучного мировоззрения должно придти новое антропософское мировоззрение, ведущее свое происхождение от "Философии Свободы".

Лишь эти немногие строки добавлены другом — участником нашего движения. Однако тому человеку, который может заглянуть в механизм нынешних событий, происходящих с человечеством, ясно, что эта антропософическая духовная наука должна тут выступить, ибо — таково положение самих вещей. И пока не будет признано, что процесс болезни, постигшей нашу современную жизнь, может быть исцелен только антропософически ориентированным духовным исследованием, людям не выбраться из состояния хаоса.

Поэтому можно без ложной скромности сказать следующее: если бы только нашлось достаточно много людей, которые на вопрос: "Что же должно заступить на его место?" могли бы ответить, как доктор Колиско\**Доктор Эуген Колиско (1893 Века -1939 Лондон) - врач и учи-гель и Сносюдмои Вальдорфской школе и Штутгарте.* ответил этому Карлу Поляиому! Пока будут думать, что благополучие антропософского движения можно обеспечить сектантством какого-либо рода, до тех пор не распознают смысла этого движения. Мели же захотят узреть, что тут мы имеем дело с фактом мирового значения, тогда только распознают смысл этого движения.

Лишь тот может быть действительно носителем антропософского мировоззрения, кто не только распознает его смысл таким образом, но и сделает его самым внутренним импульсом собственной воли. Я не намерен многими словами рассказывать то, что я хотел бы сказать в этой лекции. Мы встретимся для подобных обсуждений в ближайшем времени. Нам нет нужды прощаться, ибо на этот раз это продлится недолго.

Однако я еще должен сказать, что глубокой потребности моего сердца отвечало бы, если бы многие из вас как раз в ближайшие недели достаточно сильно приняли бы к сердцу те слова, посредством которых я хотел указать на самое важное в нашем теперешнем мировом положении вещей.

Нами было сказано о многочисленных пагубных влияниях, исходящих из элементарного мира в наше нынешнее время. Вы знаете, что одно древнее истинное воззрение, которое надо лишь верно понять, гласит о том, что с наступлением конца гражданского года, когда приближается Рождество, приходят те дни, в которые становится самым интенсивным духовное влияние, какое может быть оказано «а человека внутри земной сферы».

Так может быть, как раз в этот промежуток времени, [который на протяжении

столетий был для людей столь (лажным и существенным (а в наше время стал не более чем [поводом делать "подобающие подарки"]), мы будем, следуя древнему душевному обычаю, искать прибежища у тех так-же древних, духовных Властей, которые все еще могут оказать свое влияние на наши человеческие судьбы, если мы дадим воспринять своим душам всю серьезность того, то заключается в общении духовного мира с человеческим миром!

Вот, что я сегодня хотел сказать вам.

## ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

*Дорнах, 12 декабря 1919 г.*

Наш отъезд откладывается на несколько дней, поэтому я, мои милые друзья, в состоянии еще в течение трех дней опять говорить здесь, обращаясь к вам. Особенное удовольствие доставил мне приезд сюда некоторого числа друзей из Англии, обращаясь к которым я, таким образом, могу перед своим отъездом отсюда кое-что сказать.

Эти друзья увидят, что наше здание Гётеанума продвинулось вперед в его осуществлении за минувшие трудные годы. Само собой разумеется, что оно не могло быть закончено к сегодняшнему дню, и мы едва ли можем также и сегодня с определенностью предсказать какой-либо срок его завершения. Но то самое, что ныне уже наличествует, показывает вам происходя из каких духовных основ, выросло это здание и как оно связано с тем духовным движением, которое оно будет здесь представлять. Вот почему как раз в связи с тем обстоятельством, что по прошествии долгого времени я опять могу говорить, обращаясь к довольно большому числу наших английских друзей, является уместным взять сегодня за исходный пункт наших рассматриваний именно наше здание. Затем, в два следующих дня, к тому, что можно сказать в связи с этим зданием, мы сможем присоединить еще кое-что другое, о чем можно заметить, что это, быть может, важно высказать как раз теперь.

Кто взирает на наше здание, которое ведь уже сегодня можно лицезреть по меньшей мере в его идее, тому, навстречу, бросится в глаза особая связь этого здания с нашим духовным движением, и он как раз от этого здания, являющегося представителем нашего духовного движения, получит, быть может, впечатление о том каким хочет быть это движение. Подумайте о следующем: если бы какое-либо, к тому же еще широко распространившееся сектантское движение почувствовало необходимость в постройке подобного здания для своих собраний — что бы тогда произошло? Так вот, согласно потребностям этого общества или объединения было бы построено более или менее крупное здание в том или ином архитектурном стиле, и вы, быть может, нашли бы в помещениях этого здания те или иные более или менее символические знаки и изображения, в какой-то мере указывающие на то, что должно делаться в этом здании. Вы, быть может, нашли бы тут или там тот или иной символический образ, указывающий на то, чему намеревались бы учиться в этом здании или как-то собираются осуществить. Все это, как вы сами заметите, совсем не относится к нашему зданию. Это здание возведено не только для нужд антропософского движения или Антропософского общества, но то, как оно предстает перед нами, со всеми его особенностями и частностями, рождено из того, что хочет представлять перед миром наше движение в духовном отношении и пр. Это движение не могло удовлетвориться тем, чтобы построить себе дом в том или ином архитектурном стиле; это движение в тот момент, когда зашла речь о возможности постройки собственного дома, почувствовало себя вынужденным к поиску некоего собственного стиля, исходя из основ нашей духовной науки, — стиля, посредством которого во всех частностях выражается то, что как духовная субстанция протекает через русло нашего движения. Было бы немисливо в случайном здании все равно какого исторического архитектурного стиля что-то осуществить. Отсюда же сразу следует вывод о том, насколько далеко отстоит то, что задумано в связи с нашим движением, от всякого, пусть даже сильно распространенного, сектантского движения или чего-нибудь подобного. Для нас было необходимо построить себе не просто дом, но найти архитектурный стиль.\*См. Рудольф Штейнер "Путь к новому строительному стилю", пять лекции июнь/июль 1914 г. ПСС, Штутгарт, 1957, далее "Строительная Идея Гётеанума", лекция с диапозитивами (104 фотографии I Гётеанума), прочитана в Берне 29 июня 1921 г., ПСС, Штутгарт, 1958 г., какой в точности выражает то самое, что выказано в каждом слове, каждом положении нашей антропософски ориентированной духовной науки.

Да, я убежден, что если достаточно углубиться в то, что можно действительно ощутить в формах этого здания (обратите внимание: я говорю — можно ощутить, а

значит не измыслить), тогда тот, кто сможет это ощутить, сумеет в прочувствованных формах этого здания прочесть то самое, что в ином случае бывает высказано через слова.

Это совсем не побочное обстоятельство; это есть нечто такое, что самым внутренним образом связано со всем тем, каким задумано наше духовное движение. Это движение хочет быть чем-то иным, чем все те духовные движения, которые друг за другом выступали со времен, скажем, сер<sup>101</sup>едины XV в. И я убежден, что именно теперь, в современные годы, должно быть введено в эволюцию человечества нечто иное, чем все то, что было введено в эту эволюцию сих пор, начиная с середины XV в. Самым характерным для всего того, что совершилось в среде цивилизованного челове<sup>101</sup>чества за последние три-четыре столетия, мне представляется следующее: внешняя жизненная практика в самом широком ее охвате, которая в большой мере подверглась ведь мех<sup>101</sup>анизации, образует ныне некое царство в себе. Она образует некое царство в себе, на владение которым претендуют, как на свою монополию, те люди, которые воображают о себе, что они — жизненные практики. Наряду с этой внешней жизненной практикой, которая выработалась во всех обла<sup>101</sup>стях так называемой практической жизни, мы имеем некую сумму духовных воззрений, мировоззрений, философий (или как вам это угодно будет назвать), которые по существу стали постепенно, но в особенности за последние три-чет<sup>101</sup>ые столетия, чуждыми жизни которые в том, что они дают людям как чувствования, как ощущения, более или менее оторвались от настоящей, жизненной практики. И столь разительным является различие между этими двумя течен<sup>101</sup>иями, что можно сказать следующее: с нашей современно<sup>101</sup>стью настало то время, когда эти два течения больше совсем не понимают друг друга; или, быть может, лучше сказать, что у них не находится никаких точек соприкосновения, чтобы взаимно влиять друг на друга. Мы устраиваем наши фабрики, мы прокладываем наши железнодорожные пути с их рельсами для поездов, мы шлем наши пароходы через океаны, мы балуемся нашими телеграфами и телефонами — мы делаем все это так, чтобы жизненный механизм фу<sup>101</sup>нкционировал более или менее автоматически и чтобы мы сами оказались вплетены в этот жизненный механизм. И наряду с этим мы произносим проповеди. Мы, собственно, много проповедуем. Представители старых религиозных исповеданий проповедуют в церквях, политики произносят проповеди в парламентах, представители различных напра<sup>101</sup>влений держат речи о потребностях пролетариев, о потре<sup>101</sup>ностях женщин. Много, много проповедуют, и содержание<sup>101</sup>м этих проповедей является в смысле нынешнего сознания человечества нечто очевидно востребованное. Но если мы зададим себе вопрос — где мосты между тем, что мы проп<sup>101</sup>оведуем, и тем, что нам готовит внешняя жизнь в своей практике? — то если мы захотим дать честный и правдивый ответ, мы не почерпнем такого ответа в современных дви<sup>101</sup>жениях.

Я лишь потому упоминаю о следующем явлении, что оно самым наглядным образом выступает среди явлений п<sup>101</sup>овседневности. Вы ведь знаете, что для нынешних людей, кроме всех прочих поводов для произнесения проповедей, существуют еще всевозможные тайные общества. Возьмем в качестве примера этих тайных обществ обыкновенные ма<sup>101</sup>сонские ложи, включая и те, в которых много степеней — от низших до самых высших; мы найдем там некую симво<sup>101</sup>лику: треугольник, круг, угломер и т. п. Мы встретимся там даже с частым употреблением выражения "Зодчий всех миров".

Откуда все это? Если мы вернемся в IX — XI столетия и взглянем на тогдашний культурный мир, когда в Европе, подобно "сливкам общества", образовывались ложи франк<sup>101</sup>масонов, то мы найдем, что все те инструменты, которые в наше время возлагаются как символические на алтарь во франкмасонских ложах, применялись тогда в строительстве домов и церквей. Имели угломер, круг, т. е. циркуль, в<sup>101</sup>ерпас, отвес и использовали их в практике. В нынешних же франкмасонских ложах в связи с этими вещами, совсем утратившими свою принадлежность к жизненной практике, держат всевозможные речи и говорят много прекрасных фраз — разумеется, прекрасных, но совсем чуждых вне<sup>101</sup>ней жизни, внешней жизненной практике. Мы пришли к идеям, к мыслительным построениям, у которых отсутствует пробивная сила, необходимая для проведения в жизнь. Мы постепенно пришли к такому положению вещей, что с пон<sup>101</sup>ельника по субботу работаем, а по воскресеньям слушаем проповеди. Эти две вещи не имеют друг к другу никакого отношения. И теми предметами, которые в прошлые врем<sup>101</sup>а были неотъемлемой

частью повседневной деятельности, мы в своих проповедях часто пользуемся как символами прекрасного, истинного и добродетельного. Но эти вещи стали чуждыми жизни. Да, мы так далеко зашли в этом, что верим — чем более чужды жизни наши проповеди, тем возвышеннее они в духовном смысле. А обыкновенный повседневный мир есть, мол, нечто неполноценное. И вот ныне прислушиваются ко всевозможным требованиям, вздымающимся из глубины человечества, но, по существу их, собственно, не понимают. Ибо часто нет никакой связи между теми проповедями, которые развиваются в более или менее красиво убранных помещениях разных обществ и возглашают о человеческой доброте, о любви к людям без различия наций, расы, цвета кожи, и тем, что происходит во внешнем мире и чему мы сами способствуем, отрезая купоны для оплаты их банками, получая свои ренты из банков, руководствуясь в своей жизненной деятельности совсем иными принципами, чем те, о которых мы говорим в своих гостевых как о принципах добрых людей. Мы основываем, например, теософское общество, говорим о братстве между всеми людьми, но в том, что мы говорим, нет ни малейшей пробивной силы, чтобы это оказало какое-нибудь воздействие на то, что происходит в жизни благодаря нам же как рантье, стригущим свои купоны. Ибо тем, что мы стрижем и предъявляем к оплате свои купоны, мы приводим в движение целую сумму народнохозяйственных процессов. Так наша жизнь распадается на две совсем различные, никак не связанные между собой части.

Так может иметь место следующий случай (я рассказываю не школьный пример, но случай из самой жизни, какой может произойти и даже действительно имел место). Однажды меня посетила одна дама и сказала: вот, ко мне приходит такой-то и требует пожертвования в фонд помощи алкоголикам; однако как теософка я никак не могла этого сделать! — Так говорила эта дама. Я же мог ответить лишь следующим образом: видите ли, вы — рантье; так знаете ли вы, сколько пивоваренных заводов основывается и действует посредством вложения ваших средств? — Дело в том, куда это приходит независимо от того, что мы, с одной стороны, произносим проповеди для блаженного утоления нашей души, а с другой — наша позиция в жизни определяется требованиями той жизненной рутины, которая сложилась за последние три-четыре столетия. В наше время лишь немногие люди вообще склонны вникать в эту основную проблему современности. Отчего происходит это? Это происходит оттого, что охарактеризованный дуализм действительно наступил в нашей жизни, страшно усилившись за последние три-четыре столетия, — дуализм между внешней жизнью и нашими так называемыми духовными стремлениями. Подавляющее большинство людей если и говорит о духе, то говорит о чем-то абстрактном, бесконечно чуждом окружающему миру, а не о таком, что может действительно вступать в повседневную жизнь.

Та проблема, на которую все это указывает, должна быть понята в ее корнях. Если бы мы стали строить на этом дорнахском холме в духе установок последних трех-четырёх столетий, то можно было бы обратиться к модному архитектору, может быть, к знаменитому архитектору и он мог бы наверняка возвести здесь красивое здание в каком-либо архитектурном стиле прошлого. Но об этом не могло быть для нас и речи. Ибо тогда мы, войдя в такое здание, оказались бы в окружении красот, заимствованных из того или иного исторического стиля, и то, что нами тут говорилось бы, столь же мало соответствовало бы зданию, как все те прекрасные речи, какие теперь произносятся повсюду, мало подходят к внешним жизненным занятиям людей. Этого не могло случиться, ибо не это имела в виду антропософски ориентированная духовная наука. Наше здание с самого начала было задумано иначе. Оно было задумано таким образом, чтобы не наличествовала старая ложная противоположность между духом и материей; причем дух тогда толкуется абстрактно и этот дух не имеет никакой возможности погрузиться в существо и ткань материи. А когда же говорят о духе оправданно? Когда же говорят воистину о духе? — Лишь тогда говорят воистину о духе, лишь тогда говорят о духе оправданно, когда дух понимается как творец того, что является материальным. Наихудшие же речами о духе (несмотря на то что эти наихудшие речи о духе часто объявляются самыми прекрасными речами) оказываются такие, когда о духе говорят как о некоем сказочном заоблачном мире, когда о духе говорят таким образом, что этот дух совершенно не должен быть затронут материальным. Нет, о духе надо говорить, понимая его способным непосредственно погружаться в материальное. И вот когда говорят о духовной науке, то ее следует мыслить не только проникающей выше мира

природы, но одновременно оказывающейся и полноценным естествознанием. Когда говорят о духе, то надо под этим подразумевать, что человек может соединить себя с духом таким образом, что этот дух при посредстве человека может проникнуть в социальную жизнь людей и творить в ней. А дух, о котором просто болтают в салоне, как о таком, которому хотя и нравиться через хорошее поведение и братскую любовь, но который прекрасно предохраняется от вступления в непосредственную жизнь, — такой дух не есть истинный. Такой дух есть не что иное, как человеческая абстракция, и возвышение человека к нему не есть возвышение к реальному духу, а есть как раз крайнее последствие материализма.

Поэтому мы должны были построить здание, которое до мелочей было из мыслей, из воззрений, что иначе живут в нашей антропософски ориентированной духовной науке. И с этим связано также то, что в это тяжелое время началась разработка социального вопроса, исходящая из духовной науки, которая не хочет пребывать в сказочном заоблачном мире, но с самого начала своей деятельности хотела быть живым делом и, будучи прямой противоположностью всякого сектанства, хотела проникнуться великими требованиями времени и хотела служить этим великим требованиям. Разумеется, в этом здании многое не удалось. Но дело сегодня поистине не в том, чтобы все одинаково удалось, но в том, чтобы было положено начало некоторым вещам, совершенно необходимое начало. И это необходимое начало, как мне кажется, совершенно, по крайней мере, этим зданием. Таким образом, когда это здание будет закончено, мы, осуществляя в нем то, что мы станем осуществлять, будем тогда находиться не в окружении чужих стен, но подобно тому, как скорлупа ореха принадлежит его ядру и в своей форме полностью приспособлена к данному ядру ореха, так и это здание в каждой своей линии, в каждой своей форме и краске приспособлено к тому, что притекает через наше духовное движение.

Это было необходимо, чтобы уже в настоящем хотя бы некоторое число людей узрело эту волю, ибо речь идет именно об этой воле.

Я должен еще раз вернуться ко многому показательному, что в течение трех-четырех последних столетий явственно выступило в эволюции цивилизованного человечества. Мы наблюдаем в этой эволюции цивилизованного человечества явления, которые для нашего взора поистине показательно выражают более глубокие основы тех процессов, какие в современной жизни людей ведут к абсурду; ибо это приведение к абсурду — налицо. Это правда, что большая часть человеческих душ ныне погружена в сон, действительно спит. Если где-либо разыгрываются события, являющиеся ныне, мог бы я сказать, поистине извращением, наоборот всякой цивилизованной жизни, и они не бросаются людям в глаза, несмотря на то что они разыгрываются во многих странах нынешнего цивилизованного мира, будучи симптоматическими и многозначными для того, что все больше и больше дает себя знать, — тогда приходится констатировать: да, люди с их душами находятся вне важнейших событий современной жизни, современной эпохи. Люди живут, погружившись в повседневность, и не глядят на то, что, собственно, происходит в современности, пока они не окажутся непосредственно затронутыми происходящими процессами. Однако, разумеется, настоящие импульсы этих процессов лежат в глубинах подсознательной или бессознательной жизни людей.

В основе этого охарактеризованного мною дуализма лежит некий другой дуализм, который нашел свое выражение (я хочу привести характерный пример) в "Потерянном рае" Мильтона. Но это произведение есть лишь внешний симптом того, что проходит через все современное мышление, ощущение, чувствование и воление. В сознании человечества нового времени имеется чувство противоположности между "небом" и адом — другие это называют духом и материей. В сущности это лишь разница в степени между "небом" и адом деревенского крестьянина и духом и материей считающегося "просвещенным" философа наших дней. Реальные мыслительные побуждения, лежащие в основе, — те же самые и тут и там. Настоящая противоположность существует, между Богом и чертом, между раем и адом. Верным представляется людям одно: рай есть благо, и это — ужасно, что люди были изгнаны из рая; рай утрачен, и людям надо снова отыскать его; черт — ужасный супостат, противостоящий всем тем силам, которые связаны с понятием рая. Люди, которые даже не имеют никакого предощущения о том, как душевные противоположности правят в наших социальных противоречиях и социальных

требованиях вплоть до их крайних проявлений, — они совсем не могут представить себе, в чем все значение этого дуализма между небом и адом или между утраченным раем и землей. Люди принимают за совершенный парадокс, когда хочешь сообщить истину об этих вещах; ныне вообще едва ли бывает возможно высказать истину о некоторых вещах без того, чтобы эта истина часто не показалась нашим современникам безумием. Но подобно тому как в смысле апостола Павла человеческая мудрость может быть глупостью перед Богом, так и нынешняя человеческая мудрость, она же нынешнее человеческое безумие, будет безумием в глазах людей будущего. Люди постепенно сроднились с этой противоположностью земли и рая, сводят райское к поистине человеко-божескому стремлению и не ведают, что безраздельное устремление к этому райскому бытию столь же пагубно для человека, как и устремление в противоположную сторону. Ибо если имеют о структуре космоса такое представление, которое лежит в основе "Потерянного рая" Мильтона, то тем самым освящают некую пагубную для человечества дьявольскую силу, когда к ней устремляются односторонне, некая божественно доброй силой, а также противопоставляя ей черта, понимаемого как то, что в человеческой природе противится добру. Но это совсем не истинная противоположность.

Протест против этого воззрения должна явить та скульптурная группа, которая будет установлена внутри нашего здания в восточном конце его. Эта высокая — в девять с половиной метров — деревянная скульптура\*\**Воспроизведена в "Строительной идее Гётеанума" (Лекция с диа-зитивами, Берн, 29 июня 1921 г.)* должна вместо люциферической противоположности между Богом и чертом явить то, чему надлежит лечь в основу сознания человечества в будущем — тройную противоположность между люциферическим, Христовым и ариманическим.

О тайне, которая лежит в основе всего этого, цивилизация нового времени имеет столь мало познания, что можно сказать следующее: исходя из известных оснований, о которых я, быть может, еще тут скажу, мы наименовали это здание Гётеанумом как возводимое на основе гётевой концепции искусства и науки. Но в то же время я должен тут прямо сказать следующее. В основе противоположности между силами добра и Мефистофелем, которую Гёте возвел в своем "Фаусте", лежит то же самое заблуждение, что и в основе "Потерянного рая" Мильтона: на одной стороне — силы добра, а на другой — пагубная сила Мефистофеля. В этом Мефистофеле Гёте пестро переплел, с одной стороны, люциферическое и, с другой стороны — ариманическое, так что в гётевой фигуре Мефистофеля для того, кто духовно проникает в эти вещи, смешаны вместе — неорганически смешаны — две духовные индивидуальности. Человек должен знать, что его истинное существо может быть выражено только посредством образа равновесия: как человек, с одной стороны, пытается, так сказать, рвануться выше головы, удариться в дикое фантазерство, впасть в ложную мистику; это одна духовная сила. Другая же духовная сила есть та, которая, так сказать, втягивает человека в материалистическое, прозаическое, сухое и т. д. Мы только тогда понимаем человека, когда постигаем его сообразно его существу, стремящемуся к удержанию равновесия между люциферическим и ариманическим, действующим, так сказать, на противоположных концах коромысла весов.

Человек должен непрестанно стремиться к сохранению положения равновесия между этими обеими силами — между той, которая хотела бы поднять человека над самим собой, и той силой, которая хотела бы увлечь его ниже самого себя. Новейшая светская культура путает дикое фантазерство люциферизма с божественным. В результате в том, что изображается как рай, на самом деле предстает образ люциферического царства и происходит ужасное смешение люциферического с божественным. Ибо люди не знают, что их задача в том, чтобы удержать равновесие между обоими супостатами, из которых каждый с силой тащит человека в свою сторону.

### Рисунок

Этот факт должен быть открыт людям в первую очередь. Если человек должен стремиться к тому, что называют Христовым (под чем ныне, впрочем, люди часто понимают страшные вещи), то ему надо уяснить себе, что стремление может осуществляться только при сохранении равновесия между люциферическим и ариманическим, что именно последние три-четыре столетия так сильно искоренили познание действительного существа человека, что люди совсем мало знают об

этом равновесии, а потому переименовывают люциферическое в божественное, как это сделано в "Потерянном рае" Мильтона; а супостата делают из ариманического таким образом, что это уже — совсем не Ариман, а какой-то модернизированный черт, или современная материя, или же еще что-нибудь подобное. Этот дуализм, который в действительности есть дуализм между Люцифером и Ариманом, как призрак, бродит в сознании нынешних людей в качестве противоположности между Богом и чертом. На самом же деле "Потерянный рай" Мильтона надо, собственно, понимать как изображение утраченного люциферического царства, которое лишь переименовано.

Столь решительное указание на дух новейшей цивилизации необходимо ныне для того, чтобы человечество уяснило себе, что оно вступило на путь, ведущий под откос (это есть историческая необходимость, но исторические неизбежные закономерности должны быть поняты), и, как было сказано, только посредством самых радикальных мер оно снова сможет начать подниматься. В наше время под описанием духовного мира часто мыслят себе изображение того, что является сверхчувственным, но не живет здесь, на нашей земле; и желают с помощью такого духовного воззрения убежать от того, что окружает людей здесь, на нашей земле. Не знают того, что когда таким образом бегут в некое отвлеченное духовное царство, то находят тогда как раз не духовное, а люциферическое царство. И многое из того, что ныне называют мистикой, что ныне называют теософией, есть не что иное, как поиск этого люциферического царства. Ибо простое знание о каком-то духовном не может быть ныне положено в основу современного стремления к духовному, ибо этому современному стремлению людей надлежит познать связь между духовными мирами и тем миром, в котором мы рождаемся, чтобы жить в нем во время между рождением и смертью.

Этот вопрос должен прежде всего затрагивать нас, когда мы направляем взор в духовные миры: почему мы, происходя из духовных миров, рождаемся в этом физическом мире? Так вот, мы рождаемся в этом физическом мире (то, чего я сейчас бегло касаюсь, я намерен завтра и послезавтра изложить подробнее), потому что здесь, на этой земле, можно испытать, пережить такие вещи, которые не могут быть пережиты в духовных мирах; а для того, чтобы иметь опыт в таких вещах, надо спуститься в этот физический мир и планы пережитого в нем унести с собой в высшие духовные миры. Но для того, чтобы этого достигнуть, надо погрузиться в этот физический мир познавая его своим духом. Ради духовного мира надо погрузиться в этот физический мир.

Для того, чтобы радикально высказать то, что я хочу сказать, возьмем в качестве примера нормального человека современности, который достаточно обеспечен, спит надлежащее число часов, завтракает, обедает и ужинает и т. д., но который имеет также духовные интересы — даже возвышенные духовные интересы; он становится, скажем, членом теософского общества потому, что имеет духовные интересы, и там изучает все возможное, чтобы узнать, что происходит в духовных мирах. Возьмем такого человека, мизинец которого, как говорится, знает все, что значится в той или иной теософской литературе современности, но который, тем не менее, живет, следуя всем общепринятым нормам жизни. Возьмем такого человека! Что означает все то его знание, какое он усвоил себе благодаря своим возвышенным духовным интересам? Оно означает нечто такое, что здесь, на этой земле, может доставить ему некоторое душевное наслаждение, действительно люциферическое наслаждение, хотя бы это наслаждение было утонченным, рафинированным. Но ничего отсюда не будет перенесено им через врата смерти — совсем ничего. Ибо среди людей бывает очень много таких, которые хотя и до тонкости знают, что такое астральное тело, что такое эфирное тело, но не имеют никакого понятия о том, что, собственно, происходит, когда горит свеча. Они не имеют понятия о том, благодаря каким чудесным изобретениям ездит по улице трамвай. Они, правда, ездят на трамвае, но ничего не знают об его устройстве. Но еще более того: они, правда, до тонкости знают, что такое астральное и эфирное тело, что такое перевоплощение, карма, но они не имеют никакого представления о том, что, например, сегодня говорится на пролетарских собраниях, какие там выдвинуты требования. Это их не интересует то, как выглядит эфирное тело, как выглядит астральное тело, но их не интересует, какими путями капитал сделался с начала XIX в., по существу, господствующей силой. Мало толку в знании об эфирном и об астральном теле, когда человек умер. Вот что надо сказать, исходя из

действительного познания духовного мира. Его познание имеет ценность только тогда, когда это духовное познание становится орудием для того, чтобы погрузиться в материальную жизнь и воспринять тогда в материальной жизни то, что не может быть воспринято в самих духовных мирах, но что должно быть внесено туда.

Ныне мы имеем естествознание, которое преподается в наших университетах на различных факультетах. Там производятся исследования, ставятся эксперименты и т. д. Там зарождается естествознание. Этим естествознанием мы питаем нашу технику; средствами этого естествознания мы ныне также уже лечим людей — словом, при его помощи делаем все возможное. Наряду с этим существуют вероисповедания. Но я спрошу имеет ли естествознание какое-нибудь отношение к содержанию, например, воскресных проповедей в церквях о Царстве Христовом и т. д.? В каком отношении находится естествознание и то, что там говорится? Чаше всего — ни в каком. Обе эти вещи лишь существуют рядом друг с другом. Одни люди верят, что им дано говорить о Боге и Святом Духе, вообще обо всем возможном. И когда они говорят, что ощущают эти вещи, то все равно они говорят об этом в абстрактных понятиях, излагают абстрактные воззрения. Другие же говорят о божественном мире природы. Не наводят никаких мостов! Затем, в новейшее время, возникают всякие теософские воззрения, мистические воззрения. Да, эти мистические воззрения гласят обо всяких наджизненных далях, потому что не обладают силой вступить в человеческую жизнь. Такие духовные силы, о которых ныне часто держат речь, никогда не могли бы привести к сотворению мира, ибо мысли, которые мы о них развиваем, никак не в состоянии пробиться в то, что есть наше знание о мире природы или наше знание о социальной жизни людей.

Хочу без ложной скромности пояснить на одном примере, что, собственно, я подразумеваю. В одной из моих последних книг — "О душевных загадках" — я указал на то, о чем уже прежде часто упоминал в своих лекциях, а именно, на одну бессмыслицу, которую излагает нынешняя физиология, а значит естествознание. Эта бессмыслица заключается в учении о наличии у человека нервов двойного рода — Моторных нервов, которые лежат в основе воли, и чувствительных нервов, которые лежат в основе восприятия, ощущений. После изобретения телеграфа стали употреблять подобные образы. Итак, от глаза идет нерв к центральному органу, от этого центрального органа опять идет нерв к какому-либо члену человеческого тела. Вот мы увидели что-то и привели в движение, скажем, руку — это, мол, значит, что от глаза это передается, как по телеграфному проводу, центральному органу, который тогда приводит в действие двигательный нерв, и нужное движение осуществляется.

Этой бессмыслице учит естествознание. Оно осуждено на это потому, что развивает абстрактные воззрения обо всем возможном, но только не может развить таких мыслей, которые могли бы результативно проникать в механику природы. Не хватает силы, присущей духовным воззрениям, чтобы развивать природо-познание. В действительности нет разницы между моторными и чувствительными нервами, но то, что называют волевыми нервами, суть также чувствительные нервы, которые служат для того, чтобы воспринять наши собственные члены, когда они должны произвести те или иные действия. Школьный пример с сухоткой спинного мозга доказывает прямо противоположное тому, что хотят им доказать. Я не хочу дальше вдаваться в это, так как у вас нет требующихся физиологических познаний. Но во всяком случае, я очень охотно как-нибудь поговорил бы об этом в кругу лиц с физиологическим, биологическим образованием\*См. лекцию в Дорнахе 2 января 1924 г. в "Физиологико-терапевтическом на основе духовной науки", ПСС, т. 314. . Здесь же я лишь хочу обратить ваше внимание на то, что мы имеем, с одной стороны, естествознание, а с другой — речи и проповеди о духовном мире, которые, однако, бессильны проникнуть в те сколько-нибудь реальные миры, которые предстают перед нами в царствах природы. Но мы нуждаемся в этом. Мы нуждаемся в познании духовного, но это познание должно быть настолько сильным, чтобы оно могло одновременно стать и естествознанием. Этому познанию мы достигнем только тогда, когда обратим особое внимание на волю — вот на что я хотел указать вам здесь сегодня. Если бы мы хотели основать какое-то сектантское движение, которое имело бы всего лишь некую догматику о духовном и божественном, и оно нуждалось бы в здании, то мы дали бы возможность возвести для этого здание все равно какого вида. Но мы этого не захотели. Уже в этом внешнем деянии мы хотим дать понять, что хотим погрузиться в жизнь, а потому мы должны были строить и это здание, полностью исходя из воли

самой духовной науки. И в будущем люди смогут из частных этого здания усмотреть, как тут поставлены на здоровую почву те поистине важные принципы, которые под влиянием упомянутого дуализма ныне видятся в самом обманчивом свете. Я хотел бы сегодня обратить ваше внимание только еще на одно.

### Рисунок

Посмотрите на следующие друг за другом колонны, воздвигнутые числом по семь с каждой стороны нашего главного зала (рисунок 24): вверху каждой из них капитель, а внизу база. Они не одинаковые, ибо каждая следующая колонна развивается из предыдущей. Если вы с энергией погружаетесь во впечатление от первой капители и ее форм, а затем даете ожить самой идее метаморфозы как органического процесса и теперь действительно обретаете настоящую исполненную жизненности мысль, что эта мысль не является абстрактной, но может следовать процессу роста, тогда вы сможете узреть, как вторая капитель развивается из первой, четвертая из третьей и т. д. — вплоть до седьмой. Нами предпринята попытка в живой метаморфозе реализовать каждую капитель, каждую часть архитрава из предыдущей, воспроизводя то творчество, которое как духовное творчество живет в самой природе, когда она дает возникнуть одному ее образованию из другого. У меня чувство, что никакая из этих капителей не могла бы быть иной, чем она теперь есть.

Однако при этом обнаруживается нечто весьма примечательное. Когда ныне люди говорят об эволюции, то они часто говорят следующее: развитие, эволюция, сначала некое совершенное, затем немного более совершенное, более дифференцированное, и т. д., т. е. более совершенные вещи становятся все более сложными. Этого я не мог сделать, когда, следуя процессу метаморфозы, дал возникнуть друг за другом семи капителям, ибо когда я пришел к четвертой, то она получилась у меня самой сложной по своей форме из всех семи. Это значит, что когда я не стал проследивать только в мыслях некие абстрактные вещи, как это имеет место у Геккеля или Дарвина, но смог творить формы этих капителей таким образом, что каждая следующая возникает из предыдущей (так, как в самой природе форма за формой возникают из их жизненных сил), тогда я был вынужден сделать пятую форму, хотя и изощреннее в ее огранке, чем четвертая, но, тем не менее, не сложнее, а проще в целом. А шестую — опять-таки проще, седьмую — еще проще. И так мне обнаружилось, что эволюция совершается не путем поступательного движения ко все более и более дифференцированному (рисунок 25), но что эволюция восходит к некоей вершине, а затем происходит спад ко все более и более простому.

### Рисунок

Это просто получилось в ходе самой работы. И я мог увидеть, что принцип эволюции, явленный в процессе художественного творчества, есть тот же самый, как и в эволюции природы.

Ибо рассмотрите человеческий глаз: он ведь, несомненно, совершеннее, чем глаза многих животных; однако глаза у некоторых животных сложнее по своему устройству, чем человеческий глаз. У них есть, например, внутри глаза кровеносный мечевидный отросток, веер, которого у человека там нет, ибо у человека он успел уже ликвидироваться. Человеческий глаз успел стать снова более простым по сравнению с формами глаз у некоторых животных. Итак, если мы прослеживаем развитие глаза, то находим: он был сначала примитивным; затем он становился все сложнее и сложнее, но потом снова упрощается; и оказывается, что самое совершенное вовсе не есть самое сложное, но оно есть снова нечто более простое, чем стоящее посредине.

И сам вынуждаешься делать все это так, чтобы художественно выразить то самое, что велит внутренняя необходимость. Здесь у нас не было стремления предпринимать какие-то изыскания, но было стремление к установлению связи с самими жизненными силами. И в нашем здании мы стремились так компоновать его формы, чтобы в их образах заключались те самые силы, которые, как дух природы, лежат в основе природного мира. Это — поиск того духа, который фактически есть творящий дух и живет внутри творимого мира, а не только проповедует. Это и есть самое существенное. Это есть также причина того, почему многое здесь кажется отталкивающим для тех людей, которые хотели бы также и нашему зданию дать убранство из всевозможных символов и т. п. Ни одного символа нет в нашем

здании, но в нем все суть формы, которые следуют творчеству самого духа в мире природы.

Тем самым положено начало некоему волеустремлению, какое должно найти себе продолжение. И желательно, чтобы была понята именно эта точка зрения, чтобы было понятно, как в действительности надо искать первоисточники человеческих замыслов, человеческого творчества, какие во всех областях необходимы для человечества нового времени. Мы живем ныне ведь среди всевозможных требований, предъявляемых людьми. Но все это — частные требования, они вырастают из различных жизненных сфер. А мы нуждаемся в том, чтобы свести их воедино. Однако это не может возникнуть от чего-либо такого, что находится лишь в сфере внешнего, видимого существования, так как в основе всего видимого лежит невидимое и именно оно должно быть ныне постигнуто. Я хотел бы сказать: необходимо очень прислушиваться к тем событиям, которые ныне происходят, и тогда мы найдем, что вовсе не абсурдной является та мысль, что все старое рушится. Но тогда должно быть нечто такое, что может вступить на место старого. Впрочем, для того, чтобы свыкнуться с этой идеей, нужно обладать некоторым мужеством, какое не почерпнешь во внешней жизни, а может быть обретено человеком лишь внутренне.

Это мужество я не хотел бы определять в понятиях; мне хочется охарактеризовать его. Сонные души нынешнего времени, наверное, были бы приведены в восхищение, если бы здесь или там появился бы кто-то, кто мог бы писать картины так, как их писали Рафаэль или Леонардо. Это понятно. Однако ныне мы должны иметь мужество сказать: только тот вправе восхищаться произведениями Рафаэля или Леонардо, кто знает, что сегодня так творить, как творили Рафаэль и Леонардо невозможно и не нужно. Наконец, пожалуй, можно бы сделать это нагляднее и сказать весьма по-филистерски так: лишь тот ныне по праву ценит духовное значение теоремы Пифагора, кто не думает, что эта пифагорова теорема должна была быть открыта только теперь. Каждая вещь имеет свое время возникновения, и исходя из того или иного конкретного времени надо уметь понимать вещи.

Сегодня фактически нужно гораздо больше, чем то, что делают многие люди, примыкая к тому или иному духовному движению; сегодня нужно познание того, что мы поставлены перед задачей обновления существующей стадии развития человечества. Это дешевая фраза, что наше время есть, мол, переходное время. Каждое время является переходным, дело в том, чтобы знать, что переходит. Об этой тривиальной фразе я могу и не говорить, но о другом я хотел бы сказать. Все снова и снова говорят о том, что природа и жизнь, мол, не делают никаких скачков. Почитают себя очень мудрыми, когда высказывают это положение: развитие протекает поступательно, без каких-либо скачков! — Так вот, природа непрестанно производит скачки (см. рисунок 26). Она ступень за ступенью преобразует зеленый лист в другого рода лист — в чашелистик, в красочный лепесток цветка, в тычинку, в пестик.

### Рисунок

Природа непрестанно делает скачки, образуя ту или иную конкретную форму; а жизнь в более широком смысле непрестанно совершает перевороты. Мы видим, как в жизни человека со сменой зубов для него наступают совсем новые отношения и возможности в жизни; то же происходит снова с наступлением половой зрелости. И если бы у нынешних людей дар наблюдательности не был бы столь огрубевшим, то они смогли бы заметить наступление третьей эпохи в жизни человека после достижения им двадцатилетнего возраста, и т. д. по ходу его жизни.

Однако сама история также есть некий организм, и у нее имеются подобные скачки. На них не обращают внимания. Люди ныне вовсе не сознают того, какой значительный скачок произошел при переходе XIV в. в XV или, собственно, в середине XV в. Но то самое, что тогда вошло в историческое развитие человечества, стремится осуществить себя в середине нашего XX в. И поистине это вовсе не бред, но нечто такое, что можно поставить на место самых строгих истин, когда говорят о том, что те события, которые так волнуют человечество и которые так накопились в последнее время, устремлены к чему-то, что можно реально постичь как подготовка и прорыв в человеческой эволюции в середине этого столетия. В такие вещи должен вникать тот, кто не выдвигает по своему произволу какие-либо

идеалы для развития человечества, но кто хочет, действуя совместно с творящими мировыми силами, обрести духовную науку, чтобы она затем могла войти в жизнь.

## ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

*Дорнах, 13 декабря 1919 г.*

Вчера я говорил вам о связи антропософски ориентированной духовной науки с формами нашего здания. Я в особенности хотел указать на то, что связь этого здания с нашей духовной наукой не является внешней, но что тот дух, который присутствует и правит в нашей духовной науке, некоторым образом излился в эти формы. И особенную ценность надо полагать в том, что в известном смысле можно утверждать следующее: действительное, правильное понимание этих форм означает внутреннее ознакомление с тем духом, который присутствует в нашем движении. Сегодня я хотел бы еще углубиться в то, что касается нашего здания, а затем в связи с этим сообщить вам сегодня же или завтра некоторые важные вещи из антропософии.

Продумывая наше здание, вы видите, что его план состоит из двух кругов, входящих друг в друга — большего и меньшего. Схематически это можно начертить так (рис. 27). Все здание ориентировано в направлении с востока на запад (начерчена линия восток — запад). Эта линия, идущая с востока на запад, есть единственная ось симметрии, так что все симметричное в здании ориентировано на эту ось.

В остальном же мы не имеем тут дела с простым механическим повторением форм, какое мы находим в прочей архитектуре (например, не встречаемся с одинаковыми капителями и т. п.), но мы имеем тут дело, как я уже вчера показал, с некоей эволюцией форм — с происхождением более поздних форм из более ранних.

В большом зале вы находите по семь колонн слева и справа (намечаются колонны), они отделяют круговой ход у стен зала. Вчера я уже упомянул о том, что эти дважды семь колонн имеют капители и базы, а также соответствующие им архитравы, которые развивают свои формы в процессе поступательной эволюции.

### Рисунок

Если вы поймете этот план, тогда вы в этих входящих друг в друга кругах просто имеете нечто такое (но вы должны постичь это непосредственным ощущением), что указывает на ход развития человечества. Вчера я уже сказал о том, что приблизительно в середине XV в. обозначается преисполненный значения перелом в развитии человечества. То, что мы по-школьному называем "историей", является ведь лишь басней, ибо она перечисляет внешние факты таким образом, что при этом вызывается видимость того, как если бы уже в VIII, IX вв. с человеком уже по существу дело обстояло так, как стало обстоять в XVIII или XIX вв. Впрочем более новые историки, например, Карл Лампрехт\**Карл Лампрехт(1856—1915) - немецкий историк "Современная историческая наука", Берлин, 1909г.,* уже пришли к тому, что эта трактовка истории — бессмыслица и в действительности душевный склад и душевный строй людей был совсем иным до упомянутого времени по сравнению с позднейшим. И мы в нашей современности находимся внутри такого процесса развития, который сможем понять только тогда, если осознаем следующее: мы совершаем развитие навстречу будущему, приобретая освоенные душевные способности, а те душевные способности, которые развились к XV в. и затем проявились, — они в наше время, так сказать, еще бродят, подобно привидениям, в человеческих душах, но они уже гаснут и принадлежат к тому, что приходит в упадок и чему суждено выпасть из дальнейшей эволюции человечества. Надо рабывать осознание этого важного поворота, происходящего в развитии человечества, если хочешь стать способным сказать что-либо верное о ситуации человечества в настоящее время и в ближайшем будущем.

Такого рода вещи особенно заметно выступают там, где люди хотят весомо указать на то, что они чувствуют, что они ощущают. Тут нам нужно только вспомнить из развития архитектуры то, о чем я уже говорил здесь прежде и на что я хочу указать сегодня снова, чтобы привести пример того, как совершается поступательное развитие человечества.

Взгляните на формы греческого храма. Их можно понять только тогда, когда уяснишь себе, что весь архитектурный замысел греческого храма ориентирован на то, чтобы сделать храм обителью того бога или богини, чья статуя находилась

внутри храма. Все формы греческого храма были бы нелепыми, если их не трактовать таким образом, что они суть облачение, обитель бога или богини, который или которая присутствует внутри храма.

Если мы переходим от форм греческого храма к дальнейшим опять-таки знаменательным формам здания, то мы приходим к готическому собору. Кто входит в готический собор и испытывает чувство, что он, мол, имеет в этом готическом соборе нечто завершенное само в себе, тот столь же мало понимает формы готической постройки, как и тот, кто рассматривает формы греческого храма, упуская из виду статую божества внутри него. Греческий храм без статуи божества (нам надо мыслить ее находящейся внутри храма, чтобы понять его формы), есть невозможность для воспримчивого понимания. А готический собор (пустой, без прихожан в нем) — также есть невозможность для человека, который в какой-то мере обладает ощущением реальности. Готический собор завершен только тогда, когда внутри него находится община прихожан, когда он наполнен людьми, собственно, только тогда, когда он наполнен людьми и к людям обращены речи, так что Дух Святой осеняет общину и правит в сердцах членов общины. Тогда готический собор завершен. Его формы непонятны без общины людей, которой принадлежит собор.

Что же за эволюцию мы, собственно, имеем перед собой в этом переходе от греческого храма к готическому собору? Другие строения в сущности, только промежуточные формы, что бы ни говорили заблуждения историков. Что же за эволюцию мы имеем тут перед собой? Если мы бросим взгляд на греческую культуру (на этот расцвет четвертой послееатлантической эпохи), то мы должны сказать следующее: в греческом сознании еще жило нечто от пребывания божественно-духовных сил среди людей, и это побуждало строить храмы как дома для обитания их богов, которых они могли представлять себе только в зримых образах. Греческий храм был домом бога или богини, о которых имели сознание, что они вращаются среди людей. Без этого сознания присутствия божественно-духовных сил нельзя понять роли греческого храма внутри греческой культуры.

Перейдем теперь дальше от расцвета греческой культуры к постепенному прекращению ее существования в конце четвертой послееатлантической эпохи, т. е. перейдем к временам VIII — IX вв. христианского летоисчисления и таким образом приблизимся к готической архитектуре, взывающей к соборности. Все сообразно чувствам людей тех времен. В это время люди, естественно, были другими в своем душевном строе, чем во время высшего расцвета греческого мышления. Сознания непосредственного присутствия божественно-духовных сил уже не было — эти божественно-духовные силы были удалены в потусторонний мир; земной же мир всячески оплакивался как отпавший от божественно-духовных сил. На все материальное смотрели как на нечто такое, чего надо избегать, от чего надо отвращать взор и, наоборот, устремлять его к духовным силам. И отдельный человек искал совместно с другими в составе общины — можно сказать, взыскав группового духа человечества — царствия духа, которое тогда уже обрело характер чего-то абстрактного. Поэтому также и формы готики производят несколько абстрактно-математическое впечатление по сравнению с более проникновенными формами греческой архитектуры, которые имеют в себе нечто от домашней обстановки бога или богини. В готических формах все устремлено ввысь — все указывает на то, что то, чего жаждет душа, надо искать в духовных далях. Для грека его бог или богиня были тут, в здешнем мире. Своим душевным слухом он внимал их речениям. Во времена же готики ищущая душа могла только в формах, стремящихся ввысь, предощутить божественное.

Так человечество в отношении его душевного строя стало тоскующим, строило из тоски, строило из алкания, верило в своем алкании сделаться счастливее через объединение людей в церковную общину, но все больше и больше убеждалось, что то самое, что тогда почиталось как божественно-духовное, не есть нечто такое, что непосредственно правит среди людей, но что оно сокрылось в тайных глубинах бытия. Если то, чего взыскали, чего алкали всей душой, хотели как-то выразить, то это тогда могли выразить только тем, что связывали это с сокровенным. Выражением всего этого душевного строя людей той эпохи является церковь или собор, и мы можем также сказать, что в своей истинной, типической форме это есть готический собор. Но если бы мы захотели ввести в наше духовное поле зрения то, чего так страстно жаждали как сокровеннейшей тайны, тогда надо

именно для эпохи, когда от земного стремились возвыситься в надземное, от собственно готики перейти к чему-то другому, о чем можно сказать, что оно объединило не церковную общину на физическом плане, но давало направление к единому центру всему взаимоустремленному духу человечества или взаимоустремленным духам душ человечества, — к единому кровенному центру.

Если вы представите себе целостную совокупность человеческих душ, как они совместно стремятся от земли по всем небесным направлениям, тогда вы будете иметь человечество этой земли словно в великом соборе, который следует мыслить не как готический, хотя по своему смыслу он подобен готическому собору. Такие вещи связывались в Средние века с Библией. Если представить себе, что семьдесят два ученика Христа (тут не следует мыслить об исторической, развертывающейся на физическом плане, но о духовном, которое в те времена полностью пронизывало явления, происходившие в физическом мире) — как о том мыслили сообразно духу эпохи — что семьдесят два ученика Христа отправились по всем небесным направлениям распространять и насаждать в душах тот дух, который должен был влиться в Мистерию Христа, тогда вы имеете во всем том, что снова притекает от тех людей, в души которых апостолы внесли Христов Дух, в тех лучах, которые приходят от всех этих душ из всех небесных направлений, — вы имеете то, о чем человек раннего средневековья мыслил самым всеобъемлющим образом, во всемирном смысле как об устремлении к сокровенному. Мне, пожалуй, можно обозначить вот на этой схеме не все семьдесят два, ограничившись двенадцатью, но вы должны мыслить, как если бы тут было семьдесят два столпа (рисунок). Итак, от этих семидесяти двух столпов приходят лучи, которые от всего человечества стремятся к тайне Христа. Окружим все это в целом так или иначе архитектурно обработанной стеной (готической она тогда быть не могла; я ведь уже говорил вам о том, почему не остались при строго готическом стиле), которая эскизно является кругом, и представьте себе тут внутри семьдесят два столпа, тогда вы имели бы собор, который, в известном смысле, охватывает все человечество. Представьте себе также, что такой собор ориентирован в направлении с востока на запад, и вы, естественно, ощутите, что у него совсем другой план, чем у нашего здания, которое состоит из двух входящих друг в друга, а потому неполных кругов. Ощущение от плана такого собора должно быть совсем иным, и я попытался бегло описать вам это ощущение. Тогда надо понять, что главные направления, по которым ориентировано такое здание, имеют крестовидную форму, что главные входы в здание расположены сообразно крестовидной форме.

Так мыслил бы себе средневековый человек свой идеальный собор. На северной, южной и западной стороне были бы устроены входы — всего числом три (рисунок 28); на востоке находился бы главный алтарь и у каждого столба были бы устроены побочные алтари. Но в средокрестии — там, где пересекаются ветви креста, — должен был бы стоять храм храма, собор собора: там должна была бы быть концентрация всего в целом — повторение в миниатюре того, что есть во всем целом. На нашем современном, ставшем абстрактным, языке мы можем, пожалуй, сказать так: здесь должна была стоять дарохранительница, т. е. "дмик" для святых даров, сделанный в форме самого собора в целом.

### Рисунок

Представьте себе то, что я тут нарисовал вам, исполненным в некоем архитектурном стиле, который только приближается к собственно готике и еще включает в себя всевозможные романские формы, но который полностью ориентируется на то, что я тут вам обрисовал, и тогда оказывается, что я тем самым дал вам эскиз храма Грааля, как его представлял себе средневековый человек, — эскиз того храма Грааля, который в известном смысле был идеалом архитектурного сооружения в то время, когда близился конец четвертой послееатлантической эпохи, некий собор, в котором сливались исполненные тоски и надежды чаяния обратившегося ко Христу человечества, подобно тому, как в том или ином конкретном соборе сливались чаяния членов той или иной христианской общины, и подобно тому, как чувствовали себя связанными друг с другом в греческом храме, хотя они и не бывали внутри него (ибо греческий храм требовал, чтобы внутри него было присутствие бога или богини, но никак не людей), греки, населявшие определенную территорию и душевно связанные между собой благодаря их храму с их богом или богиней. Кто хочет говорить в соответствии с

фактами, тот может сказать следующее: Когда грек говорил о своем отношении к храму, то он выражался, примерно, таким образом: когда он говорил о каком-либо человеке, живущем на земле, например, о Перикле\*\* *Перикл (около 500-429 до Р.Х.) афинский государственный деятель.*, то его выражение "Сам Перикл живет в этом доме!" не означало, что человек, которому принадлежат эти слова, имеет какое-нибудь отношение, вроде отношения собственности, к упомянутому дому, но он ощущает при этом, каким образом он связан с самим Периклом, когда он говорит: Перикл живет в этом доме! В точности с тем же самым нюансом ощущения высказывал грек свое отношение к тому, что можно было воспринять в греческом архитектурном стиле, говоря — "Афина живет в этом доме, это есть жилище богини Афины", или — "Аполлон живет в этом доме".

Этого не могла сказать средневековая христианская община, располагавшая собором. Ибо последний не был домом, в котором обитало божественно-духовное существо; собор был зданием, которое в каждой своей форме выражало то, что оно есть такое место собраний людей, где их души настроены в устремлении к сокровенно-божественному. Поэтому я мог бы сказать, что посередине этого идеального храма конца четвертой послеатлантической эпохи находился "храм храма", "собор собора". И об этом в целом можно было сказать: "Если вы войдете сюда, тогда вы сможете, находясь внутри собора, подняться к тайнам вечно-живой!" В собор надо было войти. О греческом же храме достаточно было сказать: вот это — дом Аполлона, вот это - дом Паллады. - А посреди того идеального собора — там, где перекрещиваются ветви креста, — было его средоточие, которое хранило в себе Святой Грааль, который там сберегался.

Видите ли, таким образом можно проследить, какой душевный строй характеризует ту или иную историческую эпоху, без чего не научиться пониманию того, что, собственно, совершается в ходе истории. И без такого способа наблюдения не понять прежде всего того, какие душевные способности вновь подступают в нашей современности.

Итак, греческий храм заключал в себе бога или богиню, о которых греки знали, что эти существа присутствуют среди людей. А средневековый человек этого не чувствовал; он ощущал земной мир как богооставленный, обезбоженный. Он жаждал найти путь к богам или к Богу.

Ныне же мы стоим у самых истоков того, что началось всего несколько столетий тому назад, со времени великого переворота, происшедшего в середине XV столетия. Подавляющее большинство людей едва ли замечает то новое, что подступает; однако оно подступает, и другими становятся души людей. И то, что должно заново вливаться в архитектурные формы, в которых воплощается дух эпохи, также должно опять стать иным. Эти вещи, конечно, нельзя и мыслить при помощи рассудка, при помощи интеллекта; этих вещей можно достигнуть лишь путем непосредственного ощущения, чувствования, художественного узрения. И тот, кто хочет свести их к абстрактным понятиям, собственно, не понимает их. Однако возможно указать на эти вещи, характеризуя их с самых различных сторон. И, таким образом, можно сказать следующее. Грек более или менее воспринимал своим чувствованием бога или богиню как живущих рядом с ним, как своих современников. Средневековый же человек располагал собором, который не служил местом обитания Бога, но который должен был, в изведенном смысле, быть вратами вступления на путь, ведущий к божественному. Люди собирались в соборе и, исходя неким образом из групповой души человечества, искали этот путь. Для всего средневекового человечества характерно наличие чего-то, что можно понять из групповой душевности. Сдельный, индивидуальный человек не слишком принимался в расчет до середины XV столетия. А с этого времени самым важным в человеке становится стремление быть индивидуальностью — стремление собрать воедино индивидуальные способности человеческой личности, найти средоточие в ней самой.

Не понимают того, что зарождается в самых различных социальных требованиях нашего времени, если не могут распознать этого действия индивидуального духа в каждом отдельном человеке, этого желания каждого отдельного человека стоять на почве своего собственного существа.

Но вследствие этого нечто становится особенно важным для людей в течение всего того времени, которое началось в середине XV столетия и закончится только в четвертом тысячелетии. Тут выступает нечто такое, что имеет особую важность

для всего этого времени. Видите ли, вы **о**казывают нечто неопределенное, когда говорят: каждый **ч**еловек стремится поступать сообразно своей особенной индивидуальности. Групповой дух, даже когда он охватывает лишь небольшую группу людей, есть нечто гораздо более осязаемое по сравнению с тем, чего может достигнуть какой-либо человек в отдельности, исходя из первоисточка своей индивидуальности. Поэтому для человека нового времени, наступившего с середины XV в., становится особенно важным понять то, что можно назвать поиском равновесия между противоположностями.

Один полюс есть то, что заносит человека, так сказать, выше его головы, что делает его мечтателем, фантазером, сумасбродом, что наполняет его неопределенными мистическими порывами в какие-то дали, — что преисполняет человека, когда он является пантеистом, или теистом, или еще чем-либо подобным, сегодня столь же часто встречающемся. Другой полюс — есть трезвость, сухость и, выражаясь тривиально (но не значит неверно в отношении духа современности, весьма не неверно) полюс филистерства, полюс мещанства, полюс, который тянет нас к земному, в материализм. Эти Два полюса противоположных сил имеются в человеке, и существо человека стоит между ними, если оно ищет равновесия. Каким же способом можно обрести это равновесие? Об этом можно составить себе представление, прибегнув к образу весов (рисунок 29). Итак, какими способами можно обрести равновесие между двумя тянущими в противоположных направлениях силовыми полюсами?

Не правда ли, если на одной чашке весов есть один килограмм и на другой чашке весов также один килограмм, тогда устанавливается равновесие; то же самое имеет место, когда и на одной и на другой чашке весов находится, скажем, по 50 граммов или по 50 килограммов, или же по 1000 килограммов — равновесие все равно достигается.

#### Рисунок

Значит, бесконечно многими способами можете вы обрести равновесие. Это отвечает бесконечно многим способам быть индивидуальным человеком. Поэтому для современного человека столь важно усмотреть, что его существо находится в устремлении к равновесию между полюсами противоположных сил. И ненормированность возможностей обрести равновесие и есть как раз та, о которой я только что упомянул.

Поэтому человек современности только тогда справляется со своими исканиями, когда он в своих исканиях придерживается стремления к означенному равновесию.

Как важно было для грека чувствовать, что в той общине людей, к которой он принадлежал, правит Паллада, правит Аполлон, вот это есть дом Паллады, а это — дом Аполлона; как важно было для средневекового человека знать, что существует некое место собраний, которое нечто хранит в себе (будь-то мощи какого-либо святого, будь-то сам Святой Грааль), — существует некое место собраний, где, собравшись вместе, ищущие души могут устремляться к тайному — столь же важно для современного человека развить в себе ощущение того, чем же, собственно, он является как индивидуальный человек, а именно, что он есть искатель равновесия между двумя противоположными,

двумя полярными силами. Психологически это можно выразить, сказав так: на одной стороне правит то, благодаря чему человек хочет некоторым образом вознестись выше своей головы, хочет развивать мечтательность, фантазерство, жажду наслаждений, ничуть не заботясь о реальных условиях существования. Так можно обозначить одну душевную крайность; другая же душевная крайность тянет человека к земному, рассудочному, ко всему трезвому, сухому и т. д. А физиологически это можно выразить, сказав так: один полюс есть все то, что горячит кровь, и горячит ее настолько сильно, что вызывает лихорадку. Физиологически выражаясь, этот полюс есть все то, что связано с силами крови, а другой полюс — есть все то, что связано с процессами окостенения, отложения камней, происходящими в человеке, и что в своем крайнем проявлении доходит до склероза в его самых различных формах. И вот между склерозом и лихорадкой, как двумя крайними полюсами, должен человек также и физиологически уметь сохранять свое равновесие. Жизнь в сущности состоит в обретении равновесия между трезвым, сухим, филистерским и мечтательно-фантазерским. Душевно мы здоровы тогда,

когда находим равновесие между мечтательно-фантазерским и трезво-филистерским. Телесно мы здоровы тогда, когда умеем жить в равновесии между лихорадкой и склерозом, окостенением. И это может происходить бесконечно многими способами, которыми может изживать себя индивидуальность.

Это есть то самое, в чем как раз человек современности Должен заново прочувствовать древнее изречение Аполлона: "Познай самого себя", но не в абстрактной формулировке "Познай самого себя", а — "Познай себя в стремлении к равновесию". Поэтому в восточной части нашего здания мы хотим поставить пластическую группу из дерева, которая Дает человеку ощутить это стремление к равновесию. В этой скульптуре центральной будет фигура Христа — фигура Христа, которой мы пытаемся придать образ, могущий выразить представление о том, каким был Христос, когда в теле Иисуса из Назарета странствовал по Палестине в начале нашего летоисчисления. Расхожие традиционные образы бородатого Христа — они, ведь, были созданы в V, VI столетии и они поистине ни в какой мере не имеют, так сказать, портретного сходства. А здесь нами предпринята попытка создать портретно-достоверный образ Христа, который, вместе с тем, должен быть представителем людей, стремящихся достигнуть равновесия (рисунок 30).

### Рисунок

Затем в составе этой скульптурной группы вы видите наверху фигуры возносящегося Люцифера и низвергающегося Люцифера, а внизу — в некоторой связи с Люцифером — ариманическую фигуру и еще вторую ариманическую фигуру. Представитель человечества поставлен между ариманической фигурой, т. е. филистерским, трезвым, сухо-материалистическим, и люциферической фигурой, т. е. мечтательным, фантазерским. Фигура Аримана — все то, что ведет человека к окаменению и склерозу; фигура Люцифера представляет собой горячку, которую не выдерживает здоровье человека.

Итак, приходят — после того, как известным образом в центре всего был готический собор, который не содержал подобной скульптуры, а либо мощи святого или же Святой Грааль, т. е. нечто, непосредственно не связанное с прихотливым, — можно сказать, возвращаются к тому, что здание нечто содержит, но на этот раз содержит человеческое существо в его устремленности к равновесию.

Если судьбе будет угодно, чтобы это здание было завещено, тогда тот человек, который будет сидеть в его зале, будет видеть перед собой то, что близко его касается, а именно то существо, которое придает смысл эволюции Земли, — существо Христа. Но это должно ощущаться чисто художественно. Не гонится, мудрствуя, мыслить о Христе интеллектуально, но надо это непосредственно ощутить. Вся эта скульптурная группа задумана чисто художественно, и то, что находит свое художественное выражение в ее формах, — это и есть самое важное. Это должно восприниматься совершенно непосредственным ощущением при исключении, можно сказать, интеллектуального подхода, ибо интеллектуальное должно тут служить только проводником к ощущению; и тогда для человека, находящегося в зале нашего здания, будет естественным переживанием при взгляде на восток сказать: "Это — Ты"; и теперь это не будет всего лишь отвлеченным определением человека, который может бесконечно многими способами добиваться равновесия. Наше здание не включает в своих стенах изображения божества, ибо и для христиан ведь имеет значение заповедь, что они не должны делать себе никакого изображения божества; но оно включает в своих стенах то, что, происходя из групповой Души людей, формируется в индивидуальную сущностную силу каждого отдельного человека. Деяние, активность и индивидуального импульса и учтено в этих формах.

Если то, что я теперь сказал, вы не сделаете предметом рассудочного размышления, столь излюбленного ныне, но пронизаете это чувствованием и помыслите, что тут предпринята, по крайней мере, попытка прежде всего дать этому излиться в художественных формах, тогда вы имеете тот основной принцип, который должен найти свое выражение в нашем здании Гётеанума. Но тогда вы знаете также тот род и способ, каким связано с внутренним духом эволюции человечества то, что хочет быть антропософски ориентированной духовной наукой. В нынешнее время не сумеет прийти к этой антропософски ориентированной духовной науке, если не искать пути к ней, исходя из великих требований новейшего времени, предъявляемых к современному человечеству и к человечеству

ближайшего будущего. Мы должны учиться действительно по-другому говорить о том, что именно должны принести люди навстречу этому будущему.

В наше время существуют всяческие гордящиеся собой тайные общества; однако они в большей или меньшей мере суть не что иное, как всего лишь носители того, что еще вторгается в современность из времени, предшествовавшего великому перевороту, происшедшему в XV в. Это ведь чуждое выражается очень внешним образом. И мы сами ведь могли часто испытать, как в наши ряды проникает такое стремление. Как часто, когда хотят придать особенное значение так называемому оккультизму, все опять и опять указывают на то, как стара та или иная вещь. Например, как-то среди нас был человек, который хотел чуточку походить на розенкрейцера и который вообще, когда он что-нибудь говорил (и что почти всегда оказывалось лишь его собственным, личным тривиальным мнением), никогда не упускал случая сказать: так говорили "старые" розенкрейцеры. И он никогда не обходился без слова "старые". И если мы окинем взором всяческие ныне существующие тайные общества, то мы повсюду заметим, что ценность тех вещей, которые там имеют место, усматривается в том, что указывают на их возможно древнее происхождение. Некоторые из них возводятся к розенкрейцерству (разумеется, трактуемому на свой лад), а некоторые — еще дальше, вглубь веков, в особенности к древнему Египту. И если бы кто-нибудь ныне предъявил обноски египетской храмовой мудрости, то большая часть людей бросилась бы к нему при одном упоминании об этом.

Большинство наших друзей знает, что мы постоянно погоряем и акцентируем: с этим устремлением к старому антропософски ориентированное духовное движение не имеет ничего общего. Оно стремится к тому, что теперь непосредственно открывается из духовного мира. Поэтому оно должно обо многом говорить иначе, чем говорят также и в тех тайных обществах, зиждящихся на антикварном, и которые все же следует принимать всерьез, так как они еще до сегодняшнего дня играют большую роль в событиях, происходящих с человечеством. Когда вам случается услышать речи таких людей (они ведь сегодня по их собственной воле иногда отверзают уста), которые посвящены в некоторые тайны современных тайных обществ, то вы увидите, что они говорят преимущественно, о следующих трех вещах. Во-первых, о том переживании, какое получает человек, действительно ищущий вступления в духовный мир, когда он переступает порог духовного мира; это переживание состоит в том, что, как только он переступает порог духовного мира, он тогда не может избежать встречи с теми силами, которые являются действительными врагами человечества, которые суть истинные, реальные сущностные враги человека, физически живущего здесь, на земле, — такого, каким этого физического человека задумали божественные власти. Такие люди знают: то самое, что сокрыто от обыкновенного человеческого сознания, пронизано теми силами, которые с определенным правом можно назвать сущностными причинами болезней и смерти, но с которыми сплетено также все то, что связано с человеческим рождением. И тогда вы можете услышать от тех людей, которые нечто знают о таких вещах, что об этих вещах надо было бы хранить молчание (я намеренно говорю в сослагательном наклонении), не открывая того, что есть по ту сторону нормального сознания, перед профанами, подразумевая незрелые души, не сделавшие себя достаточно сильными для этого, — а к ним принадлежит ведь почти все человечество. Второе переживание состоит в том, что человек с того момента, когда он научается познавать истину (а истину можно научиться познавать впервые только тогда, когда научаешься познавать тайны сверхчувственного мира), он научается тогда также познанию того, в какой большой Мере все то, что можно оказать об окружающем мире, исходя лишь из наблюдений внешних чувств, есть иллюзия, видимость; и если это подвергнуть точному исследованию, тогда вполне обнаруживается его полная иллюзорность. Происходит утрата почвы под ногами, утрата надежной основы, а в ней особенно нуждается современный человек. Так что он может тогда сказать: это факт, ибо я самолично узрел, переступив порог сверхчувственного мира, что реальность окружающего мира исчезает.

Третье переживание делает очевидным, что как только мы начинаем создавать какие-либо человеческие произведения и вообще что-либо делать при помощи ли орудий труда, обрабатывая ли землю, вообще что бы то ни было делая и тем самым включая себя в социальный организм — то мы тогда творим нечто такое, что касается не просто нас самих как людей, но и принадлежит всему космосу.

Нынешний человек, самой собой разумеется, верит, что когда он конструирует, например, локомотив или телефон, или устанавливает громоотвод, или изготавливает стол, или лечит больного, исцеляя его, или же не лечит, оставляя его больным, — словом, вообще что-либо делает, то все это суть действия, которые разыгрываются только внутри развития человечества на земле. Нет, когда что-либо здесь происходит, то это влечет за собой события, разыгрывающиеся во всем космосе; этой глубокой истины я коснулся в моей драме-мистификации "Врата Посвящения" (вспомните сцену между Штраде-ром и Капезиусом)\* *"Врата Посвящения", четвертая картина..*

На эти три переживания ссылаются те люди, которые нечто знают о таких вещах; однако эти знания хранятся в нынешних тайных обществах в форме, принадлежащей времени, предшествовавшему середине XV столетия, и притом часто искаженными. На такие вещи ссылаются эти люди, указывая, во-первых, на тайну болезни, здоровья, рождения и смерти; во-вторых, на тайну великой иллюзии, имеющей место в окружающем мире внешних чувств, и в-третьих, на космическое значение человеческих дел. Но обо всех этих вещах и как раз об этих важнейших вещах в будущем надо будет говорить иначе, чем в прежние времена. И я хотел бы дать вам представление о том, насколько иначе говорилось о таких вещах в прошлом и что затем влилось в общепринятое сознание людей, проникло в обычное естествознание, в привычное социальное мышление и т. д., и как в будущем надо будет говорить тогда, когда действительно говорят об истине, и как затем то, что приходит из тайных источников познания, должно будет вливаться в познание внешнего мира природы, во внешние социальные воззрения и т. д.

Об этой грандиозной метаморфозе, которая ныне должна стать доступной пониманию, ибо людям надлежит из группового сознания пробудиться для вполне индивидуального сознания, — об этой исторической метаморфозе я хотел бы вам еще сказать дальше.

## ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

*Дорнах, 14 декабря 1919 г.*

Сегодня я хотел бы обсудить сказанное вчера и позавчера, отчасти входя в рассмотрение более общих вопросов. Из обеих предыдущих лекций вы можете заключить, что духовная наука, как она мыслится здесь, должна родиться, исходя из глубочайших и серьезнейших требований хода развития человечества в наше время и ближайшего будущего. Я ведь часто уже упоминал о том, что здесь речь идет не о таких идеалах, которые проистекают из субъективности человека, но о том, что записано в духовной истории человечества. В этой духовной истории развития человечества поистине вписано, что наука посвящения, т. е. та наука, которая свои познания добывает по ту сторону порога духовного мира, абсолютно необходима для дальнейшего развития человечества. Но всему тому, что ныне придает ценность действительному познанию духовного мира, оказывают сопротивление силы, представляющие собой старое. И сопротивление тех людей, в которых так или иначе живут силы старого, должно быть преодолено. Высказывание о необходимости переучиться и преобразовать свое мышление в отношении важнейших ситуаций в развитии человечества должно быть понято и усвоено людьми со всей основательностью и серьезностью. Поэтому я хотел бы попросить вас не недооценивать, что наша установка направлена на преодоление всего сектантского, какое все еще пышно разрастается в душах антропософов, и на действительное понимание мирового и общечеловеческого значения антропософии ориентированной духовной науки.

Ныне еще долго ждать, когда люди очнутся от того сна, который их охватил из-за того процесса развития, который начался около середины XV в. и который в основных чертах я уже описал вам. Как известно, в эволюцию человечества тогда было привнесено поверхностное естествознание с его великими триумфами, материалистическая концепция мировых закономерностей и вместе с ними ложные социальные идеи, столь отчетливо выступающие ныне, — словом, все то, что, действуя с этой стороны, погрузило человечество в духовный сон, продолжающий крепко охватывать его поныне. И наступление благотворного прогресса в эволюции человечества невозможно, пока оно не встрепенется от этого сна. Мы только не должны забывать о том, что познание духовного имеет сильных врагов в тех людях, которые больше всего хотят продолжать то, что привычно их мышлению, —

продолжать просто по инерции мыслительного удобства. Нельзя говорить: чем больше становится известной людям духовная наука, тем сильнее делается их враждебность и сопротивление по отношению к ней, тогда просто не надо обращать внимания на эти препятствия. Пожалуй, возможна такая точка зрения: совсем оставлять без внимания то, что таким образом поднимается против духовной науки. Однако в наше время это было бы совершенно ложной идеей, ибо ведь нельзя не замечать парадоксов, но нужно стараться их удалить и время от времени надо удалять их далеко не нежным образом. Это есть нечто такое, решение о чем, разумеется, надо принимать особо в каждом конкретном случае.

Эти вещи надо понять как необходимые в наше время. Поэтому с совершенно особенным удовлетворением должно быть воспринято, когда в наше становящееся все более тяжким время все же находятся люди, обладающие такой силой воли, которая необходима для выступления в защиту нашего дела. Но, к сожалению, еще слишком мало таких, которые понимают всю серьезность того, что теперь поставлено на карту в ходе эволюции человечества. На одной стороне стоят те люди, которые не по каким-либо духовным основаниям, а ради удобства своего мышления и из-за других предрассудков не хотят расстаться с тем, к чему они привыкли. На другую сторону должны стать те, кто всем своим существом выступают против того, что уже созрело и готово к падению. И мы не должны допускать, чтобы какая-либо снисходительность по отношению к тому, что созрело и готово к падению, могла бы ныне сдержать нас. За последние пять-шесть лет люди могли бы достаточно научиться тому, что старые вещи приводят к абсурду. А те, кто этому еще не научился, будут иметь в ближайшее время возможности для этого. Мы должны с воодушевлением встречать новое, которое должно быть внедрено в эволюцию человечества.

Поэтому я испытал определенное удовлетворение, когда мне только что было вручено здесь письмо, содержание которого я хотел бы вам сообщить в качестве введения к сегодняшней лекции. Речь идет о том, что в Рейтлингене, городе недалеко от Штуттгарта, выступил, чтобы опять повторить свои глупые нападки на то, чего хочет антропософски ориентированная духовная наука, тот самый профессор, который написал глупое сочинение, о котором я недавно говорил вам\*  
*Фридрих Трауб "Рудольф Штейнер как философ и теософ", Рейтлинген, 1919 г Рудольф Штейнер обсуждает эту брошюру в своей лекции от 16 ноября 1919 г — опубликована в работе "Человеческая ответственность — Всемирная ответственность — Культура человека", отдельный выпуск "Духовных оснований социального вопроса, IV", Дорнах, 1951 г.* Во всяком случае этот профессор, являющийся одним из "украшений" Тюбингенского университета (в других университетах всего мира дело обстоит не лучше), опять высказал то же самое, что было написано им в упомянутом сочинении. Тут выступил против него, но не в пример ему (это явствует из полученного письма) с настоящим подъемом, какой необходим сегодня, когда со всей серьезностью учитывают то, что теперь поставлено на карту в игре сил, влияющих на исторические судьбы человечества, наш друг д-р Вальтер Штейн\*\*\*  
*Доктор Вальтер Иоганн Штайн (1891 Вена - 1957 Лондон) учитель в Свободной Вальдорфской школе в Штуттгарте, писатель и лектор.* Об этой дискуссии, которая разыгралась несколько дней тому назад, наш друг д-р Штейн пишет своей жене, находящейся здесь, следующим образом: "Вчера я был в Рейтлингене, где профессор Трауб держал речь против Штейнера. Я принял участие в дискуссии. Это был бой не на жизнь, а на смерть. Я показал, что Трауб является бессовестным человеком, вполне невежественным в отношении того предмета, которого он касается. Свое заключительное слово он произнес уже заикаясь. Пасторской пастор\*\*\*\*  
*В двух первых изданиях городской пастор перепутан с профессором Траубом Непосредственно вслед за этим Рудольф Штейнер еще раз правильно пересказывает весь ход эпизода — см "Всемирный Новый год и новогодние Мысли" (ПСС, т 195), который открывал дискуссию, был мною так загнан в угол текстами из Библии, что в отношении того места, где Христос говорит о перевоплощении, он воскликнул: "Здесь Христос заблуждается". Тогда я поднялся и закричал: "Слушайте! Вот вам нынешняя религия, у которой Бог заблуждается!" — Публика бушевала. Меня стали прерывать, хотели лишить слова, кричали: "Говорите по существу", топали ногами. Однако я продолжал говорить совершенно спокойно и, указывая рукой на профессора Трауба, в заключение сказал: "И это авторитет!" С ним было покончено. Меня проводили аплодисментами, как победителя. Я еще сегодня полуживой."*

Можно было предвидеть, что должна была подняться сильная ненависть против той антропософски ориентированной духовной науки, которая уже два десятилетия бытует в Европе; это мог предвидеть каждый, кто знал и знает, как внутренне

связано то, что здесь зовется антропософски ориентированной духовной наукой, с теми силами, которые должны быть призваны в настоящее время и в ближайшем будущем ради прогресса человечества. Но не следует смешивать эту антропософски ориентированную духовную науку с ночным колпаком — с тем настроением, когда хотят при помощи духовных идей и понятий доставить своей душе маленькое удовольствие. И когда д-р Штейн ощущает, что речь идет при этом о битве не на жизнь, а на смерть, то его ощущение — верное. Мы стоим в начале этой битвы. Против нас, бушуя, поднимается буря, грозящая нас уничтожить. Мы никогда не предпринимали агрессивных мер, поскольку понимали истинный импульс нашей духовной науки. Но мы не должны уклоняться от осуществления того, что необходимо предпринять против той агрессии, которая все больше и больше обращается против нас из внешнего мира. Тут мы не должны падать духом, не должны накрываться ночным колпаком. Разумеется, внесение истины в процесс эволюции человечества становится неудобным занятием, и тут терпимость вовсе не является тем, что должно нас вооружить. Ибо дело зашло достаточно далеко, когда появляются такие официальные представители христианства, которые, почувствовав, что они попали в тупик, готовы сказать: здесь заблуждается Христос! — Профессор же Трауб, естественно, не может заблуждаться! И если то, что имеет сказать этот профессор Трауб, не согласуется с тем, что явствует из текста Библии, тогда, значит, заблуждается Христос, но никак не профессор Трауб! — Но это вообще есть тот настрой, с каким ныне встречаешься и которого не хотят видеть, потому что видеть неудобно, но при желании можно увидеть во всех областях.

Однако для тех, кто могут видеть закономерности, действующие в жизни, ясно также и то, что европейские бедствия последних лет, хотя, на первый взгляд, они и кажутся улегшимися, внутренне связаны с привычным мышлением людей и (извините за следующее несколько тривиальное выражение) с тем, о чем люди так охотно говорят: как же мы потрясающе далеко ушли, и при этом от удовольствия облизывают пальцы.

Но что необходимо людям, так это следующее: внутренне стать объективными. Под влиянием культуры нового времени люди утратили объективность. Повсюду обнаруживается субъективный подход. И если когда-нибудь будет написана история последних пяти-шести лет, то она по-настоящему сможет быть написанной, только исходя из духовно-научных данных. Тогда в этих главах всемирной истории будет много сказано о том, какое множество личного было внесено в ход тех великих всемирно-исторических событий. Я сказал, что об этих событиях последних пяти-шести лет будет невозможно говорить, не имея духовно-научных данных. Мне тут нужно упомянуть лишь о том, о чем я здесь уже часто говорил, а именно о тех тридцати-сорока лицах, которые, занимая в 1914 году высшие правительственные посты, были причастны к тому, что называют внезапным началом мировой войны (неточное выражение, излюбленное ныне, потому что оно маскирует истину): это не было ни внезапным началом, ни лишь мировой войной - это было нечто иное и такое, что еще долго не придет к концу; так вот, из числа этих тридцати-сорока причастных лиц значительное большинство было тогда не в своем уме

их душевные и умственные силы были рассредоточены. Но там, где сознание помрачено, — там отверзаются врата, через которые ариманические силы с особенной легкостью находят доступ к тому, что суть человеческие решения, человеческие волеизъявления.

Ариманические силы принимали значительное участие у истоков тех событий, которые разыгрались в 1914 г. Уже сегодня возможно — если только захотеть — из чисто внешнего прослеживания фактов, имевших место, узреть, сколь необходимо то, чтобы в ход эволюции человечества было внесено духовное познание. Но насколько далеки люди с их привычным способом мыслить, ощущать и чувствовать от того, чтобы отнестись к этим фактам со всей серьезностью! На одной стороне факт (и факт, который еще будет иметь продолжение), что наше время созрело для выступления тех людей, которые смогут выступить с надлежащими, подготовленными душами навстречу тому, что с последней трети XIX столетия вторгается в качестве духовных импульсов в наш физический мир. Наряду с тем, что нас занесло в материалистическое время, налицо ведь и другой факт, а именно, что врата, ведущие из духовного мира в наш земной, стоят отверстыми с последней трети XIX столетия и что те люди, которые идут навстречу этим духовным импульсам с открытой душой, с открытым сознанием, могут возыметь

взаимоотношения с духовным миром. Конечно, число тех, в сознание которых уже теперь вступает духовный мир, не может быть большим. Тем не менее является фактом, что духовный мир вступает в некоторые человеческие души. И мы можем сказать, что ближайшие 10 — 30 лет, вплоть до середины этого столетия, станут такими, когда все больше и больше людей будут научаться хотя бы слегка прислушиваться к своей душе, чтобы эта душа оказалась в готовности встретить те импульсы, которые волеу-стремляются из духовного мира.

Те люди, которые ныне воспринимают такие импульсы, исходящие из духовного мира, и которые знают о тех истинах и познаниях, какие должны влиться в ход эволюции человечества, — они знают также следующее: если благодаря науке посвящения, которой располагают такие люди, не будет оплодотворено то, что мы называем естествознанием, а равно и то, что мы называем искусством, тогда человечество устремится к быстрому упадку и ужасному упадку. Только дайте еще три десятилетия так преподавать, как теперь преподают в наших учебных заведениях, только дайте еще три десятилетия так думать о социальных обстоятельствах, как думают теперь, и вы по прошествии этих тридцати лет будете иметь опустошенную Европу. Вы еще можете выдвигать многие идеалы в той или иной области, вы можете изливать красноречие в пользу тех или иных отдельных требований, выдвигаемых той или иной группой людей, вы можете придерживаться веры, что при осуществлении не особенно радикальных требований еще можно что-то сделать для будущего человечества, — но все это окажется напрасным, если не совершится переворот, касающийся самого фундамента человеческих душ, т. е. понимания отношения этого мира к миру духовному. Если не перестанут думать по-иному, чем теперь, если не одумаются вообще, то моральный упадок затопит Европу подобно всемирному потопу!

Дело как раз в том, чтобы узреть, что, собственно, это будет значить, когда некоторое число людей, взору которых доступно знание о мире по ту сторону порога, принуждены будут признать: смятение, материалистические наклонности, социальные заблуждения заходят все дальше, а люди не хотят переучиваться и одумываться, и когда эти немногие люди, располагающие наукой посвящения, вынуждены будут наблюдать, как человечество деградирует, цепляясь просто за удобные для людей ощущения и мысли! Нельзя закрывать глаза на то, как много импульсов действует в сторону такого положения вещей в нынешнем, так называемом цивилизованном мире. В наше время правит много импульсов такого рода, и поэтому, не правда ли, вероятнее ожидать, что нынешнее человечество в своем высокомерии отклонит все, что приходит со стороны науки посвящения? Ведь это человечество почитает себя столь бесконечно толковым в каждом отдельном своем индивидууме! Это человечество так склонно издеваться надо всем тем, что может быть достигнуто человеком посредством работы над поступательным развитием собственной души. Это человечество верит в то, что оно в состоянии знать все, не нуждаясь ни в каком переучивании. Однако ни проблемы, касающиеся мира природы, ни социальные проблемы нашего времени не могут быть разрешены без оплодотворения человеческого мышления, ощущения и волевого действия тем, что исходит из духовного мира. Для многих внешних людей ведь представляется продуктом фантазии, когда говорят об этой науке посвящения, — когда что-то говорят о пороге духовного мира. Это верно, что далеко не всякий человек может ныне переступить через порог, ведущий в духовный мир; но, собственно, никому не возбраняется узреть истину в том, что сообщают люди, уже проникшие через этот порог в духовный мир. Неправильно, когда с той или другой стороны все опять и опять говорят: Да как же я могу убедиться в истине того, что тот или иной человек преподносит в качестве науки посвящения, если я сам не могу видеть духовный мир? — Это неверно. Здоровый человеческий рассудок, если он не направлен по ложному пути нынешними ошибочными понятиями о мире природы или ошибочными социальными идеями, в состоянии сам решить — правдоподобно ли то, о чем кто-то говорит. Вот кто-либо говорит о духовных мистах — тут только надо принять во внимание все: сам образ речи, серьезность, с какой трактуются сообщаемые вещи, логичность изложения и т. д. Тогда можно вынести для себя суждение о тех сведениях, что сообщаются о духовном мире, — шарлатанство ли это или же, наоборот, имеет некую основу. Суждение об этом может вынести каждый человек, и никому не возбраняется сделать плодотворным для своих мыслей о природе и для социальных идей то, что добыто из истоков духовной жизни теми

лицами, которые вправе говорить о принципе посвящения.

Те силы, действовавшие в развитии человечества, которые бессознательно для людей вели их так, что они могли продвигаться вперед, на исходе, и полностью исчерпаны, они окажутся где-то к середине этого столетия. Из глубин человеческих душ должны быть добыты новые силы. И человек должен узреть, как он в глубинах своей души связан с корнями духовной жизни.

Переступить через порог духовного мира — это сегодня может осуществить, разумеется, далеко не всякий. Ибо в течение последних столетий человек привык все, с чем он встречается, рассматривать как разыгрывающееся в ходе времени. Однако первое, что он испытывает, оказавшись по ту сторону порога духовного мира, будет следующее: существует некий мир, в котором время, как мы его воспринимаем, не имеет никакого значения. Тут надо освободиться от власти представлений о времени. Поэтому, если человек хочет подготовить себя к познанию духовного мира, ему весьма полезно начинать, по меньшей мере, с того, чтобы учиться представлять себе то или иное в порядке, обратном ходу времени. Скажем, какую-либо драму, которая в мире внешних чувств начинается ведь с первого акта и продолжается вплоть до пятого, надо научиться представлять себе картину за картиной в обратном порядке, от пятого акта до первого; или представить себе и ощутить какую-либо мелодию не в той последовательности тонов, как она исполняется, а в обратном порядке; или пережить минувшего дня вспомнить и представить себе не в их свершении с утра и до вечера, но в обратном порядке — от вечера к утру. Посредством таких упражнений мы приучаем наше мышление всерьез подниматься над временем. В повседневной жизни мы привыкли так представлять себе события, что за первым следует второе, за вторым — третье и т. д. (пишутся цифры), и мы мыслим всегда таким образом, что наше мышление являет собой отображение хода внешних событий. Но если мы однажды научимся думать, начнем ощущать в обратном направлении, переходя от настоящего ко все более прошлому, то мы тогда должны будем сделать для этого некоторое внутреннее усилие — на благо нам, ибо это усилие вырывает нас из-под власти обычного мира внешних чувств. Время протекает от одного к двум, к трем, к четырем и т. д. в этом направлении (стрелка направо). Когда же мы думаем в обратном направлении, не от утра до вечера, а от вечера до утра, то мы думаем против течения времени (стрелка налево). Мы тогда преодолеваем время.

Если мы сможем такой ход мышления продолжить насколько, насколько это только возможно далеко в прошлое, и будем ретроспективно продумывать свою жизнь, тогда мы очень многого достигли. Ибо, если мы не вырвемся из-под власти времени, то не сможем вступить в духовный мир.

### Рисунок

Мы говорим, что человек расчленяется на физическое тело, эфирное, астральное тело и Я. Лишь физическое и эфирное тела имеют отношение, прежде всего, к физическому миру, к миру внешних чувств. Эфирное тело еще советует некий земной процесс во времени; астральное же тело можно впервые найти лишь тогда, когда вырвешься из времени. Физическое тело находится в пространстве. А Я, истинное Я человека можно впервые найти лишь тогда, когда вырвешься из пространства. Ибо тот мир, в котором пребывает истинное Я, есть мир непространственный.

Итак, двоякое принадлежит к первым сверхчувственным переживаниям: мы высвобождаемся из времени и мы высвобождаемся из пространства, когда мы переступаем порог духовного мира. Я прежде не раз указывал на то разное, что может привести к непространственным представлениям\**Многочисленные лекции мая/июня 1905 г. (остались только несколько ценные записи).*, обращая ваше внимание на то, что такое суть три измерения, но не таким детским образом, как спириты зачастую говорят о четвертом измерении и т. п., а гораздо серьезнее. Но подумайте о следующем: все то, что вы называете содержанием вашего сознания, исчезает, когда вы больше не находитесь в пространстве и больше не находитесь во времени. Ваша жизнь полностью приспособлена к пространству и ко времени. Также и душевная жизнь человека полностью приспособлена к пространству и ко времени. И вот вы вступаете в некий мир, к которому вы не приспособлены; эта неприспособленность к миру вызывает ощущение боли, ощущение страдания. Так что, не справившись прежде всего с этой болью, с этим страданием, человек не может вступить в духовный мир.

Люди не доводят этого до сознания, а в ужасе отступают от порога духовного мира, ибо они не в состоянии вступить в некий подобный бездне мир, где нет пространства и времени.

Когда я опять вызываю перед вашим духовным взором лишь это первое переживание из опыта, обретаемого по ту сторону порога духовного мира, то вы живо можете осознать, что ныне в немногих людях есть достаточно крепкое душевное мужество, чтобы ввергнуть себя в испытания, непосредственно переживаемые в некоем мире бездонного и вневременного. Однако в силу их судьбы определенные люди призваны к тому, чтобы переступить порог духовного мира. И тут без мудрости, которая может быть добыта за этим порогом, далеко не продвинуться. Из этого надо почувствовать, что оказывается необходимым: чтобы в будущем вошло то, что можно назвать доверием одного человека к другому. Это стало бы тогда общественной добродетелью. В наше время социальных требований эта добродетель наличествует меньше всего, ибо люди требуют, чтобы человеческая жизнь велась для общества, но никто не имеет доверия к другим. В наше время социальных требований господствуют самые антисоциальные инстинкты. Человечеству станет необходимым наряду с таким общеобразовательным развитием, чтобы люди вращались в духовный мир, — необходимым становится, чтобы по отношению к тем лицам, которые с правом могут говорить о науке посвящения, люди питали бы доверие, проистекающее не из слепой веры в авторитет, но из здорового человеческого рассудка. Ибо проникнуться тем, что приносится как весть из потустороннего мира можно, если только захотеть действительно применить здоровый человеческий рассудок.

И тут надо все снова, не упуская из вида здоровый человеческий рассудок, направить взгляд на то, что ныне противостоит ему. Если и не все люди так открыто заявляют: "Тут заблуждается Христос", — то, тем не менее, они говорят на тот же лад, ибо такова логика нынешней жизни. И если затем приходят люди и говорят, что они, мол, не могут провести различия между тем, что с внутренней логикой возмещается из духовных миров, и тем, что говорят университетские профессора, то это обнаруживает у них отсутствие здорового человеческого рассудка или по меньшей мере воли к здоровому человеческому рассудку. Исходя из своего здорового человеческого рассудка, можно безоговорочно сказать, что если кто-то говорит: "Тут заблуждается Христос", — то с ним дальше нечего считаться с точки зрения здорового человеческого рассудка.

Мы утратили действительную науку о человеческой душе. Мы ее больше не имеем. А наука о душе ведь стала неудобной для церкви уже в IX столетии, как я часто упоминал об этом недавно еще в Базеле\**Публичная лекция от 10 ноября 1919 г "Дух как водитель через Чувственный и сверхчувственный мир" — напечатано в "Человеческая ответственность — Всемирная ответственность — Культура человека" отдельного издания "Духовных оснований социального вопроса, IV", Дорнах, 1951 г и других местах.* Наука о душе, к примеру, стала дискомфортной для католической церкви еще в IX в.; я это часто упоминал. Поэтому на VIII Вселенском соборе в Константинополе в 869г. был "отменен" дух. Тогда была установлена догма, что человек, если он является верным христианином, не смеет думать, что он состоит из тела, души и духа, но он должен думать, что состоит только из тела и души и что душа имеет духовные свойства. Ныне этому еще учит психология, почитающая себя наукой, лишенной предвзятости, но на самом деле через нее гласит церковная догма 869г. Так же и все остальное, что должно свидетельствовать о душе, стало монополией церковных исповеданий в форме вероучений, в форме догм. Все то, что, отправляясь от человека, должно быть познанием душевного, было монополизировано церковными исповеданиями. И собственно познанию, свободному познанию, был оставлен только внешний мир природы. Нечего удивляться, что мы не имеем ныне никакой науки о душе. Ибо в распоряжении светской учености была предоставлена лишь наука о мире природы, наука же о душе была монополизирована Церковными исповеданиями, а наука о душе была отменена. И вот мы не имеем никакой науки о душе. Тут мы не можем продвинуться вперед, если будем основываться на том, что ныне является задающей тон научностью. Ибо если мы станем основываться на том, что ныне является всего лишь пустословием от психологии — чего-либо больше, кроме слов, ведь в ней нет, — то мы не придем к действительному познанию того, что правит в человеческой душе. Вы ведь знаете из изложения, которое я дал в книге "Как достигнуть познания высших миров", что при переходе через порог духовного мира в сознании человека происходит разделение мышления, чувствования и воления. В нынешнем обиходном сознании

мышление, чувствование и воление переплетены между собой, образуя нечто хаотическое. Однако в тот момент, когда переступают порог духовного мира, даже в тот момент, когда только готовятся на собственном опыте овладеть наукой посвящения (мышление, чувствование и воление становятся самостоятельными силами. Тогда учатся их познавать), только тогда действительно учатся отличать мышление от чувствования и воления.

Учатся проводить различие между мышлением и волением. Мышление, которое действует и правит в нас как в людях, если мы берем его не в отношении его содержания, а в отношении его природной силы, если мы воспринимаем силу мысли таким образом, — то она как раз есть нечто такое, что является отблеском пережитого в духовных мирах перед своим рождением (вернее сказать, зачатием). А воление в человеке по своему существу есть нечто эмбриональное, нечто зачаточное, которое полностью приходит к своему развитию только после смерти человека. Так что мы можем сказать следующее (см. схему 2): если вот на этой схеме обозначена жизнь человека от рождения до смерти, то в пределах этой человеческой жизни на земле мышление — такое, какое живет в человеке, — есть только эмбрион, ибо его истинная природа находится до рождения (вернее, зачатия) человека; а то, что есть воление, — всего лишь некий зачаток, ибо то, что разовьется из этого зачатка, разовьется только после смерти человека. Мышление и воление — в корне различны в составе человеческой природы.

### схема 2

Если сегодня придет кто-нибудь, обладающий теперешней логикой, при помощи которой он все прекрасно раскладывает по полочкам и охотно систематизирует, то он, пожалуй, скажет: нам сегодня было сказано лектором, что мышление есть сила, вносимая из жизни, предшествующая рождению человека, а воление есть сила, указывающая на посмертную жизнь; как изящно посредством этого определены классифицированы мышление и воление. Однако посредством определений еще по существу ничего не дано. Обычно не замечают недостаточности каждого определения. Многие определения, особенно ценимые наукой, могут быть весьма остроумными, но вся загвоздка в том, что они смахивают на то определение, которое некогда было дано в древней Греции на вопрос: "Что такое человек?" — И ответ: "Человек — это двуногое существо без перьев", — на что один ученик принес на следующий день ощипанную курицу и сказал, что это и есть человек — двуногое и без перьев. Он тщательно все проверил.\* \*См. Диоген Лаэртский, VI книга, II глава о Диогене. С такими именно вещами дело обстоит не так-то просто, чтобы препарировать их обычным интеллектуальным инструментом. Видите ли, можно высказать превосходное определение: о том, что мы знаем по собственному опыту как мышление, мы можем утверждать, что оно, мол, имеет свою истинную сущность в том мире, откуда произошел человек при рождении, и в нас выступает лишь отражение мысли. — Здесь возникает некоторая трудность. Но вы можете ее преодолеть при небольшом умственном напряжении.

Не правда ли, если вы имеете здесь зеркало, а тут — какой-нибудь предмет, например, горящую свечу, то вы получаете ее отражение. Вы в состоянии отличить предмет от его отражения в зеркале — вы не спутаете их. Если каким-либо образом, например, при помощи экрана, закрыть от вас свечу, то тогда вы будете видеть в зеркале только ее отражение. И вы сможете из этого отражения увидеть все, что творится за свечей. Вы привыкли мыслить понятиями, относящимися к пространству, и поэтому вам легко представить, как отражение в зеркале относится к реальности, к свече.

### Рисунок

Но то, что есть в нас как сила мысли, есть лишь отражение некой реальности, и эта реальность находится в мире, из которого пришел человек при своем рождении. Реальная сила, отражением которой мы оперируем в этой жизни, лежит до рождения. Поэтому основным тезисом человеческого сознания, когда человек всматривается в свое собственное сознание, будет: я мыслю, следовательно, — не существую, *Cogito ergo non sum!* Это есть то основное положение, "которое надо постичь, а иметь: что в мышлении действует и правит природа отражения и что сама сила мысли лежит до рождения. Однако развитие, происшедшее с человечеством в новое время, напротив, выдвинуло в качестве основной аксиомы

философии тезис Декарта: Cogito ergo sum (я мыслю, следовательно, — существую). А это бессмыслица. Итак, вы видите, что человеку нового времени приходится пройти через надлежащие испытания. Но теперь мы уже на распутье. Мы должны переучиваться мыслить о самом фундаменте душевной жизни человека.

Теперь, в известной мере возведя мышление обратно к его сущности, мы можем нечто подобное сделать и в отношении воления. Воление не есть какое-либо отражение, но оно есть словно некий зародыш, и свое развитие и завершение оно находит в выработке человеком силы воли в жизни между рождением и смертью и в том, что получается после смерти. Это наше устройство, а именно, что от мысли мы имеем отражение, а от воления — эмбрион; только это и дает нам возможность свободы между рождением и смертью. Вы можете об этом прочесть как в моих книгах "О человеческой загадке" и "О душевных загадках", так и во втором издании моей "Философии Свободы", где эти вещи трактованы также и философски.

А теперь приходит нечто парадоксальное, из коего вы можете усмотреть, как мало способно проникнуть в действительность повседневное, удобное для людей мышление. Итак, мы постигли существо мышления. Но когда мы постигаем в себе это существо мышления, то мы должны тотчас же сказать себе следующее: это мышление не есть всего лишь мышление, но в нем есть также некая воления. Тем же самым внутренним существом, которым мы мыслим, мы одновременно и волим. При мышлении главным делом является оно само, но при этом оно имеет некий обертон воления; равным образом наше воление имеет некий обертон мышления. В действительности мы имеем в себе двойное: нечто такое, что преимущественно является мышлением, но имеет обертон воления (на начатой схеме рядом со словом "Мышление" вписывается в скобках слово "воление"), и нечто такое, что преимущественно является волением, но имеет обертон мышления (рядом со словом "Воление" вписывается в скобках слово "мышление"). Когда вы обращаетесь к наблюдению действительности, то вы не приходите к четко разграниченным понятиям, которые вы можете разложить по полкам какой-то системы, но всегда одно в то же самое время есть в известном смысле и другое. Только тогда, когда проникаешь в эти вещи, получаешь некоторое представление о взаимосвязи человека с теми мирами, которые находятся за пределами мира, воспринимаемого нами своими глазами и ушами, но в которых мы живем не в меньшей степени, чем в этом мире внешних чувств. Мы не можем сказать, что нам нет никакого дела до миров иных, чем мир внешних чувств, ибо мы находимся внутри них. Мы должны уяснить себе, что когда мы здесь ходим по этой земле, то мы так же, как проходим через материальный воздух, проходим и через духовные миры.

Отношения, скажу я, с духовными мирами получаются тогда, когда человек вникает в эти тонкости человеческой Душевной жизни. Благодаря тому что имеет больше мышления и лишь обертон воления, мы определенным образом взаимосвязаны с бытием духовных миров. И опять-таки мы взаимосвязаны с бытием духовных миров, но иным образом, благодаря тому что имеет больше воления и в меньшей мере мышление. Это имеет свое глубокое значение. Ибо то, что люди обретают таким образом, запечатлевается в их жизни, и все разнообразие мира ведет свое происхождение от того, что всегда или одна или другая из двух упомянутых сил человеческой природы большее развивается в ту или другую сторону. Те силы, которые заключаются в воле, имеющей свой обертон в мышлении, были развиты, например, предельным образом в древнееврейской культуре. А те силы человеческой души, которые коренятся преимущественно в мышлении, имеющем свой обертон в волении, были развиты в том, что называют древней языческой культурой (к начатой схеме дописываются слова "Древнееврейское" и "Языческое").

### схема 3

И в настоящее время мы имеем эти два течения сосуществующими рядом друг с другом. В современном цивилизованном мире то течение, которое является продолжением древнего язычества, выступает в воззрении на мир природы, а другое течение, являющееся продолжением древнего еврейства, обнаруживается в наших социальных воззрениях, в наших этических и религиозных понятиях.

И в самом человеке ныне тоже живет этот дуализм. С одной стороны, человек язычески поклоняется природе, а с другой — он остается без природного базиса, размышляя о социальной и даже моральной жизни, разве что переносит свои

мыслительные навыки на социальную науку, или социологию. А когда он философствует, тогда он говорит, что в одной области он находит свободу, в другой же области он находит природную необходимость, и тогда он находит себя витающим между необходимостью и свободой, между которыми он не в состоянии перебросить никаких мостов, и его смятение становится ужасающим.

Однако это смятение и является во многих отношениях содержанием нынешней жизни — жизни, идущей к закату. Ибо чего недостает в этой нашей нынешней жизни? Мы имеем некое воззрение на мир природы — оно есть всего лишь продолжение древнего язычества. Мы имеем некие моральные социальные воззрения — они всего лишь продолжение Ветхого Завета. Для нынешних людей христианство стало каким-то эпизодом, который следует воспринимать прежде всего в плане истории, а само оно, так сказать, словно просыпалось, провалилось сквозь дырки в решетке современной человеческой культуры. По существу христианства ныне нет. Ибо в отношении тех людей, которые часто говорят о Христе, вполне можно проделать то самое, что я рекомендовал вам сделать с книгой Гарнака "Сущность христианства"\**См. примечание к лекции третьей, а именно;* повсюду там, где он пишет "Христос", зачеркнуть это слово "Христос" и надписать вместо него "Бог Отец" или просто пантеистический "Бог", и вы увидите, что в результате смысл этой книги существенно не изменится. А когда меняется, там он говорит просто чушь, определения, совершенно к существительному не относящиеся.

Обо всех этих вещах надо было сегодня сказать, ибо тут можно в основе распознать то, что должно стать содержанием будущего сознания людей. Видите ли, современное учение о развитии говорит о том, что человек развился из ряда низших существ и что этот ряд низших существ в ходе развития поднялся до человека. Вам надо только перечитать мое "Тайноведение", чтобы заметить, что, с одной стороны, нами также может быть сказано то же самое. Однако, дело обстоит так, что если мы обращаемся к рассмотрению человеческой головы (такой, какую мы теперь носим на наших плечах), то оказывается, что она уже находится на пути нисходящего развития. Если бы весь наш организм в целом — прошу здесь меня правильно понять — имел ту же самую организацию, что и наша голова, то мы должны были бы находиться в процессе постоянного умирания. Мы Живы только благодаря тому, что в остальном нашем организме есть жизненная сила, и она непрерывно посылается в голову. Те силы, вследствие которых мы в конце концов умираем, правят в нашей голове, находятся в нашей голове. Голова существует, находясь в процессе непрерывного умирания; она — в процессе обратного развития. Как раз поэтому душевно-духовное существо человека может обрести в голове свое развитие. Если вы хотите схематически представить себе голову, то надо вам это сделать следующим образом, поскольку ее восходящее развитие уже перешло в развитие обратное; здесь (см. рисунок 33) есть некая пустота, и в эту пустоту, т. е. в то, что становится разрывающимся, вступают дух и душа. Это поистине происходит именно так. Мы несем в себе благодаря нашей голове душу и дух как раз потому, что наша голова уже находится в процессе засыхания. Это значит, что в нашей голове мы претерпеваем непрерывное умирание. И тот обертон воления, который присущ нашему мышлению, заключен в нашей голове. Однако этот обертон воления оказывается постоянным стимулом, непрерывным импульсом к смерти, к преодолению материи.

### Рисунок

Когда же мы действительно умираем, тогда это воление явственно выступает. И когда наше тело бывает предано земле, тогда во всем нашем теле, в земном теле уже физически продолжается тот самый процесс, который разыгрывается в нашей голове с момента нашего рождения и до самой смерти. Вы несете вашу голову на ваших плечах. Внутри нее сам по себе разыгрывается тот процесс (тут он только непрерывно тормозится и подновляется благодаря тому, что поступает в голову из недр остального организма), который затем происходит тогда, когда вы посредством сожжения вашего трупа или его тления преданы земле. Тогда продолжается то самое, что вы от рождения до смерти проделываете в вашей голове. Это затем продолжается в земле: земля мыслит согласно тому же принципу, как вы сами мыслите посредством вашей человеческой головы, подвергая себя в самих себе процессу распада, как труп разлагается в земле. Пройдя через врата смерти, мы посредством своего распадающегося трупа вносим в физическую землю тот самый

процесс, который до того мы присваивали себе самим во время нашей жизни между рождением и смертью. Это есть научная истина. Такие истины люди должны будут познать в будущем. Нынешнее естествознание в отношении таких вещей является ребячеством, ибо оно не приходит к тому, чтобы об этих вещах мыслить и эти вещи исследовать.

И наоборот: то самое, что мы имеем в нашей голове как разрушительную тенденцию, — это ведь есть продолжение того, что наличествовало в духовных мирах до нашего рождения (вернее, зачатия). Разрушение, о котором идет речь, начинается только с нашим рождением, ибо лишь тогда мы получаем голову, без которой нечего разрушать. Здесь мы слегка касаемся одной чрезвычайно значительной тайны мирового бытия. То, что живет в нашей голове и благодаря чему мы вступаем во взаимоотношения с другими людьми, а также с внешним миром природы, — это есть продолжение того, что происходило в духовных мирах, прежде чем мы вступили в физическое тело. Если в это основательно вникнуть, тогда можно узреть, как силы, происходящие из духовных миров, вступают в этот физический мир. Это становится нагляднее, если эти вещи рассмотреть конкретно, а не абстрактно.

Вот пример (цифры пишутся на доске). В 1832 г. умер Гёте. Период, который принадлежит первому поколению

людей после его смерти, т. е. до 1865 г., не был таким, чтобы тогда в него могло вступить много сил его духа. Я выбираю Гёте в качестве примера; само собой разумеется, что вступают также силы, исходящие от других людей, и приводимый пример — лишь особенно показательный. Итак, до 1865 г. тот, кто направил бы свой взор на душу Гёте, немного заметил бы в отношении вмешательства ее сил в жизнь людей на земле. Затем, по прошествии этих первых 33 лет, начинается уже то, что, происходя от Гёте, вступает в наше земное развитие из духовного мира. И это становится все сильнее и сильнее вплоть до 1898 г. Если проследить это дальше, то можно сказать, что первым периодом вмешательства сверхчувственных сил Гёте в нашу земную культуру были, таким образом, 1865-1898 гг. Как было сказано, это их действие не было значительным до 1865 г., когда оно, собственно, начинается. По прошествии снова 33 лет наступает в 1931 г. следующий подобный период, второй по счету. А в 1964 г. истечет третий период

Мы можем сказать, что на подобном примере можно действительно научиться познанию того, как сравнительно скоро после прохождения человека через врага смерти те силы, которые он затем развивает, начинают принимать участие в том, что происходит здесь, на земле. Надо только знать, каким образом совершается вмешательство этих сил. Тот человек, который ведет духовную работу, т. е. действительно спиритуальную работу, знает, как в тех его силах, при помощи которых он исполняет эту работу, принимают участие силы духовных миров. И если я позавчера сказал, что в середине этого столетия мы имеем важный пункт в ходе времени, то из только что приведенного примера, проведя связанные с ним наблюдения, можно усмотреть, каким образом силы, происходящие из духовных миров, вмешиваются в события, развивающиеся в физическом мире.

Однако середина этого — XX — столетия одновременно совпадает с тем временем, когда силы, которые еще атавистически сохранились как отсталые со времен, предшествовавших середине этого столетия, приходят в состояние крайней деградации. И человечеству надлежит до наступления середины этого столетия принять решение обратиться к спиритуальному. Теперь ведь все чаще встречаешь людей, которые говорят: почему на нас обрушиваются бед-

ствия? Почему Боги не помогают нам? — Мы находимся теперь в той эпохе развития человечества, когда Боги тогда же оказывают свою помощь, как только люди обращаются к ним, но когда Боги, согласно их же законам, призваны к тому, чтобы вести работу со свободными людьми, а не марионетками.

И вот здесь я у того пункта, на который указывал вчера. Если познающий человек, скажем, еще в греческую эпоху или даже до середины XV столетия указывал на такие феномены, как рождение и смерть человека, то он мог указать тогда на мир Богов, мог указать, как из божественных миров творится судьба человека через его рождение и смерть. Ныне же мы должны говорить по-другому, говорить, таким образом, что судьба человека определяется как следствие его предшествовавших земных жизней, и в зависимости от предопределения он творит

те силы, благодаря которым к нему могут приступать божественные миры. Мы должны научиться думать противоположное об отношении человека к божественно-духовным мирам; мы должны научиться в человеке искать тот источник, из которого развиваются те силы, благодаря которым к нему может приблизиться то или иное из божественных существ. Мы пришли к этому важному пункту времени всего хода земного развития. И то, что происходит во внешних событиях, ныне становится понятным как выражение того внутреннего свечения, которое можно постигнуть только с точки зрения духовнонаучного прозрения. Каждый человек имеет возможность увидеть, я сказал бы, самые внешние истоки происходящего. Ведь сколько людей убито за последние четыре-пять лет — их по меньшей мере насчитывается от десяти до двенадцати миллионов в цивилизованных странах (но, вероятно, еще больше), а покалечено в различных странах людей втрое больше, чем убито. Наша цивилизация действительно зашла потрясающе далеко. Но все это надлежит распознать как внешние проявления, истоки которых следует искать в том, что происходит в человеческих душах при их противостоянии духовному миру, который стремится к прорыву к человеческому существу, чтобы повести его в будущее. Теперь все вещи должны рассматриваться с этой точки зрения, т. е. все глубже, поистине глубже.

Сегодня можно сказать, что многое из того, что произошло, было бы, пожалуй, понятно и выражено вернее при изменении самих точек зрения. Сейчас я, не выбирая выражений, говорю нечто, что призвано вполне злобно закончить эту лекцию; ведь вообще нюансы этих трех лекций были определены присутствием здесь некоторого числа наших английских друзей, что доставило нам глубокое удовлетворение. Так что сегодня можно говорить о "победителях" и "побежденных". Эта точка зрения, привлекающая теперь особенное внимание, но, пожалуй не самая важная. Другая точка зрения гораздо важнее, и она могла бы исходить из следующего положения.

Я здесь однажды на этом самом месте говорил о Ферхере фон Штейнванде\*из "Цыган", встречи и размышления, 1859. Статьи из наследия в собрании сочинений Ферхера фон Штейнванда в 3-х томах, Вена, 1903 (том 3. стр. 365 след.). Зачитано Рудольфом Штейнером в Дорнахе 3 ноября 1918 г. (третья лекция в "Эволюционно-исторических основах для образования социального суждения". ПСС, т. 185а). — ТОМ немецко-австрийском поэте, который в 50-х годах XIX столетия высказался о будущем немецкого народа. Этот его доклад примечателен уже потому, что был прочитан в присутствии тогдашнего короля Саксонии и его министров. В те 50-е годы Ферхер фон Штейнванд сказал о том, что немецкому народу предназначено в будущем представлять что-то подобное тогдашним цыганам. Это было глубокое проникновение Ферхера фон Штейнванда в грядущее развитие человечества. На эти вещи можно взглянуть с полной объективностью. И тогда, пожалуй, мы изберем другую точку зрения вместо тех, которые распространены теперь. Спрашивается: как, собственно, обстоит дело с так называемыми "побежденными" и так называемыми "победителями"? Какие изменения произошли с ними самими?

Так вот, единственным победителем является ведь англо-американизм. И этот англо-американизм, благодаря тем силам, которые я здесь часто открыто характеризовал\*\*\*См., например, "Основное социальное требование нашего времени" (ПСС, т. 186)., предназначен к будущему мировому господству.

Тут можно задать следующий вопрос: раз немецкий народ будет исключен из участия в тех вещах, в силу которых будет достигнуто в будущем господство над внешним миром, что же тогда, собственно, произойдет с ним? Тогда с немецкого народа (но, разумеется, не с отдельных личностей) спадет общенародная ответственность за дальнейшие события, которые произойдут с человечеством. Не индивидуальная ответственность, но общенародная ответственность спадет с тех, которые повержены, а это вы и есть. Опять подняться вы не сможете. Все то, что говорится в этом направлении, это близорукость. Итак, ответственность за дальнейшие события снимается с немецкого народа. Но тем большей становится ответственность с другой стороны. На нее ляжет настоящая ответственность. Внешнее господство достижимо слишком легко. Оно достигается посредством сил, приобретение которых не является собственной заслугой. Подобно действию крайней природной необходимости, осуществляется передача внешнего господства. Но ответственность, какая тогда возлагается на человеческие души, становится глубоко значительной. Ибо следующий вопрос уже стоит начертанным в книге судеб человечества: найдется ли у тех, которым внешнее господство достанется как бы под действием внешней необходимости, достаточно большое число таких людей,

которые чувствуют свою ответственность зато, чтобы импульсы спиритуальной жизни были снесены в это чисто внешнее материалистическое господство (ибо не следует обманываться, что это господство станет чисто внешним, материалистическим), в этот апогей материалистического господства? — И с этим нельзя слишком медлить! Середина этого столетия есть весьма важный пункт в ходе времени. Тем людям, которые, словно действием внешней природной необходимости будут избраны осуществить господство материализма (ибо это господство станет господством материализма) во внешнем земном мире, надо почувствовать всю тяжесть падающей на них ответственности. Ибо это господство материализма одновременно несет в себе зачаток разрушения — разрушения, которое, раз начавшись, уже не прекратится. И достигнуть внешнего господства теперь означает для людей взять на себя силы разрушения, силы, приносящие болезни, — и жить в них. Ибо то, что введет человечество в будущее, произойдет из нового зачатка духа. Но его надо взрастить. И ответственность за это падает как раз на ту сторону, которой достается мировое господство.

Об этих вещах ныне не годится думать недостаточно серьезно. В эти вещи надо вдуматься основательно; эти вещи нельзя трактовать кажущимся образом спиритуально, а в действительности материалистически. Два мнения можно теперь услышать довольно часто. Одного из них придерживаются люди, которые говорят: ах, что вы там говорите о социальных идеях! Из идей никогда не получится хлеба! — Это дешевое возражение, которое ныне встречается очень часто. А другое мнение выступает, когда говорят: если люди опять работают, тогда все хорошо; тогда социальный вопрос принимает другой вид. — Оба эти мнения суть замаскированный материализм, ибо оба они исходят из отрицания духовной жизни.

Прежде всего, чем отличаемся мы от мира животных? Животные бродят туда-сюда, добывают себе свою пищу, поскольку она есть, следуя своим природным инстинктам. Если пищи оказывается недостаточно, им приходится голодать. В чем превосходит животных человек? Он работает над производством пищи. В то мгновение, когда он начинает работать, у него начинают возникать идеи. И в то самое мгновение, когда у него возникают идеи, возникает также социальный вопрос. И когда человек должен работать, то ему надо иметь побуждение к работе. Те побуждения, которые были до сих пор, не будут больше существовать в будущем; для выполнения работы потребуются новые побуждения. И тут не может быть даже вопроса о состоятельности мнения — если люди работают, то все опять пойдет хорошо; нет, если людям, исходя из чувства ответственности перед всем миром, дадут идеи, которые окрылят их души, тогда те силы, которые произойдут из этих идей, перейдут в руки и волю людей — и возникнет работа. По все зависит от идей. А сами идеи зависят от того, будем ли мы держать наши сердца открытыми для импульсов духовного мира.

Ныне надо больше говорить об ответственности и о значении идей. Поэтому я захотел придать сегодняшней лекции как раз этот нюанс.

Раз уж не судьба мне сегодня уехать отсюда, хотя и собирался, то мы можем собраться здесь еще раз завтра, в восемь часов утра. Я хочу специально говорить с антропологической, с духовнонаучной, оккультной точки зрения об основе социального вопроса. Так что я до своего отъезда смогу сказать нашим друзьям еще и о социальном вопросе. Но я буду касаться более глубоких основ социального вопроса и разъяснять его с духовнонаучной точки зрения.

## ДВЕНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

*Дорнах, 15 декабря 1919 г.*

Задачи, которые поставлены перед человечеством современности и ближайшего будущего, имеют решающее значение, являются крайне важными, великими. Поэтому речь идет о том, что требуется действительно крепкое душевное мужество для того, чтобы удалось что-то сделать, чтобы справиться с ними. Тому, кто вглядывается сегодня в эти задачи и стремится достигнуть действительно проникновения в нужды человечества, часто приходится думать о той поверхностной легкости, с какой люди трактуют ныне общественные, так называемые общественные интересы; можно сказать, что люди ныне рассуждают о политике, предаваясь радужным мечтаниям. Исходя из какой-нибудь пары эмоций, из пары совсем эгоистических или народно-эгоистических точек зрения, люди образуют себе взгляды на жизнь в то время, как перед лицом всей серьезности

современного положения вещей им надлежало бы иметь горячее стремление обрести фактическую базу для здравого суждения. В течение последних месяцев и даже лет я читал лекции о различных предметах, в том числе также о текущих событиях и требованиях настоящего времени\*\*См. прежде всего появившееся в ПСС серии томов: "Космическая и человеческая история" (тома 170-174а); "Духовные подосновы социального вопроса" (тома 189-191), а также другие циклы лекций 1917-1919 гг.; в своих рассуждениях я всегда имел целью привести факты, зная о которых, люди оказались бы в состоянии сами образовать себе суждения, а не принимать готовых суждений. Речь сегодня идет о том, чтобы иметь горячее стремление учиться иметь реальную основу для суждения. Я должен сказать это в особенности потому, что те различные высказывания, те различные публикации, которые я сделал в отношении так называемого социального вопроса и трехчленного строения социального организма\*\*\*См. предыдущее замечание, а также "Поворотный пункт социального вопроса" (ПСС, т.23) и "Статьи о трехчленности социального организма" (ПСС, т.24)., были, как это с очевидностью можно заметить, в действительности восприняты недостаточно серьезно; в отношении этих вещей было поставлено слишком мало вопросов по части весомости фактических основ. Нынешние люди с великим трудом обращаются к этим фактическим основам, ибо они — хотя они в этом не хотят признаться, — во всех областях жизни суть лишь теоретики. Те самые, кто ныне в наибольшей мере воображают о себе, почитая себя людьми практики, как раз и являются закоренелыми теоретиками; ибо они обычно довольствуются тем, чтобы образовать себе какую-нибудь пару представлений о жизни, всего лишь несколько представлений и, исходя из этих нескольких представлений о жизни, хотят выносить суждения об этой жизни; между тем ныне только при реальном всестороннем и всеобъемлющем подходе к жизни можно достигнуть основательного суждения о том, что необходимо. Можно сказать, что сегодня в известном смысле наблюдается по меньшей мере интеллектуальное легкомыслие, когда, не обладая фактическими основаниями, рассуждают о политике, предаваясь радужным мечтаниям, или фантазируют о человеческой жизни. Поэтому ныне надо пожелать из глубины души прежде всего серьезности.

Когда же, учение о трехчленном строении социального организма предстает в новейшее время перед миром, в некотором смысле, как другая сторона, как практическая сторона нашего духовнонаучного устремления, то дело обстоит так, что уже весь сам способ мышления и представления, который господствует при разработке нами этого учения о трехчленном строении социального организма, встречается с предрассудками людей и их предубеждениями. Эти предрассудки, в особенности эти предубеждения, — откуда они происходят? — Нынешний человек образует себе представления о том, что является истинным (я сейчас говорю именно о социальной жизни), что такое добро и справедливость, что оказывается полезным и т. д. И когда он образовал себе известные представления, тогда он придерживается мнения, что эти представления имеют абсолютную ценность повсюду и всегда. Например, если взять кого-либо из социалистически ориентированных людей Западной, Центральной или Восточной Европы, то он имеет вполне определенные социалистически сформулированные идеалы. Но что за представления имеет он в качестве подоплеки этих социалистически сформулированных идеалов? В качестве подоплеки он имеет следующее основное представление: то, что он может представить себе как удовлетворяющее его, — это должно, мол, удовлетворить всех людей на всей земле и это должно сохранить свое значение на все дальнейшие времена существования Земли. А о том, что все идеи, имеющие значение для социальной жизни, должны быть рождены из основного характера той или иной эпохи, а также той или иной страны, — об этом нынешние люди не имеют почти никакого ощущения. Поэтому не легко приходят также к пониманию того, насколько это необходимо, чтобы внедрение трехчленного строения социального организма в нашу теперешнюю европейскую культуру, с ее американским довлечением, происходило бы с различными нюансами. Если оно будет внедрено, тогда уже само собой произойдет его нюансирование в отношении пространства, т. е. в отношении различных стран с их населением. И кроме того по прошествии определенного времени, когда в силу происходящего процесса эволюции человечества, идеи и мысли, изложенные в моих "Основных пунктах социального вопроса", не будут больше иметь своего значения, тогда должны будут быть найдены иные.

Тут речь идет не о мыслях, имеющих абсолютное значение, но о мыслях, предназначенных для современности и для ближайшего будущего человечества.

Однако чтобы уловить всю важность того, насколько теперь необходимо это тройное расчленение социального организма на самостоятельную духовную жизнь, самостоятельную правовую и государственную жизнь, самостоятельную хозяйственную жизнь, надо однажды бросить непредвзятый взгляд на то, каким образом в нашей европейски-американской цивилизации установилось взаимодействие духа, государства и хозяйства. В этом переплетении различных нитей — духовных нитей, правовых или государственных, хозяйственных — разобраться вовсе нелегко. Наша культура, наша цивилизация есть некий клубок, сплетенный из нитей трех родов совсем различного происхождения. Наша духовная жизнь, по существу, совсем другого происхождения, чем наша правовая или государственная жизнь, и опять-таки совсем иного происхождения наша хозяйственная жизнь. И эти три течения, различные по своему происхождению, хаотически переплелись между собой. Сегодня я, конечно, могу лишь эскизно обрисовать все это, поскольку я хотел бы вкратце проследить каждое из этих трех течений до их первоисточков.

Наша духовная жизнь (как она прежде всего предстает перед взором того, кто эти вещи действительно воспринимает с их внешней стороны, со стороны мира внешних чувств) усваивается людьми благодаря тому, что эти люди дают воздействовать на себя продолжению древнегреческой и римской культурной жизни, продолжению греко-латинской духовной жизни — такой, как она в первую очередь влиялась через то, что позднее сделалось нашими гимназиями, нашими университетами. Ибо все наше остальное так называемое гуманитарное образование — вплоть до нашей народной школы — полностью зависело от того, что как некое течение, так сказать, вливалось сюда, происходя в первую очередь от греческого элемента (Рисунок 34, оранжевый). Ибо то, что есть у нас как духовная жизнь, как наша европейская духовная жизнь, имеет в первую очередь греческое происхождение, лишь пройдя потом через латинский промежуточный этап. Правда, в новейшее время к этой греческого происхождения духовной жизни примешалось нечто другое, ведущее свое происхождение от того, что мы называем техникой самых различных областей, которая еще не была доступна грекам; это техника механического производства, техника торгового дела и т. д. Я мог бы сказать, что к нашим университетам прибавились высшие технические учебные заведения, коммерческие школы и т. д., привнося элемент, принадлежащий новейшему времени, к тому, что вливается в наши души благодаря нашим гуманитарным школам с их греческой традицией — вливается не только в души людей, принадлежащих к классу так называемых образованных. Ибо также и то, что ныне является социалистическими теориями, что бродит в головах пролетариев, есть только некое ответвление того, что собственно ведет свое происхождение от греческой духовной жизни; оно только прошло через различные метафизические фазы. Однако сама эта греческая духовная жизнь по своему происхождению восходит к древнему Востоку. И то самое, что мы находим у Платона, находим у Гераклита, Пифагора, Эмпедокла и в особенности у Анаксагора — все это по своему происхождению восходит к древнему Востоку. То самое, что мы находим у Эсхила, Софокла, Эврипида, а также у Фидия, восходит к древнему Востоку. Греческая культура по своему происхождению восходит к древнему Востоку. Она проделала значительное преобразование на своем пути с Востока в Грецию. Там, на Востоке, эта духовная культура была гораздо спиритуальнее по сравнению с той, какой она стала в древней Греции; и на Востоке она была плодом того, что можно назвать мистериями духа, — я могу назвать их также мистериями света (рисунок 34). Уже процеженной и рафинированной была греческая духовная жизнь по сравнению с той, которая в соответствии с ее происхождением называется восточной духовной жизнью. Эта последняя основывалась на совсем особенных духовных опытах. Если бы мне надо было описать вам эти духовные опыты, то я должен был бы охарактеризовать их следующим образом.

Тут мы, естественно, должны обратиться к доисторическим временам, ибо мистерии света или мистерии духа суть полностью доисторические явления. Если я должен описать вам характер этой духовной жизни, какой она образовалась, то я могу сказать вам следующее. Вы ведь знаете, что чем дальше мы идем назад, проследивая ход эволюции человечества, тем все больше и больше находим у людей древних времен некое атавистическое ясновидение, некое сновидческое ясновидение, благодаря которому им открывались тайны вселенной. И мы говорим

совершенно верно, когда говорим, что в III — VII тысячелетиях до Мистерии Голгофы по всей цивилизованной части Азии жили люди, природному ясновидению которых, связанному с кровью, с телесной организацией, открывались духовные истины. Этим обладало довольно широко географически распространенное население. Но это атавистическое ясновидение находилось на пути нисходящего развития, деградации; оно все больше и больше приходило в упадок. И этот процесс упадка атавистического ясновидения есть не только культурно-историческое явление, но одновременно есть также явление, принадлежащее социальной жизни человечества.

Почему же? Потому, что из этой широкой массы тогдашнего населения, исходя из различных центров, но преимущественно из одного центра в Азии, неким образом выделяется особый род людей, обладавших особыми способностями. Эти люди, кроме остатков атавистического ясновидения (изнутри их душевной жизни еще поднималось сновидческое постижение тайн мира), обладали еще тем, что мы называем способностью мыслить, силой мысли. Они первыми из людей в ходе развития человечества обладали впервые забрезжившим разумом.

Это было значительным социальным явлением, когда люди тех древних времен, которые не обладали ничем, кроме ясновидчески возникавших видений, открывавших тайны мирового бытия, видели неких пришельцев в их страны — пришельцев, которых они могли еще понимать, так как те тоже имели видения, но которые имели уже нечто такое, чем местное население не обладало, а именно силу мысли. Это были люди особенного сорта. В Индии на ту касту, которую называли кастой браманов, смотрели как на потомков тех людей, которые соединяли с атавистическим ясновидением силу мысли. И когда эти пришельцы спускались в южные страны Азии из ее более северных горных областей, то они именовались арийцами. Это и есть арийская народность. Их изначальным признаком было то, что они соединяли (если я смею теперь воспользоваться гораздо более поздним выражением) с "плебейскими" способностями атавистического ясновидения силу мысли.

И те мистерии, которые называются мистериями духа Или и в особенности — мистериями света, были основаны такими людьми, которые соединяли атавистическое ясновидение с первой вспышкой разума, внутреннего света в Человеке. И неким боковым отростком того, что вошло тогда в человечество, подобно светоносной искре, является наше духовное образование, но именно — всего лишь боковым отростком.

У человечества кое-что сохранилось из того, что тогда ему открылось. Но надо учесть, что уже среди греков, и как раз у более образованных греков, наблюдалось угасание древнейшего атавистического дара ясновидения и что им отныне оставалась способность мышления. А римлянам оставалась только способность мышления. У греков еще наличествовало сознание того, что также и сила мысли происходит из того же самого источника, из которого происходило древнее атавистическое ясновидение. Поэтому еще Сократ вполне мог говорить, как о том, что он знал из непосредственного переживания, — о своем демоне\**Платон, Федр, 242*, который ему подсказывал его, впрочем, лишь диалектические, разумные истины.

Греки также в художественной форме явили это обособление или, лучше сказать, вырастание людей, становящихся носителями разумности, из остального человечества. Ибо греки имели в своей пластике (это обнаруживается, если изучить ее точнее) три различных, сильно отличающихся друг от друга человеческих типа. Они имели прежде всего арийский тип с головой Аполлона, головой Афины-Паллады, головой Зевса, головой Геры. Достаточно сравнить уши Аполлона с ушами Меркурия или нос Аполлона с носом Меркурия, чтобы заметить, что Меркурий представляет собой другой человеческий тип. Грек хотел показать, как в типе Меркурия слилось в греческой среде с разумностью то, что было древним ясновидением, что тогда продолжало еще жить как суеверие, как образованность низшего рода, выше чего стоял ариец, художественным олицетворением которого была голова Зевса, голова Афины-Паллады и т. Д-И совсем низко стоящие, с глухими остатками древнего ясновидения народности, которые тогда также еще жили в Греции, но воспринимались греками как находящиеся на периферии собственно Греции, опять-таки сохранились в виде иного типа, созданного в греческой пластике. Это — тип сатира, снова совсем другой по сравнению с типом Меркурия. Сравните только нос сатира с носом Меркурия, уши сатира с ушами Меркурия и так далее. Грек выразил

в своем искусстве то самое, что он нес в своем сознании о своем собственном становлении.

То, что, происходя из мистерий духа или света, постепенно прошло через фильтр Греции и затем дошло до новейшего времени, обладало некоторой особенностью как духовная культура; а именно, будучи духовной культурой, оно обладало такой ударной силой, что могло одновременно стать основой правовой жизни людей. Поэтому, с одной стороны, есть откровение богов в мистериях, которые несут человеку дух, а с другой стороны — внесение этого полученного от богов духовного во внешний социальный организм приводит к теократии. Все тогда восходит к теократии, зависит от теократии. И эти теократии были не только в состоянии, исходя из мудрости мистерий, пронизать свой социальный строй правовой жизнью, политической жизнью, но могли также, исходя из духа, регулировать и хозяйственную жизнь. Жрецы храмов мистерий света в то же время управляли экономической, хозяйственной жизнью их области. Они осуществляли по правилам мистерий. Они возводили здания, прокладывали каналы, сооружали мосты, они заботились также об обработке земли и т. д.

В древние времена это была культура, полностью происходящая из духовной жизни. Но с ходом времени эта культура подверглась процессу абстрагирования. Из духовной жизни она все больше и больше становилась некой суммой идей. В Средние века она является уже теологией, т. е. некой суммой понятий, заступивших место древней духовной жизни и лишь указывавших на нее; ибо эта теология больше не была непосредственно связана с самой духовной жизнью, оставаясь в сфере абстракций и сделавшись принадлежностью папской курии. Если же мы направим взгляд в далекое прошлое на древние теократии, то найдем, что тогда правителем делался тот, кому это поручалось богами Мистерий. Наследником этого стал западноевропейский король. При взгляде на него вовсе не заметно, что он есть наследник того правителя времен теократии, на которого сан возлагался богами мистерий. Все, что осталось у западноевропейского короля, — так это корона и королевская мантия. Они суть внешние знаки его достоинства и позднее они становятся орденами. Из титулов можно еще порой усмотреть, если обладаешь пониманием таких вещей, что по своему происхождению они восходят к временам мистерий. Но теперь все сделалось внешним.

Едва ли менее внешним оказывается то, что через наши гимназии и университеты изливается на людей как духовная культура — как последний отзвук божественных пророчеств, которые некогда исходили из мистерий. Эта духовная жизнь вливается в нашу жизнь, но сделавшись уже чем-то совсем абстрактным — превратившись во всего лишь жизнь представлений. Она стала тем, о чем социалистически настроенные круги людей могли в конце концов сказать: духовная жизнь стала идеологией, т. е. некой суммой идей, которая суть всего лишь идеи. К этому состоянию действительно пришла наша духовная жизнь.

Внутри этой духовной жизни развивалось то самое, что есть теперешний социальный хаос; ибо духовная жизнь сделалась настолько профильтрованной, настолько абстрактной, что утратила всякую силу. И мы призываем к тому, чтобы снова поставить духовную жизнь на ее собственную почву, ибо только тогда она может стать благотворной. Мы должны найти путь от теоретизирования о духе к духу творящему. Это мы можем сделать только тогда, когда стараемся вместо огосударственной духовной жизни создать свободную духовную жизнь, которая тогда возымеет силу опять пробудиться к жизни. Ибо ни духовная жизнь, связанная путями, наложенными церковью, ни духовная жизнь, благонадежность которой охраняется государством, ни духовная жизнь, которая задыхается под давлением экономики, не может быть плодотворной для человечества, плодотворной может стать только на самой себе зиждущаяся духовная жизнь.

Да, сегодня настало то время, чтобы нам внести мужество в наши души и напрямик, без обиняков выступить перед всем миром с заявлением, что духовная жизнь должна быть поставлена на свою собственную почву. Многие люди спрашивают сегодня: что же мы должны делать? — Ближайшая задача, за которую надо браться, это разъяснить людям, что именно теперь необходимо человечеству. Задача в том, чтобы мы могли обрести как можно больше таких людей, которые увидят, насколько необходимо, например, поставить духовную жизнь на ее собственную почву, чтобы мы могли обрести как можно больше людей, которые увидят, что то, что стало в XIX столетии педагогической для народной, средней и

высшей школы, не может дальше служить для блага людей и что педагогика должна быть выстроена заново, исходя из свободной духовной жизни. В душах людей ныне еще мало мужества для того, чтобы выдвигать это требование действительно радикальным образом, и это можно будет лишь при условии, что мы будем работать над тем, чтобы как можно больше людей узрело настоящее положение вещей. Всякая другая социальная работа является ныне лишь подготовительной для этой. Вот что теперь является самым важным — работать над тем, чтобы все больше и больше людей с пониманием вникло в нынешние социальные нужды, одной из которых является только что охарактеризованная. Наша задача заключается в том, чтобы всеми доступными нам средствами разъяснить людям, — вот от чего сегодня зависит столь многое.

Мы еще не стали творчески продуктивными в духовной жизни, и мы впервые станем продуктивны на почве духовной жизни. Начатки этого налицо (я потом скажу об этом), но в общем мы еще не стали творчески производительными в духовной жизни. Мы должны добиваться этого на пути придания духовной жизни ее полной самостоятельности.

Все, что возникает на земле, оставляет после себя остатки. Мистерии света в нынешней восточной культуре, в восточной духовной жизни меньше подверглись фильтрации, чем в странах Запада, но, тем не менее, они теперь уже больше не то, чем они были в древние времена, о которых я сейчас говорил. Однако если изучить то, чем еще ныне обладают духовно индусы, чем духовно обладают восточные буддисты, то там гораздо скорее, чем в Европе, можно найти отзвук того, из чего мы сами почерпнули нашу духовную жизнь, но только там, в Азии, это сохранилось от Древней ступени развития человечества. А мы, европейцы, духовно непродуктивны, в высокой степени непродуктивны. Когда в Западной Европе стало распространяться известие о Мистерии Голгофы, то откуда брали греческие, латинские ученые понятия для постижения Мистерии Голгофы? Они брали их из восточной мудрости. Не Западная Европа произвела христианство, она заимствовала его с Востока.

И еще другое: когда духовная культура в странах андрийского языка почувствовала себя довольно бесплодной и жаждала оплодотворения от духовной жизни, тогда теософы отправились к угнетенным Англией индусам и искали там источники для их новейшей теософии\**Основанное в 1875 году в Нью-Йорке Теософское общество через несколько лет перенесло свою штаб-квартиру в Адьяр, под Бомбеем, в Индии Его основоположница Е П Блаватская, в своем первом труде "Разоблаченная Изида", еще связанная с западным оккультизмом, все более следовала индийской мудрости Ср Рудольф Штейнер "Оккультное движение в XIX веке и его отношение к мировой культуре" (ПСС, т. 254).* Для того самое, чего они искали, чтобы обогатить свою духовную жизнь, не находилось никаких плодородных источников в их собственной жизни, и они отправились на Восток. Наряду с этим показательным фактом можно найти еще много доказательств бесплодности духовной жизни в странах Запада. И каждое доказательство бесплодности духовной жизни в странах Запада есть в то же время доказательство необходимости самостоятельной духовной жизни в составе трезвого социального организма.

Вторым течением в составе запутанного клубка, каким является современное общество, оказывается государственное или правовое течение. Это второе течение есть своего рода дубинка, действующая в нашей культуре. Деятели этого течения являются, например, наш почтенный судья, восседающий на своем судейском месте и вместе с присяжными заседателями выносящий приговоры за преступления и провинности, или государственный чиновник, ведающий вместе с его бюрократическим штатом управлением в нашем цивилизованном мире, — на горе управляемых им людей. Все то, что мы называем юриспруденцией, что мы называем государством, и все то, что возникает из связи государства с Юриспруденцией как политика, — это и есть второе течение (рисунок 34, белое). Это я мог бы назвать течением духовной жизни (оранжевый), а это — правовым, или государственным течением (белый).

Откуда происходит это второе течение? — Конечно, оно также восходит к древней культуре мистерий. Оно восходит к египетской культуре мистерий, которая прошла через страны южной Европы, а затем прошла через трезво-сухое, лишенное дара фантазии существо римлян, соединилось в этом лишенном дара фантазии существо римлян с побочным ответвлением восточной сущности и тогда сделалось католическим христианством, вернее сказать, католической церковностью (см. рисунок 34). Эта католическая церковность в сущности есть не что иное как (если

выражаться радикально) своего рода юриспруденция. Ибо, начиная с отдельных догм и вплоть до догмы мощного, величавого судилища, который в течение всего средневековья именовался "Страшным судом", в некое собрание мировых дел с их мировыми приговорами и мировыми карами, с грешниками, с добрыми и злыми людьми превратилась совсем иная типологически духовная жизнь Востока, чей египетский вклад происходил из мистерий пространства. Это и есть юриспруденция. Это и есть тот второй элемент, который живет внутри запутанного клубка, называемого нашей цивилизацией, и который никоим образом не связан органически с первым элементом. В этом может убедиться каждый, зайдя однажды в университет и прослушав сначала лекцию юриста о государственном праве, а затем лекцию теолога хотя бы о каноническом праве. Эти вещи лежат рядом друг с другом, но не более того. Тем не менее они оказывали свое воздействие на людей, формируя их. Даже в более поздние времена, когда о происхождении этих вещей позабыли, они еще формировали человеческие характеры. На позднейшую духовную жизнь правовая жизнь действовала в сторону дальнейшего абстрагирования, но во внешней жизни людей она творила человеческие нравы, человеческие привычки, человеческие учреждения. А то, что в упадочном духовном течении Востока было его крайним социальным последствием, — что это такое? Это есть феодальная аристократия, хотя об этом ее происхождении больше не знают (см. рисунок 34). У дворянина вы не сможете заметить чего-либо выдающего его происхождение от восточной теократической жизни, ибо все это он давно сбросил с себя, — еще осталась лишь былая социальная конфигурация. А журналистская башковитость, которая порой принимает кошмарные формы! Такие кошмарные формы встречаются в наше время, и они подыскали ему забавное словечко, которым особенно гордятся: "духовная аристократия". А то самое, что, пройдя через римскую церковную установку, пройдя через теократизирующую юриспруденцию, через впадающую в юриспруденцию теократию, затем становится совсем мирским и светским в новое время, — что это такое в его последнем проявлении? Это — буржуазия (см. рисунок 34). И так неразрывно между людьми эти духовные силы в их самом крайнем проявлении проникают друг друга.

С этим уже связывается еще третье течение. Если вы ныне наблюдаете его, то где оно внешне выступает особенно характерным образом (см. рисунок 34, красный)? Как раз в Центральной Европе существовал способ сделать наглядным то, как крайние проявления одного происходят первоначально из другого. Это имело место тогда, когда житель Центральной Европы посылал своего сына в Лондон или в Нью-Йорк, чтобы, работая там в конторе или бюро, он научился ведению дел. В приемах ведения хозяйственной жизни, происхождение которых связано с народными привычками англо-американского мира, мы можем усмотреть последнее выражение того, что развилось в своих крайних проявлениях из тех мистерий, которые я хотел бы назвать мистериями земли; их замечательной разновидностью были, например, мистерии друидов. Эти мистерии земные в доисторические времена существования европейского населения еще заключали в себе своеобразный род жизненной мудрости. Тогдашнее население Европы было совсем варварским, ничего не зная из откровений восточной мудрости, из откровений мистерий пространства, а позднее сопротивляясь тому, что стало католицизмом; этому населению Европы, которое сопротивлялось распространяющемуся христианству, был присущ своеобразный род жизненной мудрости, какая была целиком и полностью физической мудростью. Лишь самые внешние обычаи, которые еще давались от всего этого, можно проследить исторически: в ходе истории этого течения они запечатлелись в праздниках тех народностей, из среды которых произошли деловые приемы, привычки англичан и американцев. Эти праздники были здесь связаны с совсем иными закономерностями, чем в древнем Египте, где урожай хлеба связывался с небесными светилами. Здесь же праздновался сбор урожая как такового; и с совсем другими вещами, чем там, в древнем Египте, — с вещами, которые полностью принадлежат хозяйственной жизни, — были связаны главные праздники года. Мы встречаемся здесь с тем, что полностью основывается на хозяйственной жизни, что происходит из нее. И если мы хотим постичь самый дух этого течения, то мы должны сказать себе следующее: из стран Азии и из стран Юга людям насаждалась духовная жизнь и правовая жизнь, которые давались свыше и ниспосылались на землю. А тут в третьем течении развивается хозяйственная жизнь; она должна

взрастить то, что первоначально в своих духовных устремлениях, в своих правовых обычаях было исключительно хозяйственной жизнью, — настолько, что, например, один из особенных праздников года был посвящен случке скота и праздновался в честь богов. Существовали еще подобные же праздники, введенные полностью из хозяйственной жизни. Если мы направимся в области Центральной России, средней России, Швеции, Норвегии или в те области, которые до недавнего времени принадлежали Германии, во Францию, по меньшей мере в северо-восточную Францию и в теперешнюю Великобританию, то мы повсюду найдем там население, которое, во всяком случае до распространения христианства, обладало в прошлые времена отчетливо выраженной хозяйственной культурой. И то, что там можно еще найти — как старые обычаи, празднества, особенности религиозных праздников, — все это есть отзвук той древней хозяйственной культуры.

### Рисунок

Эта хозяйственная культура встречается с тем, что приходит с другой стороны. Поначалу эта хозяйственная культура не вела к тому, чтобы развивать самостоятельную правовую жизнь и самостоятельную духовную жизнь. Первоначальные правовые навыки были оставлены в результате проникновения римского права; первоначальные духовные навыки были оставлены в результате проникновения греческой духовной жизни. Так эта хозяйственная жизнь стала стерильной, но она шаг за шагом работает над тем, чтобы снова стать плодородной; однако она сможет этого добиться лишь тогда, если преодолит хаотичность, вносимую извне воспринятыми и чуждыми ей духовной жизнью и правовой жизнью. Возьмем нынешнюю англо-американскую духовную жизнь. В этой англо-американской духовной жизни мы найдем два рода вещей, очень сильно отличающихся друг от друга. Во-первых, там в англо-американской духовной жизни мы имеем повсюду гораздо больше, чем где-либо на земле, так называемых тайных обществ, которые обладают довольно сильным влиянием — гораздо большим, чем об этом известно людям. Они целиком являются хранителями старой духовной жизни и они гордятся быть хранителями египетской или восточной духовной жизни, однако эта предняя имеется у них уже в совершенно процеженном состоянии, — так сказать, сублимированной в символы, которых больше не понимают, но, тем не менее, это дает в распоряжение верхушки тайных обществ довольно большую власть. Впрочем, это есть старая духовная жизнь, а не собственная духовная жизнь, выросшая на англо-американской почве. Наряду с ней там есть духовная жизнь, которая полностью произрастает из почвы хозяйственной жизни, но пока она приносит лишь маленькие цветочки, — редкие маленькие цветочки распускаются на почве хозяйственной жизни.

### Рисунок

Кто может исследовать и понять такие вещи, тот хорошо знает, что Локк, Ог, Милль, Спенсер, Дарвин\* — Джонн Локк (1632—1704) — английский философ Давид Юм (1711 — 1776) — шотландский философ и историк Джон Стюарт Милль (1806—1873) — английский философ и политик Герберт Спенсер (1820—1903) — английский философ Чарльз Роберт Дарвин (1809 — 1882) — английский естествоиспытатель, основоположник учения о Происхождении видов, названного его именем. и др. суть эти цветочки, выросшие на почве хозяйственной жизни. Можно совершенно точно идеи, например, Милля, идеи Спенсера обрести из хозяйственной жизни. Социал-демократия подняла это до степени теории и рассматривает духовную жизнь как некий придаток хозяйственной жизни. Это положение, мол, извлечено из так называемой практической жизни, но на самом деле — из житейской рутины, а не из реальной жизненной практики. Таким образом, там шествуют рядом друг с другом такие учения, как дарвинизм, спенсеризм, юмизм, а равно и процеженные учения мистериального происхождения, которые затем находят свое продолжение в различных склонных к сектантству организациях, вроде Теософского общества, квакеров и т. д. Хозяйственная жизнь, которая хочет подняться ввысь, выросла на своей почве пока еще маленькие цветочки и в этом своем начинании еще не продвинулась сколько-нибудь далеко. То, что там теперь есть как духовная жизнь и как правовая жизнь, — это суть чужие цветы. И этих чужих цветов тем больше, — прошу обратить на это ваше внимание, — чем больше мы перемещаемся в сфере европейской цивилизации на Запад.

В центральной же Европе всегда существовало нечто такое, что я мог бы назвать как бы самозащитой, борьбой против греческой духовной жизни, с одной

стороны, и против римско-католической правовой жизни, с другой стороны. Тут вроде бы нечто словно восставало. Примером такого восстания является философия, разработанная в Центральной Европе. В Англии на самом деле, собственно, ничего не знают об этой философии. Гегель в действительности не поддается переводу на английский язык — это невозможно. Там ничего не знают о нем. Немецкую философию ведь называют в Англии "германизмом" и подразумевают под этим что-то такое, чего не может постигнуть разумный человек. Но именно в этой немецкой философии, за исключением одного эпизода, а именно — когда Кант был основательно подпорчен Юмом и этот отвратительный канто-юмовский элемент был внесен в немецкую философию, что наделало в головах средневропейского человечества столько неисчислимых бед, — мы имеем, за исключением эпизода с Кантом и как раз после него, позднейший ее расцвет, когда она восстает в Фихте, Шеллинге, Гегеле\*\**Георг Фридрих Вильгельм Гегель (1770-1831), Иммануил Кант (1724-1804), Иоганн Готлиб Фихте (1767-1814), Вильгельм Йозеф фон Шеллинг (1775—1854) - великие немецкие философы XVIII — XIX веков (Ср Рудольф Штейнер "Загадки философии" (ПСС, т 18), а также "О загадке человека" (ПСС, т 20).* И мы имеем уже в Гёте поиск в направлении свободной духовной жизни, ибо он ничего больше не хотел знать о том последнем отзвуке римско-католической юриспруденции, который есть в том, что называют "законами природы". Вам надо почувствовать, что не только в странной шапке и магии, которые по устарелой традиции все еще должен одевать судья при исполнении своих обязанностей (и об отмене чего подают петиции сами судьи), еще сказывается юридический принцип, но равным образом — и в "законах природы" естествознания; отсюда — сам термин "закон". Само выражение "закон природы" не имело никакого смысла для гётевского естествознания, которое работало только с первофеноменами, с первичными фактами. Гётевское естествознание является собой первую решительную борьбу, первое продвижение в направлении к свободной духовной жизни, хотя, естественно, тогда все это осталось на своей начальной стадии. И в этой Центральной Европе есть даже уже первый толчок в направлении к самостоятельной правовой или государственной жизни. Прочтите одно сочинение Вильгельма фон Гумбольдта — человека, который даже был прусским министром просвещения. Когда-то — не знаю, сколько лет, — в "Универсальной библиотеке" издательства "Рекампа" оно стоило каких-то двадцать пфеннигов. Прочтите его сочинение "Идеи, относящиеся к попытке определить границы деятельности государства", и вы увидите там первое начинание, ставящее задачу сконструировать самостоятельную правовую или государственную жизнь, сформулировать самостоятельность собственно политической сферы. Конечно, это не могло остаться лишь начатками. Эти начинания мы находим в первой половине XIX столетия и даже в конце XVIII. Но надо подумать о том, что все-таки в этой Центральной Европе наличествуют важные импульсы — и импульсы, которые не следует оставлять без внимания и которые могут влиться в общий импульс трехчленного строения социального организма.

Ницше в одной из своих первых книг сформулировал изречение, которое я процитировал на первых же страницах моей книги о Ницше\*\**Фридрих Ницше — борец против своего времени" (1895) (ПСС, т.5)* и в котором предощущается нечто от трагической судьбы немецкой духовной жизни. Ницше тогда в своей книжке "Давид Штраус как верующий и как писатель" решил в следующих словах охарактеризовать те события 1870-71 г., которые привели к основанию германского государства: "Искоренение немецкого духа в пользу немецкого государства". С тех пор это удушение немецкого духа было основательно осуществлено. Когда в последние пять-шесть лет три четверти всего мира обрушились на тогдашнюю Германию, то (я не хочу сейчас говорить о причинах и о виновниках этого, но лишь отмечаю мировую ситуацию) тогда, по существу, был налицо лишь труп немецкой духовной жизни. Однако когда говоришь так, как я говорил вчера, непредвзято характеризуя факты, тогда не надо закрывать глаза на то пусть не слишком многое, что еще есть в этой немецкой духовной жизни и что (также и при грядущей для немцев "цыганской" судьбе) должно выступить, на что надлежит обратить внимание и что хочет привлечь к себе внимание. Ибо почему, в сущности, потерпели немцы страшное поражение? Надо также и на этот вопрос однажды ответить непредвзято. Немцы потерпели страшное поражение потому, что они захотели стать причастными к материализму, а между тем у них нет никакого таланта к материализму. Другие народы имеют достаточно таланта к материализму. Немцы вообще обладают той особенностью,

которую однажды превосходно охарактеризовал Германн Гримм, сказав следующее: "Немцы, как правило, отступают тогда, когда им на благо было бы смело наступать, и они бросаются в страшный штурм тогда, когда им на благо было бы удержаться от этого" *\*\*В статье "Немецкая история Генриха фон Трейчке" из "Вклада в немецкую историю культуры", Берлин, 1897 г.* — Это очень меткое изречение в смысле внутренней характеристики немецкого народа. Ибо немцы на протяжении столетий обладали пробиной силой, но не имели способности ее верно применить. Так, Гёте мог обнаружить первофеномен, но он не смог довести это до закладки начала духовной науки. Он мог развить такую духовность, какая есть в его "Фаусте" или в "Вильгельме Мейстере" и какая могла бы перевернуть весь мир, если бы были найдены верные пути. Вместо этого внешняя личность сего гениального человека ушла не далее того, что в Веймаре он стал толстеть, завел себе двойной подбородок, сделался упитанным тайным советником и был необычайно старательным министром, который, впрочем, именно в политической жизни заслуживает, как говорится, только неудовлетворительной оценки.

Людям во всем мире надлежит узреть, что такие явления как Гёте и Гумбольдт *\*\*Вильгельм фон Гумбольд (1767-1835).*, повсюду представляют собой начало будущего развития, и что для всего мира было бы пагубно не заметить то, что живет внутри немецкого развития и что вовсе еще не изжило себя, но должно с силой выступить. Немцы, в конце концов, не обладают также тем предрасположением, которое делается все больше и больше по мере того, как мы все дальше переходим к Западу, а именно — во всем возноситься до крайних абстракций. Представители других народов называют то, что немцы имеют в своей духовной жизни "абстракциями", но лишь потому, что сами они этого пережить не в состоянии; и еще потому, что не верят, что у других это не так, когда сами выдавливают все живое. Как раз немцы не имеют дара доходить до крайних абстракций. Это в особенности обнаруживается в немецкой государственной жизни — в этой самой злосчастной из всех государственной жизни. — Если бы немцы издавна имели тот большой талант к монархизму, который так блистательно сохранили французы до сегодняшнего дня, то немцы никогда не впали бы в культ Вильгельма II; они не придавали бы тогда никакого авторитета странной, карикатурной фигуре этого монарха. Французы же, хотя и называют себя республиканцами, имеют в своей среде нетитулованного монарха в лице Клемансо, который крепко держит в своих руках государственный аппарат, не давая ему ослабеть, а души французов тоже грозным образом держит в узде; ибо повсюду во Франции еще присутствует дух Людовика XIV *\*\*\*\* Louis le Grand (1638-1715).* Разумеется, этот дух теперь там в состоянии упадка, но он там есть. То, что у французского народа теперь уже есть нетитулованный монарх, — это явствует из каждого его высказывания. А тот талант к абстракции, который выступает у Вудро Вильсона *\*\*\*\* См. примечание к пятой лекции.*, есть как раз крайний талант к абстракции во внешне-политической области. Те "четырнадцать пунктов" этого притязавшего на мировое значение школьного учителя-педанта, которые в каждом их положении несут печать непрактичности и нереальности, могли возникнуть только из такого рода ума, который полностью создан лишь для абстрактного и не имеет никакого органа для восприятия истинных реальностей.

Появились две вещи, которые будут с трудом доступны пониманию будущих историков культуры. Одну из них я часто характеризовал вам словами Германна Гримма. Это — канто-лапласовская космогоническая теория, в которую ныне еще верят многие люди. Германн Гримм в своих лекциях о Гёте *\*\*Гёте". Чтения в королевском университете в Берлине. В 2-х т., 8-ое издание, Штутгарт и Берлин, 1903 (том 2, 23 чтение, стр. 171 след.).* прекрасно сказал так: "В будущем с трудом смогут понять то заболевание, которое нынешние люди называют наукой, которое привело к появлению канто-лапласовской теории. Согласно этой теории все, что теперь мы имеем вокруг себя, произошло из некоей всеобщей мировой туманности путем ее сжатия. И это должно идти все дальше, пока вся эта штука не свалится обратно на Солнце! Какая-нибудь обглоданная кость, около которой крутится голодная собака, гораздо аппетитнее, чем это фантазерское представление о мировом развитии". — Так думает Германн Гримм. Да, в будущем доставит немало трудностей объяснить появление этой канто-лапласовской теории, даже привлекая во внимание научное умоисступление, овладевшее людьми в XIX и XX столетии.

Другой такой вещью, почти неподдающейся объяснению, будет тот невероятный

факт, что когда-то могло существовать большое число людей, которые могли серьезно отнестись к такому блефу, как "четырнадцать пунктов" Вудро Вильсона, — и это в такую эпоху, когда социальный вопрос встал перед людьми со всей серьезностью.

Исследуя то, что в мире находится рядом друг с другом, мы констатируем, что хозяйственная жизнь, политическая правовая жизнь и духовная жизнь переплелись между собой причудливым образом в какой-то клубок. Если мы не хотим погибнуть под развалинами духовной и правовой жизни, которые пришли к крайнему вырождению, то мы должны обратиться к трехчленному строению социального организма, какой созидает хозяйственную жизнь, вырастающую из своих собственных корней; она хочет воспрянуть, но не может воспрянуть, пока ей свободно не выступят навстречу правовая и духовная жизнь. Эти вещи имеют свои глубокие корни во всем процессе эволюции человечества и в человеческой совместной жизни. Эти корни надлежит отыскать. В наше время людям надо уразуметь, как там, внизу, можно сказать, на дне, влачит свое существование хозяйственная жизнь на поводу у англо-американских мыслительных привычек и что она сможет воспрянуть лишь тогда, когда станет работать в гармонии со всем миром — с тем, к чему способны также другие народы, к чему одарены также другие народы. Иначе достижение мирового господства станет губительным.

Если ход мирового развития (такой, как он есть теперь), продолжится и дальше, тогда вырождающаяся, восточного происхождения духовная жизнь, которая в своем начале являла самые возвышенные истины, провалится в преисподнюю и в своем конце сделается ужаснейшей ложью. Ницше в своей книге "Рождение трагедии из духа музыки" <sup>1871 г</sup> смог показать, что уже греки должны были защищаться от жизненной лжи посредством искусства. А искусство в своей основе есть дитя богов, которое предохраняет людей от погружения в ложь. Если этой первой ветви культуры человечества дать и дальше развиваться односторонне, то это течение — течение духовной жизни — окончательно впадет в ложь. За последние пять-шесть лет в сердце цивилизованного человечества было нагнано больше, чем за все годы всемирной истории, в общественной жизни не прозвучало почти ни одного слова правды, в том, что распространилось по миру не было почти ни одного правдивого слова. В то время как это течение впадает в ложь (см. рисунок 34), то среднее течение впадает в эгоизм. А хозяйственная жизнь, вроде англо-американской, достигающая Мирового господства, — если она не затормозится, не даст пронизать себя самостоятельной духовной жизнью и самостоятельной государственной жизнью, то обрушится в трещину из бездн человеческой жизни. Первая бездна есть ложь — вырождение человечества под влиянием Аримана. Вторая бездна есть эгоизм — вырождение человечества под влиянием Люцифера. Третья бездна на физическом плане есть болезнь и смерть, а в сфере культуры — болезнь и смерть культуры.

Англо-американский мир смог достигнуть мирового господства. Если не будет введено трехчленное строение социального организма, то в результате этого мирового господства на весь человеческий мир изольется болезнь и смерть культуры, — а она есть дар азуров. См. лекцию от 22 марта 1909 г. в Берлине ("Духовно-научное человековедение", ПСС, т. 107)., подобно тому, как ложь есть дар Аримана и эгоизм есть дар Люцифера. Эта третья великая опасность, достойная стать в ряд с обеими другими, есть дар азурических сил!

Из знания этих вещей надо почерпнуть энтузиазм, вдохновляющий человека действительно стараться разъяснить их как можно большему числу людей. Это и есть сегодня задача благоразумия: разъяснение этих вещей человечеству. Мы должны как можно больше делать для того, чтобы той глупости, которая почитает себя мудростью и даже верит, что достигла столь многого великолепного, противопоставить то, что мы можем добыть из практического аспекта антропософски ориентированной духовной науки. В настоящее время это есть важнейшая социальная работа.

Если бы я хотя бы немного смог этими словами пробудить в вас ощущение всей глубокой серьезности этих вещей, то я, может быть, чего-то достиг из того, чего так хотел бы достигнуть этими словами.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

Две лекции (№ 9 и № 10) из VI тома курса лекций

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 14 Февраля 1918 г.

В настоящее время тяжелых испытаний должно быть совершенно естественным для каждого, кто имеет искренний интерес к устремлениям антропософской духовной науки, поразмышлять над взаимоотношениями, существующими между тем фактом, что духовнонаучное движение стало в начале двадцатого столетия посылать свои импульсы в эволюцию человечества, и тем, другим, фактом, что человечество в настоящее время поглощено пучиной катастрофических событий. Насколько эти события катастрофичны для человечества — еще не полностью понято, так как люди сегодня привыкли к жизни без духа. Однако, жить без духа — значит жить поверхностно, а поверхностная жизнь заставляет человека пропустить важные впечатления от событий, происходящих вокруг него. Пропустить все важные события — это особенно характерно для людей нашего века. Мало людей в наше время приходят к надлежащему пониманию суровости и остроты событий современности, большинство из них живет одним днем. Если пытаются говорить о грядущем, то люди — и во многих случаях именно те, от кого зависит ход событий — яростно отвергают эти попытки. Если среди многих своих задач духовная наука достигнет успеха в развитии более энергичной, более бодрствующей человеческой души, то она выполнит важную для настоящего времени задачу; духовнонаучные концепции требуют большего напряжения мышления, большей интенсивности чувствования, чем это требуется для усвоения расхожих концепций нашего времени.

Важно познакомиться с теми концепциями духовных исследований, которые могут направлять и вести нас к пониманию современности в самом широком смысле. Сегодня я разовью несколько основных концепций, опираясь на которые, мы в нашей следующей лекции могли бы нечто построить, — концепций, которые бросят свет на важные факторы современности. Я буду исходить из более общих мыслей, касающихся личного в человеке, что, с определенной точки зрения, составит основание для наших последующих духовнонаучных рассматриваний.

В ходе наших духовнонаучных исследований мы должны снова и снова подчеркивать тот факт, что смена состояний сознания пронизывает всю нашу жизнь между рождением — или, вернее, зачатием — и смертью: смена сна и бодрствования. В общих чертах мы знаем разницу между сном и бодрствованием, но только духовнонаучное познание в состоянии показать человеческой душе более внутренним образом истинную разницу между сном и бодрствованием. В обычной жизни мы считаем, что мы спим только с момента засыпания до момента пробуждения и что мы бодрствуем с момента пробуждения до засыпания. Но это только приблизительно верно. В действительности эта граница между сном и бодрствованием проведена совершенно неправильно. Ибо то бодрствование пониженного сознания, которое во многих отношениях сознанием не является и через которое мы проходим в состоянии сна, простирается также и на нашу дневную жизнь; частью нашего существа мы находимся в этом состоянии так же во время между пробуждением и засыпанием. Мы никоим образом не бываем полностью бодрствующими всем нашим существом между пробуждением и засыпанием; мы пробуждены только частью его, а другая часть продолжает спать, хотя мы и считаем себя бодрствующими. Мы всегда в некотором отношении спящие. Мы действительно пробуждены только в отношении наших восприятий внешних чувств и мышления. Воспринимая внешний мир через наши органы чувств, слыша, видя и т. д., мы в этом слышании, видении, короче — восприятии бодрствуем. Здесь мы полностью бодрствуем. Мы также бодрствуем, хотя и в меньшей степени, в представлениях. Когда мы образуем мысли, когда возникают в нас представления, когда воспоминание всплывает из темных тайников нашей душевной жизни, мы бодрствуем в отношении переживаемых процессов, в отношении процессов восприятия, воспринятого, представленного.

Вы знаете, однако, что кроме восприятий внешних чувств и мышления наша душевная жизнь содержит также чувствования и воления. В отношении чувств мы не бодрствуем, хотя и верим, что бодрствуем. Степень и интенсивность сознания, которые мы имеем при чувствовании, равнозначны степени и интенсивности сознания, которые мы имеем при сновидениях. И как сновидения возникают как

картинны из бессознательных глубин нашей души, так и чувствования возникают в нас как силы. В чувствовании мы бодрствуем в той же самой степени, как и в сновидении; единственная разница в том, что мы приносим наши сновидения из сна в обычное бодрствующее сознание, вспоминая их и тем отличая их от бодрствующего состояния сознания, в то время как в случае чувствования все это происходит одновременно. Чувствование само снится нам, но мы сопровождаем наше чувствование нашими понятиями. Чувствование не содержится в понятиях, но мы взираем из понятий на чувствования так же, как мы оглядываемся после пробуждения на наши сновидения. И так как в случае чувствования мы делаем это одновременно, то мы и не замечаем того факта, что мы имеем только понятие чувствования в действительном сознании, в то время как чувствование само остается в области сновидений как любое сновидение.

А сама воля! Что знаете вы о происходящих процессах, когда вы решаете взять книгу и затем ваша рука действительно берет книгу? Что вы знаете о том, что происходит между вашей сознательной мыслью: "Я хочу взять книгу", и таинственным процессом, который затем происходит в вашем организме? Мы знаем, что мы думаем относительно воления, но само воление остается неизвестным для обычного сознания. В то время как мы грезим наши чувствования, мы спим касательно истинного содержания нашего воления. Как воспринимающие, мыслящие человеческие существа мы бодрствуем; но как чувствующие и волящие человеческие существа мы видим сновидения и спим даже в бодрствующем состоянии. Таким образом, в чувствовании и волеии состояние сна простирается в бодрствующее сознание. То состояние, в котором мы находимся между засыпанием и пробуждением в отношении всего нашего существа в целом, является состоянием, в котором мы живем в нашем бодрствующем сознании в отношении нашего чувствования и воления.

Посредством восприятий внешних чувств и мышления мы учимся познавать мир вокруг нас, который мы обозначаем как физически-чувственный мир; посредством чувствования и воления мы не учимся познавать этот мир, в котором мы существуем как чувствующие и волящие человеческие существа. Мы находимся постоянно в сверхчувственном мире; силы нашего чувствования и воления порождаются этим сверхчувственным миром так же, как наше восприятие и мышление порождаются физическим миром. Мы не имеем телесных органов для чувствования и воления; мы имеем телесные органы для восприятия и мышления. Многие физиологи верят, что органы для чувствования и воления существуют; это показывает, что они не знают, о чем говорят. Физиолог, который действительно мыслит, не верит этому.

То, что я описал сейчас, является определенным состоянием, в котором мы живем между рождением и смертью, — состоянием, в котором мы бодрствуем в отношении восприятия и мышления, но спим в отношении чувствования и воления.

Иные условия — во время между смертью и новым рождением; в некотором смысле они противоположны. Мы начинаем тогда бодрствовать в отношении наших чувств и волеии и мы спим в отношении восприятия и мышления, — хотя сон является иным состоянием в том мире, в котором мы тогда пребываем нашими душами. Из того, что я только что сказал, вы видите, что так называемые умершие отличаются от так называемых живых тем, что так называемые живые спят в отношении того, в чем так называемые умершие в действительности пребывают. Так называемые живые спят относительно чувствования и воления, которые постоянно струятся через их существо; умершие находятся внутри этих чувств и волеии. Нам не трудно понять, что умершие пребывают в том же самом мире, в котором пребываем и мы, так называемые живые. Мы отделены от умерших только потому, что мы не воспринимаем мира, в котором они живут и творят. Умершие всегда вокруг нас; мы окружены, таким образом, теми существами, которые живут, не будучи физически воплощенными. Мы только не можем воспринять их. Мы должны только образовать идею человеческого существа, спящего в комнате: вокруг него предметы, но он не воспринимает их. Тот факт, что что-то не воспринимается, не является доказательством того, что этого нет. В отношении мира умерших мы в том же самом положении, в котором мы находимся в отношении мира физических явлений, когда мы спим. Мы живем в том же самом мире с умершими и с высшими духовными Иерархами: они находятся среди нас и мы отделены от них только благодаря природе нашего сознания.

Из этого следует, что человеческое существо воспринимает и познает только часть той реальности, внутри которой оно собственно пребывает. Если бы человеческое существо постигло полноту реальности, его познание было бы совершенно отлично от сегодняшнего. Его познание тогда охватило бы не только силы, которые приходят из царств природы, известных нам, но также силы высших духовных существ и силы из царства так называемых умерших. Сегодня такие факты кажутся нелепыми большинству людей. Однако, для все более широких кругов человечества и особенно для заинтересованных в эволюции и прогрессе человеческой жизни это станет предметом, подлежащим познанию. Ибо более или менее, вплоть до нашего времени, человеческое существо было руководимо темными, неведомыми силами в отношении всего, чего оно не могло воспринять в своем окружении. Водительство этими темными, неведомыми силами более или менее прекратилось в наше время. (Мы будем говорить об этом в нашей ближайшей Лекции). Теперь человеческие существа должны войти в сознательные взаимоотношения с некоторыми силами, которые достигают нашего мира из царства, где пребывают так называемые умершие. — Нелегко привести человеческие существа к осознанию этих вещей в необходимой степени, для замены истинной реальностью фантастической неадекватности, которая преобладает в современности и принесла столь великие катастрофы. В этом отношении я хочу привлечь ваше внимание к одному только моменту, к одному факту.

Среди многих так называемых научных направлений имеются также и исторические исследования. Истории учат, и изучают ее в школах. Но что такое эта история? Любое хорошо осведомленное лицо, знакомое с литературой прошлых времен, знает, что то, что сегодня называется наукой истории, не старше ста лет. Я не хочу больше говорить об этом. Люди изучают и пишут историю с теми же самыми мыслями и концепциями, которые они применяют в обычной внешней жизни, наблюдая природу. Но никто не спрашивает, допустимо ли наблюдать историческую жизнь тем же путем, каким наблюдают внешнюю природу? Это — недопустимо, ибо историческая жизнь человечества управляется импульсами, которые нельзя постичь, пользуясь концепциями нашего бодрствующего сознания. Каждый, кто действительно изучал историю, знает, что мы в исторической жизни управляемы импульсами, которые для обычного сознания доступны только в состоянии сновидения. Так же как человечеству снится жизнь чувств, так же снится ему и импульсы истории. Если мы попытаемся наблюдать историческую жизнь человечества путем концепций, которые приемлемы для естественных наук, то мы не сможем верно постигнуть ее: мы наблюдаем ее тогда только на ее поверхности. Чему учат и что изучают как историю в школах? В отношении истинной истории это не более, чем описание трупа в отношении к целостному человеческому существу. История, как ей обучают сегодня, это изучение трупа. Изучение истории должно претерпеть полное превращение. В будущем будут понимать, что постигать историю возможно только при помощи инспирированных концепций, при помощи инспирации. Тогда мы будем иметь истинную историю. Тогда мы будем знать, что именно управляет человечеством, что проникает из исторической жизни в жизнь социальную.

То, что я здесь высказываю, имеет очень глубокое значение. Люди думают, что они понимают социально-историческую жизнь. Но они не понимают ее, так как пытаются постичь ее посредством обычных понятий повседневной бодрственной жизни. Это не становится очевидным потому, что история пишется так, что кажется мало что зависит от того, верны ли в действительности приводимые факты или нет. Я хочу дать вам простейший пример этого. Мы узнаем из исторических книг, что Америка была открыта в 1492 г. Вообще говоря, это правильно, но из того, как это описывается в исторических книгах, мы образуем представление, что до 1492 г. Америка была полностью неизвестна, как бы далеко мы не заглядывали в историю. Но это не так. Еще в двенадцатом и тринадцатом столетиях существовала оживленная торговля между Исландией, Ирландией и Америкой. В Европу из Америки импортировались лекарственные травы и другие товары. По некоторым причинам, связанным с внутренней кармой Европы и прежней ролью Ирландии, Рим приложил все возможные усилия, чтобы отсечь Европу от Америки, так чтобы Америка была забыта. Эти усилия со стороны Рима не были вредны для Европы того времени; имелись в виду благие намерения. Я хочу показать вам на этом примере только то, что факт не обязательно должен быть историческим фактом, — так что

мы можем быть совершенно не сведущи исторически в отношении важных вещей.

Иметь историческое познание или быть исторически невежественным в отношении социальной жизни человека, с другой стороны, имеет очень большое значение. Как часто слышим мы сегодня людей, говорящих: мы должны думать о разных событиях таким образом, потому что так учит нас история. Возьмите современную публицистику, особенно современные журналы и газеты, и вы увидите, как часто употребляется фраза: "Так учит нас история". Человеческое существо частично просыпает исторические события, среди которых оно живет, но тем не менее оно образует суждение о них, или оно прививается ему. Фраза: "Так учит нас история", произносится очень часто, и в начале этой войны значительные люди утверждали, что история учила их относительно длительности войны. Это было честное убеждение так называемых "умных людей", что согласно общим социальным и экономическим условиям на земле война не может длиться более четырех-шести месяцев. Многие утверждали это, многие пророчили: самое большее — от четырех до шести месяцев! Результат этого пророчества был подобен другому историческому пророчеству, сделанному безусловно великим умом, но который образовал его, пользуясь расхожими понятиями повседневного сознания. А этим можно овладеть только с помощью масштабных концепций. Когда Фридрих Шиллер стал профессором философии в Йенском Университете, он произнес свою всемирно известную речь об изучении истории\*<sup>1</sup> "Что значит и для какой цели изучать Всемирную историю?" (Май, 1789 г.). Это было незадолго перед началом французской революции. Он высказал свое убеждение, извлеченное из истории, но полученное при помощи обычных концепций. Я не цитирую буквально, но вот что сказал Шиллер, который, безусловно, не был незначительной личностью, выдвигая свое убеждение: История учит, что много распрей и войн случалось в древние времена, и, исходя из того, что имело место тогда, мы могли бы ожидать дисгармонии среди европейских народов в будущем. Однако, они будут рассматривать себя как членов одной большой семьи и не станут больше рвать друг друга на части. — Так сказал Фридрих Шиллер в 1789 г.! Вскоре после этого в 1789 г. разразилась французская революция. Все, что выпало на долю европейской семье народов в девятнадцатом столетии и что происходит теперь, много позже, безусловно сводит на нет так называемые исторические суждения Шиллера самым основательным образом.

История научит нас чему-нибудь только тогда, когда мы окажемся в состоянии постичь ее при помощи инспирированных концепций. Ибо историческая жизнь человечества находится под влиянием не только так называемых живых, но и душ умерших, а также духов, среди которых так называемые умершие живут точно так же, как мы среди существ животного, растительного и минерального царств. Человечество придает большую ценность только фразам. Но оно должно отвыкнуть от этой привычки. Оно сможет сделать это, только если приобретет истинные концепции, — концепции, пронизанные реальностью. Очень важной концепцией является та, которая показывает нам, что мы отделены от так называемых умерших только благодаря нашему сознанию, которое является спящим в отношении мира чувствования и воления, находясь в котором, умершие окружают нас. Это спящее сознание подобно тому сознанию, в котором мы пребываем между засыпанием и пробуждением в отношении физических предметов вокруг нас. Ясновидческое сознание подтверждает на каждом шагу то, что было охарактеризовано здесь в общих чертах.

Однако может возникнуть вопрос: как это человеческое существо ничего не знает о мире, в котором оно живет, через который оно проходит с каждым шагом своей жизни? Так вот, самый путь, который ясновидческое сознание предлагает, конкретная информация относительно общения с так называемыми умершими, является живым доказательством факта, что для обычного сознания мир, в котором живут умершие, должен поначалу оставаться неизвестным. Мне стоит только привести несколько характерных черт этого общения ясновидческого сознания с так называемыми умершими, которые могут иметь место при определенном развитии ясновидческого сознания, и вы увидите из этого, почему мы не знаем ничего в обычной жизни относительно общения с умершими. Возможно однако (хотя во многих отношениях это весьма не безопасное дело), что мир умерших откроется для пробужденного сознания, что Мир умерших может быть осознан человеческим существом, что оно сможет войти в сознательные взаимоотношения с индивидуальностью умершего. Но человеческое существо должно приобрести тогда

полностью иное сознание, если оно хочет войти в уверенные отношения с умершей личностью. Оно должно приобрести сознание, полностью отличное от применяемого в физическом мире. Разрешите мне описать несколько его характерных черт.

В физическом мире мы имеем определенные навыки в нашем общении с другим человеческим существом. Если я говорю с кем-нибудь здесь, на физическом плане, спрашиваю что-то, сообщаю что-либо ему, я сознаю тот факт, что речь проистекает из моей души и через мои органы речи передается ему. Я сознаю тот факт, что говорю я. Я сознаю этот факт также в отношении внешнего восприятия. И если это другое человеческое существо, здесь, на физическом плане, отвечает мне или сообщает мне что-нибудь, тогда я слышу его слова, эти слова звучат мне с его стороны.

Не так обстоит дело при полностью сознательном общении с умершими. (В полусознательном общении дело обстоит иначе, но я говорю здесь только о полностью сознательном общении.) При полностью сознательном общении с умершими все это будет перевернуто наоборот. Оно совершенно отлично от того, что мы ожидаем. Когда я сталкиваюсь с умершим, то он говорит в своей душе то, что я собираюсь спросить у него, что я хочу сообщить ему: это звучит мне с его стороны. А то, что он собирается сказать мне, звучит из моей собственной души.

Мы должны привыкнуть к этому. Мы должны привыкнуть слышать то, что говорят другие, звучащим из нашей собственной души, и слышать то, что мы говорим, звучащим как бы из внешнего духовного мира. Это столь отличное от того, что мы привыкли испытывать здесь, в физическом мире, что не знаешь, как с этим быть. Так что учтите следующее. В тот или иной момент жизни нечто говорит внутри вашей души. Вы, естественно, припишите это себе. Человеческое существо в некоторых отношениях эгоцентрично, и если нечто возникает в его душе, оно склонно приписывать это своему собственному вдохновению, своему собственному гению. Только путем ясновидческого сознания мы научаемся узнавать, что то, что возникает в наших душах, поистине, говорится нам умершими. Сфера умерших постоянно касается нашей воли, наших чувств. Нечто возникает в нас, что мы можем назвать хорошей идеей — в действительности это сообщение от умерших. Мы настолько незнакомы с иным аспектом вещей, мало обращаем внимания на то, что может появиться из сумеречного духовного окружения, которое под обликом наших собственных мыслей окружает нас. Если бы человек мог быть достаточно объективен в отношении к собственным мыслям, переживать их, как если бы они роились вокруг него, тогда умершие понимали бы эти мысли. Верно, что человеческое существо даже в обыкновенном сознании связано с умершими, но оно не сознает этого, так как не умеет объяснять факты, которые я только что описал.

Мы должны усвоить, что кроме сна, бодрствования и сновидений мы имеем еще два других состояния сознания. Мы имеем два других необычайно важных состояния сознания, но мы не обращаем на них внимания в обыденной жизни. Мы не обращаем на них внимания по определенной причине, которую вы сразу поймете, когда я назову эти два состояния сознания: мы имеем состояние засыпания и состояние пробуждения. Они длятся столь коротко и проходят так быстро, что мы не обращаем внимания на их содержание. Но чрезвычайно важная вещь происходит в момент засыпания и в момент пробуждения.

Если мы научимся познанию истинной природы этих двух моментов, мы в некотором отношении приобретем правильную концепцию, касающуюся взаимосвязи человеческого существа с миром, в котором умершие сосуществуют с нами.

Человек находится в постоянной связи с миром умерших, и эта связь особенно жива в момент засыпания и в момент пробуждения. Ясновидческое сознание показывает, что в момент засыпания человеческое существо особенно способно задавать вопросы умершим, давать сведения умершим, — вообще, обращаться к умершим. В момент пробуждения человеческое существо особенно способно получить сообщения, послания от умерших. Оно получает их очень быстро, и так как оно пробуждается сразу же, непосредственно после этого, они быстро проходят мимо и тонут в суете бодрственной жизни. Не так давно более примитивные народы, в их атавистическом состоянии сознания, знали эти факты и толковали их; но под влиянием нашей материалистической культуры подобные вещи гибнут даже в отдаленных областях. Каждый, кто вырос среди старых крестьян в сельских

местностях, знает, что одним из основных их правил, при пробуждении утром, является оставаться на некоторое время спокойным и воздерживаться смотреть в окно на свет. Эти люди стараются защитить то, что действует на душу в момент пробуждения от натиска и шума бодрственной жизни; они стараются остаться на момент спокойно в своей темной комнате и не смотреть в окно немедленно при пробуждении.

Не трудно заметить, что моменты пробуждения и засыпания имеют совершенно особый характер. Но для того, чтобы осознать подобные вещи, мы нуждаемся в некоторой бдительности мышления. Бдительность мышления — это такая способность, которая никогда не была столь до смешного отсутствующей как сегодня. Разрешите мне привести один из банальных примеров, которые наполняют повседневную жизнь, и которые мы встречаем, можно сказать, на каждом углу.

Несколько дней назад я заметил в газете объявление, занимавшее примерно восьмую часть страницы. Оно рекламировало хорошо известные курсы лекций человека по имени Пельман\**Людвиг Пельман, родился в 1867 г. "Учение о памяти", 1894 г.* Оно утверждало, что только применяя методы г-на Пельмана возможно достичь влияния на других людей. Никакой другой метод этого дать не может. Я не буду говорить о том, допустимо ли или нет пытаться "достичь влияния" на других людей; в настоящий момент это нас не касается. Я привлекаю ваше внимание к самой форме объявления. Оно утверждает: некоторые люди претендуют а то, что они могут достичь влияния на других людей при помощи личного магнетизма или усиления иной силы в человеческой природе. Не трудно доказать, что люди эти говорят неправду, так как ни один из них не может сказать, что он личным влиянием заставил г-на Ротшильда или другого богатого человека дать ему миллион долларов. Так как доказано, что этого не случилось, — а это непременно было бы использовано, если бы были шансы на успех, — то значит доказано также, что никакого влияния на других людей просто так достигнуто быть не может. Влияние может быть достигнуто только на пути науки и образования. — А затем описывается метод Пельмана. Мы знаем, что большое число людей будут убеждены этим объявлением, что и все другие методы достижения влияния на людей бесполезны, потому что разве не доказано, что они не в состоянии повлиять на г-на Ротшильда так, чтобы он предоставил им свои миллионы? Но сколько найдется людей (можете вы спросить себя) из прочитавших объявление, у которых сразу возникает возражение: есть ли у этого Пельмана слушатели, которые преуспели в завоевании миллионов Ротшильда? Вы только спросите себя, скольким людям придет эта очевидная мысль?

Это тривиальный пример, но пример, который показывает, как мышление не на чеку в отношении того, что мы читаем. Я выбрал этот пример, во-первых, потому, что он имеет повседневный характер, а во-вторых, потому, что всякий из здесь присутствующих не замедлил бы заметить, что даже Пельману не удалось получить миллионы. Из вежливости я не приведу примера, который мог бы относиться к кому-нибудь из присутствующих. Но я хочу сказать, что с утра и до вечера люди читают подобные вещи. Это случается в бесчисленных случаях. Они говорят: мы не обращаем на это внимания. "Не обращаем внимания". Недавно я прочел речь, в которой была такая фраза: "Наши взаимоотношения с некоторыми странами являются тем центром, который даст нам направление в нашей политике в будущем". Представьте себе конструкцию этой мысли: "взаимоотношения" являются "центром", который станет "направлением"! Люди, которые так думают, способны на что угодно! Но мы не замечаем связи, которая существует между таким ущербным мышлением и общественной жизнью.

Необходимо в наши дни обращать внимание на отсутствие бдительности в мышлении, которое является знаком нашей культуры. Упорядоченные мысли — вот первое требование, если мы хотим сознать откровения, возникающие в момент засыпания и пробуждения.

Однажды я слушал речь очень известного профессора литературы и истории\**Не идентифицирован*; это была его вступительная речь, и он очень старался. Он сформулировал всевозможные литературно-исторические вопросы и в заключение сказал: видите, господа, я привел вас в лес вопросительных знаков. — Я вообразил себе: лес вопросительных знаков. Только подумайте: лес вопросительных знаков!

Только тот, кто привык упорядочивать все возникающие у него концепции, т. е. тот, кто развивает бдительность в своем мышлении, подготовлен к тому, чтобы замечать такие вещи, как происходящие в моменты пробуждения и засыпания.

Однако если что-то и не воспринимается, оно все же существует, и связь между человеческим существом и умершим существует и особенно сильна в моменты засыпания и пробуждения. На самом деле, каждое человеческое существо ставит бесконечные вопросы и сообщает сведения своим любимым умершим в момент засыпания и получает послания и ответы от них в момент пробуждения. Однако эта связь с умершими может быть определенным образом культивирована. Ранее мы описывали несколько путей, ведущих к этому; сегодня мы добавим следующее.

Имеется некоторое различие в отношении мыслей, которые ведут нас или не ведут к связям с умершей личностью в момент засыпания; не каждая мысль является подходящей. Пусть кто-либо, кто не ведет просто чувственно-эгоцентрическую жизнь, из здоровых побуждений стремится не прерывать те связи, которые карма принесла ему, с некоторыми личностями, которые теперь прошли врата смерти. Он, естественно, часто связывает свои мысли с этими личностями. И мысли, которые мы соединяем с нашим представлением об умерших, могут привести к действительной связи с умершими, даже если мы не в состоянии наблюдать то, что происходит в момент засыпания. Однако некоторые мысли более благоприятны для этого, чем другие. Абстрактные мысли — мысли, которые мы образуем с известным безразличием, возможно только из чувства долга — мало подходят к тому, чтобы перейти к умершему в момент засыпания. Но мысли, представления, которые возникают из переживаний особенной заинтересованности, которая связывала нас при жизни, очень подходящие для передачи умершему. Если мы вспоминаем умершего таким образом, что не просто думаем о нем абстрактными мыслями и холодными понятиями, но вспоминаем моменты, когда нам было тепло рядом с ним, когда он говорил нам что-то дорогое нашему сердцу, если мы вспоминаем моменты, которые мы с ним прожили в общности чувств и общности воли, если мы вспоминаем время, когда мы что-либо вместе решали и предпринимали, что мы оба ценили и что приводило нас к общности действия — короче говоря, нечто, что заставляло наши сердца биться как одно; если мы живо вспоминаем это общее биение сердец, — тогда все это окрашивает наши мысли об умершем так, что они в состоянии устремиться к нему в ближайший момент засыпания. Неважно, когда эти мысли приходят к нам — в девять утра, в полдень или в два часа пополудни. Мы можем иметь их в любое время дня — они останутся и устремятся к умершему в момент засыпания.

В момент пробуждения мы, в свою очередь, получаем ответы, послания от умерших. Не обязательно в самый Момент пробуждения возникают они в нашей душе, так как возможно, что мы не в состоянии обратить на них внимание; но в течение дня нечто может возникнуть в нашей душе<sup>8</sup> в форме внезапной идеи — инспирации, можем мы сказать, если верим в подобные вещи. Но и в отношении этого некоторые условия более благоприятны, другие — менее. При некоторых условиях умершим легче найти доступ к нашей душе. Условия благоприятны, если мы приобрели достоверное представление о существовании умершего, если мы были так глубоко заинтересованы в его существовании, что оно действительно стоит перед нашим духовным взором. Вы спросите: к чему он это все говорит? Ведь если кто-то был нам близок, мы безусловно имеем представление о его существовании. — Я совсем не верю этому, мои дорогие друзья. Люди в наше время проходят мимо друг друга и знают друг о друге очень, очень мало. Это не отчуждает нас от других существ здесь, в физическом мире, но это отчуждает нас от существ, которые обитают в мире умерших. Здесь, в физическом мире, имеются многочисленные бессознательные и подсознательные силы и импульсы, которые привлекают людей друг к другу, даже если они не хотят изучать друг друга. Случается в жизни, и вы, наверное, читали об этом, что люди могут быть женаты десятки лет и все-таки очень мало знать друг о друге. В этом случае импульсы, которые свели вместе этих людей, не основывались на взаимном понимании. Жизнь повсюду проникнута бессознательными и подсознательными импульсами. Эти подсознательные импульсы связывают нас вместе здесь, на Земле, но они не связывают нас с существами, которые прошли через смерть раньше нас. С целью завязать подобную связь необходимо, чтобы мы получили в нашей душе нечто, благодаря чему существо ушедшего могло живо жить в нас. И чем живее оно живет в нас, тем легче этому существу найти доступ к нашей душе; тем легче для него общаться с нами.

Вот это я и хотел сказать вам о постоянно происходящем общении между так называемыми живыми и так называемыми умершими. Каждый из нас находится в

постоянном общении с так называемыми умершими, и причиной, по которой мы не знаем об этом, является наша неспособность к достаточному наблюдению моментов засыпания и пробуждения. Я говорю все это вам с целью придать более конкретную форму вашим связям со сверхчувственным миром, в котором обитают умершие. Эта связь примет еще более определенную форму, если мы учтем следующие взаимоотношения.

Умирают молодые, умирают старые. Смерть молодых людей отлична от смерти более старых людей в их отношении к оставшимся. Подобные вещи могут обсуждаться только в случае, если возможно взглянуть на определенные конкретные условия, существующие в этой области. Я опираюсь на это не как общее знание, но как итог того, что действительно происходило в определенных индивидуальных случаях. Если ясновидческое сознание наблюдает, когда умирают дети, когда молодые люди оставляют родителей и проходят через врата смерти, и учится познанию того, как живут эти души, то знание, которое возникает таким образом, может быть подытожено в следующих словах. Сознание молодых людей, прошедших через врата смерти, можно охарактеризовать, сказав, что они не потеряны для живущих; они остаются жить здесь, они остаются по соседству, в существе тех, кого они оставили позади. Долгое время эти молодые люди не различаются с теми, кого они оставили позади; они остаются надолго внутри их сферы. — Иначе обстоит дело в том случае, когда умирают старые люди. Легче объяснить эти вещи эпиграмматически. Души тех человеческих существ, которые умерли в поздние годы своей жизни, не теряют, со своей стороны, души тех, кто остался позади. Таким образом, те, кто остался на Земле, не теряют души людей, умерших юными, а старые люди, пройдя врата смерти, не теряют души живущих, несмотря на то, что последние существуют здесь, на Земле. Они как бы берут с собой то, что они хотят иметь от нас. Им легко сделать это; в то же время души более молодых людей могут получить от нас то, в чем они нуждаются, только если они остаются более или менее в сфере переживших. Они это и делают.

Возможно изучить эти взаимоотношения таким образом, чтобы удостовериться в фактах, которые я только что описал. Изучение, конечно, должно проводиться ясновидческим сознанием. Если ясновидческое сознание изучает печаль и страдание разлуки, оно найдет, что имеют два совершенно различных состояния. Человеческие существа не знают этого. Но если наблюдать печаль, скорбь в душах людей над умершим ребенком, — это окажется совершенно отличным состоянием от печали и скорби, которые наблюдаются, если умирает старый человек. И хотя человеческие существа не знают этого, эти внутренние духовные состояния существенно различны.

Вот странный факт: если родители оплакивают ребенка, умершего в ранние годы, это оплакивание и в своем подлинном содержании, и в глубочайших импульсах является только отражением в душах родителей того, что переживает ребенок. Дитя остается здесь, "а то, что оно чувствует, проникает в души тех, кто оплакивает его, вызывая этот импульс. Это боль сострадания, это в действительности боль и скорбь самого ребенка — то, что испытывают родители; они безусловно приписывают ее себе, но это только скорбь сочувствия. Поймите меня правильно, мои дорогие друзья; мы должны принять выражение, которое я собираюсь употребить с пониманием и без двусмысленности. Мы можем сказать: если умирает молодое существо, то мы одержимы собственной болью души умершего (мы "одержимы" в рамках нормы, что не является вредным), он живет в нас, и то, что выражается как боль, это его жизнь в нас.

Иное дело, когда мы оплакиваем старого человека, покинувшего нас. Здесь горе не является отражением того, что живет в умершем, так как он действительно может получить то, что живет в нашей душе: он сам не теряет нас. Невозможно для нас быть одержимыми его болью, его чувствами, потому что он увлекает нас за собой. Он не теряет нас. Поэтому эта боль, это оплакивание, — эгоцентричные боль и оплакивание. Это не подразумевает упрек, так как и боль, и оплакивание тут оправданы; но необходимо различать эти два вида оплакивания.

Поговорив таким образом об оплакивании наших ушедших и о том пути, на котором мы продолжаем жить вместе с ними, перейдем теперь к рассмотрению самих умерших. Поскольку отношения к умершим в юности так отличны от отношений к тем, кто умер в поздние годы жизни, вы без труда поймете, что должна быть разница в образе поминования их. В отношении ребенка мы примем

правильный обряд, правильное поминовение, мы будем нести в памяти его правильным образом, если мы примем во внимание, что ребенок остался с нами, что он любит быть осведомленным о том, что мы могли бы давать ему, если бы он жил. Опыт показывает, что дети после своей смерти стараются найти в поминовениях, которые мы предлагаем им, общие человеческие взаимоотношения они стремятся найти в заупокойной службе то, что представляет общий интерес и не касается частных интересов. Поэтому римско-католическая заупокойная служба наиболее подходящая для детей; это общий обряд, действительный для каждого одинаковым образом. Умершему ребенку нравилась бы заупокойная служба общего характера, пригодная для всех, а не для него одного.

Протестантская заупокойная служба, в ходе которой произносится речь, отмечающая особые, индивидуальные жизненные взаимоотношения отошедшего, более подходит для поминовения старого человека. И если мы хотим почтить его память, лучше придерживаться деталей его жизни, которые были характерны для него, и вглядываться в его особую, индивидуальную жизнь в поиске мыслей, которыми мы отмечаем его память.

Из этого вы видите, что правильно понимаемая духовная наука не может оставаться просто теорией. Она показывает нам нечто из взаимоотношений, которые существуют в мире, от которого мы отделены только благодаря тому факту, что о наших чувствах мы только грезим и спим в отношении наших волевых импульсов. Она говорит о мирах, в которых мы пребываем с чувствами и волевыми импульсами. Если мы овладеем духовнонаучным мышлением с достаточной интенсивностью, с должной энергией, оно не останется только мышлением, но будет воздействовать на чувства и волю. — Только вообразите плодотворное действие этих идей на жизнь! Священнослужитель, который не придерживается только абстрактной теологии, получит помощь от этих идей в проведении заупокойной службы должным образом и с должным тактом.

И это не удивительно, так как мир, о котором говорит духовная наука, — это реальный мир, в котором живут импульсы наших чувств и воли. Таким образом то, что способна дать духовная наука, действует, в свою очередь, на чувства и волю. Она воздействует на чувства, если мы развиваем наши чувства в отношении наших умерших. Но она должна также действовать и на импульсы воли. Мы уделим этому особое внимание в свое время, ибо, мои дорогие друзья, если мы проследим волеизъявления человеческих существ нашего времени, мы не придем к особо глубоким областям человеческой души. Настоятельно необходимо ныне, чтобы люди искали духовные импульсы для своего волевого импульса, и трагично, что до настоящего времени они не решаются сделать это. Все тревоги нашего времени найдут свое разрешение только тогда, когда человеческие существа проявят волю в поисках духовных импульсов для их внешней жизни. Как я уже говорил, люди все еще отбрасывают это. Но они должны будут выучиться этому, ибо наша эпоха для поколения, которое в ней будет жить, становится в еще большем масштабе великим наставником, нежели была доселе.

Мы свяжем нашу ближайшую лекцию с изложенными сегодня концепциями, которые касались индивидуального, личного элемента, чтобы поговорить о проблемах нашего нынешнего времени с истинной духовнонаучной точки зрения.

## ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

*Мюнхен, 17 февраля 1918 г.*

Моей сегодняшней задачей будет продолжить наши духовные наблюдения, основание которым мы положили здесь в последний раз, и перейти к таким духовным процессам, которые лежат непосредственно позади событий нашего времени и так серьезно гласят нашим душам.

Если мы живем (в смысле нашей духовной науки) в общении с силами, которые стремятся от так называемых умерших в сферу, в которой мы обитаем во время нашего воплощения, то возможно очень ясно наблюдать, что лежит в основе нашего такого трудного времени. Правда, люди нашего времени очень мало стремятся познать духовные основы бытия. Такое отсутствие интереса тесно связано с тем, что эта великая катастрофа выпала на долю человечества нашего времени. Я привлек ваше внимание к факту, что в последней трети девятнадцатого столетия, в противоположность более ранним периодам времени, произошли большие всеобъемлющие изменения в человеческой эволюции. Я неоднократно указывал на

конец 70-х годов последнего столетия и показывал, что конец 70-х годов последнего столетия был острым моментом в эволюции человечества. Очень мало людей настоящего времени сознают основную разницу в духовной жизни, наступившей в конце 70-х годов, по сравнению с предшествовавшей духовной жизнью. Человеческим существам недостает перспективы, чтобы увидеть это; так как подобная вещь становится очевидной только тогда, когда есть способность наблюдать различие с некоторого расстояния. Если человечество не хочет ожидать еще больших несчастий, — эта перспектива должна быть достигнута как можно скорее. Ибо наше время управляется странными и очень яркими противоречиями. Я опишу вам эти противоречия, и вы найдете их очень гротескными. Никогда не было в пределах истории человеческой эволюции времени столь духовного, как время, в котором мы живем, — времени, начиная с конца 70-х годов. С исторической точки зрения мы живем в самое духовное время. Однако — и это неоспоримый факт, — что люди, считающие себя духовно развитыми, верят, что наше время полностью материалистично! В том, что касается жизни, наше время не материалистично; но насколько это касается веры многих людей и ее последствий, наше время, безусловно, материалистично. Что мы имеем в виду в действительности, когда говорим: "наше время духовное"?

Рассмотрите естественнонаучные концепции нашего времени; по сравнению с ними естественнонаучные концепции мира прошлого материалистичны. Сегодня мы имеем естественнонаучную концепцию мира, которая поднимается до самых тонких, самых одухотворенных концепций. Мы увидим это, если понаблюдаем существование за пределами непосредственного физического настоящего.

Самые духовные теперешние концепции, хотя и благомеренные, означают очень мало для так называемых умерших. Но естественнонаучные концепции современности, если их продумать без предубеждений, значат для них исключительно много. Очень интересен факт, что так называемый материалистический дарвинизм воспринимается и применяется совершенно духовным образом в сфере умерших. В духовной жизни вещи представляются совсем иными, чем они выступают в часто ошибочных верованиях, являющихся следствием того, что люди переживают в теле. Что я действительно имею в виду, указывая на духовную естественнонаучность? Для того, чтобы быть способным образовать эти представления, подняться до таких мыслей, которые развиваются сегодня в отношении эволюции и т. д., необходима духовность, какой не было в предыдущие века. Гораздо легче видеть призраки и принимать их за нечто духовное, чем формировать утонченно-филигранные концепции о том, что кажется только материальным. Это приводит к тому, что человеческие существа развивают в своей душе самые одухотворенные концепции, а затем начинают отрицать их. Эти одухотворенные представления ошибочно считаются относящимися только к материальным вещам. Материалистическая интерпретация современной естественнонаучной концепции мира является ничем иным как отрицанием ее истинного характера. Она появилась из наклоности к трусости, чистой трусости! Не могут заставить себя жить с живой восприимчивостью в этих одухотворенных представлениях и овладеть этой духовностью в разреженной атмосфере, необходимой для образования чистых представлений относительно природы. Не смеют признать, что живут в духе, когда развивают эти одухотворенные концепции. Обманывают себя, говоря: эти представления относятся только к материальным вещам. Ибо это неверно, это просто самообман.

То же самое считается хорошим и в других сферах жизни. Как я указывал вам\* в публичной лекции "Откровения бессознательного в душевной жизни с духовнонаучной точки зрения", Нюрнберг, 12 февраля 1918 г (Ср. берлинскую лекцию от 21 марта с тем же названием в томе "Вещи в душе человека. Бессмертие и свобода" (ПСС, т. 67), многие художественные произведения современности выступили благодаря этим одухотворенным, утонченным чувствам, которые не существовали в искусстве, развивавшимся в прежние эпохи. Нет сомнений, что сейчас в области художественного творчества выступило много такого, что напрасно было бы искать у Рафаэля или Микеланджело. Это изменение в духовной жизни было привнесено через вполне определенное духовное событие, которое я хочу охарактеризовать сегодня с определенной точки зрения.

В начале 40-х годов девятнадцатого столетия, когда середина этого столетия еще не была полностью достигнута, Архангел Михаил постепенно поднимался из чина Архангела в чин Духа Времени. Он начал в это время проходить эволюцию,

которая позволила ему воздействовать на человеческую жизнь не только со сверхземной точки зрения, но и непосредственно с земной. Он должен был подготавливаться, чтобы спуститься самому к земле, как бы следуя за великим деянием Самого Христа Иисуса — чтобы отправная точка его была здесь, на Земле, — и действовать так с этого времени с земной точки зрения. С сороковых до семидесятых годов последнего столетия это духовное существо подготавливалось к своей задаче. Можно наблюдать, что период между сороковыми годами и 1879 г. являет знаменательную битву в той сверхземной сфере, которая граничит непосредственно с земной сферой. Это духовное существо, которое мы называем Архангелом Михаилом, должно было вести суровую битву с некоторыми противоборствующими духами. Если мы хотим понять, что действительно случилось там, мы должны рассмотреть этих противоборствующих духов.

Духовные существа, которых должен был побороть Архангел Михаил, становясь Духом Времени, всегда затрагивали жизнь и развитие человечества; в течение последнего тысячелетия, предшествовавшего середине девятнадцатого столетия, их задачей в духовном мире было создавать различия между человеческими существами. Те духовные существа, которые являются прямыми последователями Архангелов, стремятся вести человеческие существа обратно к групповой душе, распространить однотипность на все человечество. Если бы эти существа действовали одни, человечество стало бы единым недифференцированным родом, подобным роду животных, но на несколько более высоком уровне. Однако те духовные существа, против которых должен бороться принцип Михаила, имели задачей распространить различие среди людей, разделить человечество на расы и народы, вызвать все те различия, которые связаны с кровью и с нервами, темпераментом. Это должно было произойти. Их можно назвать ариманическими существами, и мы должны усвоить, что ариманический принцип был необходим в ходе эволюции человечества.

Настало время великой важности в эволюции человечества, начиная с сороковых годов девятнадцатого столетия. Настало время, когда старые различия должны исчезнуть, когда человечество, разделенное на расы, снова должно образовать единство.

Как видите, космополитические воззрения, которые, конечно, иногда превращались в космополитические лозунги, в восемнадцатом и первой половине девятнадцатого столетия явились просто отражением того, что происходило в духовном мире. В человечестве существует тенденция стирать различия, порождаемые кровью и нервами, темпераментом. Тенденцией духовных миров не является создание дальнейших различий среди человечества, но тенденцией духовных миров является влить в человечество космополитический элемент. Хотя под влиянием нашего катастрофического времени люди мало понимают это, это все же должно быть установлено как истинный факт. Если этот факт, отраженный в прошлых событиях, наблюдается в его духовном происхождении, ясновидческое наблюдение показывает, что это Дух, который должен стать Духом Времени современности, начиная с сороковых годов, борется против духов расы, духов народов, которые производят различия между людьми. То, что всегда изображалось многозначным символом, происходило здесь, хотя и на иной стадии. Символ указывает также и на другие стадии эволюции, так как события повторяются на различных стадиях эволюции, и то, о чем я говорю вам сейчас, это только повторение определенной стадии духовного свершения, которое произошло прежде на других стадиях. Это — событие, которое выражается символом Архангела Михаила, побеждающего дракона. Победа над драконом Архангела Михаила, которая означает, что противоборствующие силы были низвержены из царства, в котором правит Архангел Михаил, произошла в определенной сфере, начиная с сороковых годов последнего столетия. Некоторые духовные существа, задачей которых в духовном мире было разделение человечества на расы и народы, были низвержены с неба на землю. Эти Духовные существа, которые до сороковых годов производили эти различия между людьми, не имеют больше никакой силы в областях, граничащих с земным миром. Они были низвержены в сферу людей на землю со всем, что они могли принести с собой. Вот это духовная наука обозначает как победу Архангела Михаила над противоборствующими духами, которая произошла в конце 70-х годов, — низвержение на землю некоторых духов, сопротивляющихся ему.

Таким образом, начиная с конца семидесятых годов, начиная с 1879 г., мы

имеем две вещи: мы имеем на земле для тех, о ком можно сказать, что это люди доброй воли — если мы понимаем это выражение в правильном смысле, — проявление Духа Времени Михаила, который дает нам возможность достичь одухотворенных представлений, спиритуализированной духовной жизни. Мы имеем на земле также противоборствующих духов, которые обманывают нас, отводящая духовность настоящего времени. Если мы боремся против материализма нашего времени, мы постоянно должны отдавать себе отчет в том факте, что мы не должны бороться против того, что есть хорошего в нашем времени, но против лжи нашего времени. Так как духи, низверженные с неба на землю, это главным образом духи лживости, то, как духи препятствий, они противодействуют нам в поисках духовного в природном бытии. Если изучить те человеческие существа, которые спустились из духовного мира в земное воплощение после 1841 г. и уже умерли, можно увидеть, как эти вещи рассматриваются, так сказать, с той стороны. Тогда можно будет уточнить многое, что здесь, в физическом мире, очень трудно прозреть.

Видите ли, в начале XX столетия постепенно становится ясно, как необходимо снова указать на различные сферы деятельности духа в жизни; и те, кто привлекали внимание к этому факту, были человеческие существа, которые после 1848 г. — точнее после 1840 г. — принимали участие в тяжелой битве, которую вел Архангел Михаил в духовном мире и которая завершилась в 1879 г. низвержением противоборствующих духов в земную жизнь, где они сейчас находятся среди человеческих существ. В битве Архангела Михаила принимают участие те, кто восстает против этих духов и пытается изгнать их с поля их действия.

Существует определенный закон, который гласит, что с любого пункта эволюция может быть прослежена в двух направлениях: как назад, так и вперед. Если мы сконцентрируем наше внимание на любой точке исторического развития человечества, мы можем сказать: "В этой точке времени случилось то-то и то-то". С ходом времени могут быть наблюдаемы наступающие события; но время также может быть наблюдаемо и в обратном направлении. Мы можем пойти назад от 1879 г. в 1878, 1877, 60-е, 50-е годы и т. д. и можем тогда наблюдать в духовном мире ретроспективно. Тогда представляется следующее: в глубинных структурах происходящих событий мы можем обнаружить повторение того, что им предшествовало. Если выражать нечто великое простым языком, оно может звучать слегка тривиально. Но я буду говорить просто. Если мы рассматриваем 1879 г., мы можем продвинуться к 1880 г. или вернуться к 1878 г. и заметим в глубочайшем духовном строении этого года, что то, что происходило в 1879 г., еще не активно внутри него; позади событий 1880 г. стоят активные силы событий 1878 г. А позади событий 1881 г. стоят, как активные силы, события 1877 г. Это так, как если бы, чем дальше идешь вспять, линия времени оборачивается, и события, которые лежат дальше вспять относительно тех, что начиная с определенного пункта времени идут вперед, стоят за ними. Многое может стать понятным, если мы постигнем эти вещи.

Теперь я прошу вас вспомнить, что я уже много лет назад говорил вам о 1879 г.\*  
*\*См., в частности, "Духовные подосновы внешнего мира. Низвержение духов тьмы". (ПСС, т. 177)., а не только после 1914 г., что мало бы стоило; это очень важно, мои дорогие друзья, я прошу вас сделать вместе со мной простые вычисления. Считайте назад от 1879 г. Считайте назад к году, который я часто обозначал вам как другую границу. Я всегда сообщал, что битва, о которой я теперь говорю, началась в начале сороковых годов, около 1840—1841 гг. Считайте назад: 1879, 1869, 1859, 1849 и еще восемь или девять лет; будет 38 или 39 лет. Теперь считайте вперед: 1879, 1889, 1899, 1909, 1914 и прямо в наши дни (1918 г.), и вы также будете иметь 38 Или 39 лет. Если вы отметите 1917 г., вы получите удивительный результат. Вы поймете глубокое значение заявления оккультистов, что, отправляясь от решающего исторического события, вы найдете предшествовавшее духовное событие повторенным в последующем.*

Позади земных событий наших дней стоят духовные события, начавшиеся в сороковые годы и которые мы обозначали как битву Архангела Михаила с противодействующими духами. Эти события стоят позади событий сегодняшнего дня. Мы имеем сегодня повторение того, что происходило в начале сороковых годов. Вы можете себе представить, как совершенно иначе выглядят события нашего времени, если обращать внимание на этот закон. Развивается глубокое понимание событий, которые иначе проходят незамеченными, не проникают в душу. Приходит понимание, что битва Архангела Михаила с противодействующими силами, до

известной степени, вернулась к своей отправной точке.

Вообще, очень трудно говорить современным людям об их глубочайших взаимосвязях, потому что они яростно сбрасывают все, что могло бы помочь им понять настоящее время и дать возможность действовать правильным образом. Необходимо сегодня действовать правильным образом. Необходимо сегодня избавиться от старых предубеждений и сознательно понимать факты. Ибо здесь, на физическом плане, случаются вещи, природа которых значительно более духовна, чем события вообще. Это связано с нисхождением Архангела Михаила в нашу земную область. Многие люди говорят об этом нисхождении. Но если их серьезно призывают признать этот факт в его истинной основе, они не слушают, не хотят слушать. Однако это исключительно необходимо, чтобы духовное понимание самых важных импульсов нашего времени охватило как можно более широкие круги наших современников. Поэтому было очень важно годами в ходе наших встреч привлекать внимание к необходимости не пропустить поток событий, на которые в наше время так сильно влияет дух. Просыпать события — характерная черта нашего времени. Люди проходят мимо событий как спящие, и, можно сказать, что чем острее, чем более значительно событие, которое вступает на физический план, тем более человеческие существа просыпают его. События марта 1917 г. — если я могу указать конкретный факт\*25 марта 1917 г. в России началась революция, которая привела в к учреждению Советской республики., — имели потрясающее значение и вызовут последствия такой огромной важности, которая даже не снилась сегодня человечеству; просто поистине невероятно, как мало понимания существует среди людей о необходимости пересмотра их суждений, полного пересмотра всего, во что [верили до 1914 г.

Поэтому поводу я позволю указать себе на факт, что в 1910 г. я прочел ряд лекций в Христиании относительно европейских народов\*\*\**Миссия отдельных душ народов в связи с северогерманской «фологией» (ПСС, т 121)*. В первых же лекциях вы можете прочесть, что человеческие существа скоро будут призваны к пониманию отношений душ европейских народов. Многократно подчеркивалось в наших лекциях следующее: | обратите ваш пристальный взгляд на соседний Восток; то, что происходит там, важно для человеческой эволюции. | Как часто это говорилось! Каждый из моих слушателей слышал это. И весной 1914 г. в цикле лекций в Вене о «ни между смертью и новым рождением\*\*\*\**Внутреннее существо человека и жизнь между смертью и возрождением» (ПСС, т 153)* я осмелился сделать настойчивое заявление, что социальная жизнь нашего времени может быть сравнима с особой формой заболевания, а именно с раковым заболеванием; я утверждал, подкрадывающееся раковое заболевание пронизывает официальную жизнь. Естественно, при нынешней ситуации, те вещи не могут формулироваться иначе; но они должны быть поняты.

Мы не должны думать об исторических событиях как о следующих одно за другим, в непрерывной последовательности, как воображают это историки. Они верят, что более позднее событие развивается из предшествовавшего и т. д. Предубеждение, которое утверждает, что последующее развивается самым спокойным образом из предыдущего, мы оставим тем, кто не имеет чувства реальности, которое ощущается в наличии у антропософа. Мы можем оставить это предубеждение политикам. Реальность, однако, совершенно отлична. Мы должны думать о ходе событий, как о паре чашек колеблющихся весов, коромысло которых опускается сначала в правую сторону, потом в левую. Поэтому время с начала 40-х годов характеризуется следующим образом. Существовали великие возможности, если бы только была сделана попытка в течение периода от 1840 г. до 1914 г. — 1879 г. делит этот период на две части — подготовить соответствующим образом одухотворение человечества, к чему стремился Архангел Михаил; если бы была сделана попытка в большем масштабе вдохнуть в человечество духовные представления, духовные идеи. Однако современное человечество должно зависеть только от своей свободной воли; и, если человечество своим собственным волеием не в состоянии овладеть подобными возможностями, то коромысло весов опускается в другую сторону. То, что могло быть достигнуто на духовном пути, теперь осуществляется через потоки крови. То, что мы испытываем в наше катастрофическое время, — это выравнивание чашек весов. Человечество, которое отбросило одухотворение, должно быть принуждено принять его. Это может случиться через физическую катастрофу.

Эта идея может быть проверена, если мы укрепимся на следующем твердом основании. Мы живем здесь, в этом физическом мире но, собственно, бодрствуем

только благодаря нашим восприятиям и нашим понятиям, как я описал вам это два дня назад; нам снятся наши чувствования и мы спим в отношении наших волевых импульсов. Это само собой разумеется для человека. Но если посредством имитации, инспирации и интуиции мы вживаемся в духовный мир, который всегда окружает нас, как воздух, и в котором существуют так называемые умершие совместно с нами, в котором деятельны их импульсы, тогда мы постигаем, как жизнь здесь, в физическом мире, связана с жизнью так называемых умерших. Умершие в состоянии получать от человеческих сердец только духовные мысли.

Вспомните, что я говорил в прошлой лекции. Я сказал: если человеческое существо умирает в юности, то оно, в духовном смысле, не покидает совершенно своей семьи; оно в действительности остается здесь. Нечто очень важное для умерших связано с этим, и я прошу вас принять это очень серьезно, так как для ушедшего это не простой вопрос бытия здесь. Для него это вопрос возможности переносить это существование. Если умершая личность присутствует в материалистически настроенной семье, которая не культивирует духовных мыслей, она постоянно подавлена и угнетена; семья представляет для нее кошмар, сравнимый с ночным кошмаром, который мы испытываем когда задыхаемся. Только духовные мысли тех, с кем он остался, могут помочь умершему освободиться от этого кошмара и сделать сносной его жизнь среди них.

И снова я говорю вам: если более старый человек отрывается от семьи, то он берет их души с собой — в некотором смысле. Он берет их с собой; но если они не пронизаны духовными мыслями, то они подобным же образом составляют кошмар для него.

Теперь рассмотрим следующее: мы можем научиться необыкновенно многому, если будем наблюдать внезапную смерть человеческого существа, причиненную внешними или аномальными внутренними условиями. Например, если человек убит или застрелен. В таком случае смерть вызывается путем, совершенно отличным от натурального умирания вследствие болезни. Вообразите следующий случай: человеческое существо застрелено в тридцатипятилетнем возрасте; его жизнь разрушена благодаря внешним обстоятельствам. Если бы пуля не поразила его (безусловно, существуют кармические связи, но то, что я собираюсь сказать, тем не менее справедливо), организм этого человека позволил бы ему прожить еще тридцать пять лет. Он имел конституцию еще для других тридцати пяти лет. А это дает совершенно определенный результат.

Мои дорогие друзья, если человеческое существо умирает насильственно, когда его жизненные силы еще особенно активны, оно переживает в момент смерти потрясающе мучительно. Оно переживает, сжатыми в одно мгновение, вещи, которые должны были развернуться в большой период времени. То, что он должен был пережить в течение следующих тридцати пяти лет, он теперь переживает в одно мгновение. Ибо, наиважнейшим переживанием в час смерти является следующее: человеческое существо действительно видит свое тело извне; видит превращение, через которое то проходит; видит, что лишается контроля над силами, которыми оно обладало, когда душа пребывала в теле, и что теперь его тело становится элементом природы, отданным природным силам, внешним физическим силам. Потрясающе знаменательным переживанием в момент смерти является то, что человеческое существо созерцает отдачу своего организма физическим силам мира природы. Если человеческое существо пострадало от насильственной смерти, оно внезапно не только освобождается от нормальных природных сил, но попавшая пуля превращает его организм в неорганическое безжизненное тело; оно теперь полностью передано неорганическому миру. Большая разница существует между смертью через продолжительную болезнь и внезапной смертью через вмешательство внешнего мира в человеческий организм, будь это в форме пули или в какой-либо другой. В этот момент налицо внезапная вспышка, воспламенение безпредельного количества духовности. Имеет место воспламенение духовной ауры, и прошедший через врата смерти, оборачиваясь, видит это воспламенение. Это воспламенение очень похоже на событие, которое происходит, когда человеческое существо отдает себя духовным представлениям. Это равнозначные ценности, мои дорогие друзья. Чрезвычайно интересно видеть, как сходна созерцаемая с той стороны умерших, идея, прочувствованная идея созерцателя или творца художественного произведения, как рожденной духовной жизнью, с тем ощущением человека (который, конечно, не сознает этого), страдающего от

внешнего ранения, скажем, руки, когда рана причиняет боль. Здесь имеется большая связь между двумя событиями; одно может занять место другого.

Теперь вы уясните кармическую связь между двумя событиями. Конечно, довольно большое количество людей знало "аспект звезд", когда приблизились сороковые годы девятнадцатого столетия. Когда оккультисты хотели начать такое событие как битва Архангела Михаила с драконом они употребляли техническое выражение: "Это — аспект звезд". В то время существовало довольно много людей, которые знали, что происходит подобное значительное событие. Были такие, которые хотели принять меры предосторожности, но одна чаша весов была слишком тяжела: материалистические наклонности были слишком сильны у людей. И прибегли к тому, что оказалось наихудшим средством. Люди, которые понимали знамения времени, полностью сознавали, что духовная жизнь должна войти в человечество. Если бы эта духовная жизнь вступила в человечество с начала 40-х годов, человечество было бы избавлено от многих катастроф. То, что должно было произойти, произошло бы, но в другой форме. То, что кармически необходимо — происходит; но оно может произойти в разнообразных формах. Это всегда надо держать в уме.

Я выражусь более ясно. Существует два вида мышления относительно того, что должно происходить в социальной сфере или любой другой. Мы можем представить программу, сформулировать тезисы представления, мы можем придумать, как будет мир развиваться в той или иной области; это может быть представлено в прекрасных словах. Мы можем клясться этими словами, принять их как догмы, но ничего в результате не произойдет из них, — совершенно Ничего! Мы можем иметь самые великолепные идеи о том, что должно случиться, но ничего не получится из них. Идеи, как бы они ни были прекрасны, не ведут ни к чему, а продуманные программы, — самая никчемная вещь в жизни. В противоположность этому мы можем сделать что-то другое, и многие люди делают это без какого-либо специально развитого ясновидения. Мы можем просто благодаря безыскусному, интуитивному знанию условий времени, спросить себя: что неминуемо произойдет в ближайшие двадцать или тридцать лет? Что заложено в нашем времени, что стремится стать реальностью? И если нащупают то, что должно неизбежно произойти, тогда можно сказать себе: теперь мы можем выбирать. Люди могут взяться за ум и вести ход событий в направлении, в котором он шел бы в любом случае. Или они спят, и им не удастся сделать этого, и они просто позволят событиям течь своим путем: в этом случае то, что должно произойти, осуществится путем катастроф, революций и катаклизмов. Никакая статистика, никакие программы, как бы они ни были хорошо придуманы, не имеют никакой цены. Ценность имеет только то, что заложено в лоне времени. Это должно быть осознано нами; этим должны укрощаться уклоны современности.

В 40-е годы последнего столетия многие люди, придерживающиеся программ, одержали победу над немногими, которые понимали то, что я только что изложил. Отсюда возникли различные попытки одухотворения человечества; спиритизм, например, был одной из них: это было попыткой одухотворить и реформировать человечество негодными средствами — раскрыть духовный мир материалистически. Даже наше мышление может быть материалистичным. Эта материалистическая мысль говорит: та или эта определенная группа человечества права, — почему же духовные силы не вмешиваются и не помогают им? Как часто слышим мы сегодня людей, говорящих: почему не вмешиваются духовные силы? Я дал ответ на это в более абстрактной форме: человечество должно сегодня полагаться на собственную свободу. Те, кто спрашивают: почему духовные силы не вмешиваются?, — исходят из предположения, что вместо людей призраки должны делать политику. Безусловно, это был бы очень легко достижимый прогресс, если бы вместо человеческих существ духи проводили бы необходимые реформы. А они этого, конечно, не делают, так как человеческие существа должны опираться на свою свободу. Надежда на помощь от духов — вот что сбивает с толку человеческие существа; она отвлекает их внимание от того, что должно происходить. Таким образом, тот период в жизни человечества, когда постепенно развивались утонченные духовные представления, был как раз тем временем, когда человечество было подвергнуто сильнейшим материалистическим искушениям. Человеческие существа были просто не в состоянии почувствовать различие между утонченными одухотворенными представлениями и ощущениями, с одной стороны, и тем, что, с

другой стороны, подступало к ним как искушение и противодействие овладению одними творенными элементами внутри них самих. Именно поэтому, что люди не поняли в должное время, как должно происходить развитие, сделался необходимым наш катастрофический век, наши нынешние трудные времена. Без современных тяжелых испытаний человечество погрузилось бы еще глубже в сомнения в себе. Оно бы еще сильнее пришло к отвержению духовного — именно чтобы это духовное развивать.

Эта часть заднего плана, кулис исторического развития. Я очень хотел бы исходя из этого осветить многое, находящееся на переднем плане; но увы по понятным причинам это не может быть сделано в наше время. Я должен представить каждому лично осветить для себя то, что живет в нашем непосредственном настоящем, рассматриваемом со стороны заднего плана, который я только что описал.

Вот видите, мои дорогие друзья, проспать события, которые я характеризовал, значит проглядеть острые углы и контуры жизни. Но если мы проглядим острые углы и контуры жизни, возникают компромиссы. Бывают времена, подходящие для компромиссов. Время, предшествовавшее сороковым годам девятнадцатого столетия, было таким; но это неверно для нашего времени. Наше время требует, чтобы мы видели вещи как они есть: со всеми их углами и контурами, в резком рельефе; но это побуждает человеческую душу — именно, по причине наличия этих острых углов и контуров — сонно закрыть на них глаза. То, что я только что сказал, замечается и в отношении величайшего, значительнейшего события в человеческой эволюции.

В отношении величайшего события мирового развития происшедшая эволюция как раз выдвинула эти острые углы и контуры. Действительно, даже в отношении величайшего события мирового развития — Мистерии Голгофы! Мы знаем все толкования, которые делались в ходе теологического развития девятнадцатого столетия в отношении Мистерии Голгофы. С момента, когда Лессинг\**Готтхольд Эфраим Лессинг (1729—1781) — говорил о христианстве в своих теологических сочинениях и статье "Воспитание рода человеческого". начал говорить о Мистерии Голгофы, вплоть до теолога Дрекса\*\**Артур Дрекс (1865—1935) - отрицал историчность Иисуса Христа. Его "Миф о Христе" в 2х томах появился 1909 — 1911 годах. в отношении ее говорилось самое разное. И можно сказать, что люди совершенно забыли, как следует понимать Мистерию Голгофы. Было несколько очень интересных публикаций, касающихся Христа Иисуса. Действительно, чрезвычайно интересных публикаций! Возьмите, например, датскую\*\*\**Например, Ое Боозкеп (Доктор Георг Ломер) "Иисус Христос глазами психиатра", Бамберг, 1905 г. Датская публикация: Эмиль Рас-муссен "Иисус. Сравнительный психопатологический этюд". Лейпциг. 1905 г.. Эта датская публикация написана полностью с точки зрения естественнонаучного мышления. Автор утверждает: я — психолог, физиолог и психиатр; и я исследую Евангелия с этой точки зрения. И к каким заключениям он приходит? Советенно основательно, в смысле современного психиатрического суждения, он приходит к следующему: образ Христа Иисуса, Который обрисован в Евангелиях, является патологическим. Мы можем представить себе Христа Иисуса только как лицо, страдающее безумием, эпилепсией, патологическими видениями и тому подобными состояниями; он обладает всеми симптомами серьезной психической болезнью. — Когда прочтешь людям самые важные места этой книги, как я недавно это сделал\**В лекции от 24 декабря 1917 г. в Дорнахе (в " Мистериальных истинах и Рождественских импульсах" ПСС, т. 180)., то они ужасаются. И это понятно; люди ужасаются, когда то, что они почитают Священным, описывается как патологический случай. Но как бы реальные факты, стоящие за этим? — Факты, мои дорогие друзья, следующие: Из большого числа нечестных флпашателей выдвигается один, кто основывается полностью на естественнонаучной точке зрения; он не идет ни на какие компромиссы, а утверждает: я — ученый, потому я должен говорить так, как я это делаю; потому что таковы факты.****

Если люди честно встанут на точку зрения естественной науки, они должны будут держаться подобных взглядов. Здесь как раз налицо те острые углы и контуры, которых они не могут избежать. И избежать их невозможно иначе, как: либо оставить естественнонаучную точку зрения и встать на духовнонаучную — тогда тоже остаться честным; либо же можно оставаться честным на естественнонаучных позициях, тогда надо действовать без компромиссов, как размышляет такой недалекий, но честный в своей области человек, который всего лишь полностью ограничен, но свою ограниченность не маскирует, ограничен, но последователен. Надо встать на эту точку зрения. Когда увидят, что делает сегодня необходимым

многие нюансы, когда это ясно выступит, тогда впервые вы увидите жизнь без компромиссов.

Кто-то передал недавно мне занятую записку со ссылкой на книгу, которая уже известна мне, но так как у меня нет здесь с собой книги, я прочту вам только то, что написано в этой записке. То, что подобная записка попала мне в руки, свидетельствует о том, что сегодня все возможно.

"Каждый, кто сидел на гимназической скамье, помнит незабываемые часы, когда он должен был "наслаждаться", изучая Платона, беседами Сократа с его друзьями. Незабываемыми по причине невероятной скуки, которая порождается этими беседами. Он может быть вспомнит, что эти беседы поразили его как исключительно глупые; но, конечно, он не смел высказать такое мнение, так как ведь человек, о котором шла речь, был Сократ — величайший философ. — Книга Александра Мошковского\**Александр Мошковский (1851 — 1934) — известен больше как писатель-юморист. С 1886 г., редактор "Веселых страниц". Книга "Сократ — идиот" появилась в 1917 г. в Берлине. "Сократ — идиот" полностью разделяется с неоправданным превознесением доброго афинянина. В этой небольшой занимательной написанной книге Мошковский берет на себя задачу полностью лишить Сократа его философской славы. Заглавие "Сократ - идиот" должно быть понято буквально. Мы не ошибемся, предполагая, что эта книга вызовет научные споры."*

Вы, может быть, подумаете, как это ужасно, что пишу подобные вещи. Но я совсем не нахожу это ужасным. Я нахожу это самоочевидным и вполне честным со стороны Мошковского; ибо в соответствии с его идеями и чувствами он не мог сделать иначе, если хотел оставаться последовательным, как назвать Сократа идиотом. Делая это, он более честен, чем многие другие, которые, придерживаясь своих взглядов, должны были бы так же назвать Сократа идиотом, но вместо этого предпочитают компромисс. Я думаю, что мне не нужно говорить, мои дорогие друзья, что вам не следует, выйдя, сейчас же распространять новость, что я солидарен с Мошковским, когда он объявляет Сократа идиотом. Я надеюсь, что вы понимаете что я действительно имел в виду.

Но я должен признать тот факт, что люди в наше время приходят к некоторым суждениям потому, что они прибегают к нечестным компромиссам. Невозможно думать о душевной патологии, как современные психиатры и не написать книгу, подобную книге датского автора, касающейся Христа Иисуса. Этого невозможно не сделать. Честность требует или отбросить эти представления и заменить их духовными, или принять точку зрения, что Христос Иисус был психически больной. Если ознакомиться со взглядами подобных людей, если знать мнение Мошковского относительно строения всей вселенной, его специфические взгляды на теорию радиации и теорию квантов, можно понять, почему он, если хочет остаться честным и последовательным, должен считать Сократа, а также и Платона идиотами. Что особенно необходимо для человечества — это отбросить компромиссы. Человеческие существа не должны допускать компромиссы, по крайней мере в своих душах. Очень важно рассматривать это как требование нашего века, так как к наиболее значительным импульсам Духа Времени Михаила относится прививка ясности, безусловной ясности в души людей. Если хотят следовать за Архангелом Михаилом, необходимо вливать ясность в человеческие души, преодолеть сонливость. Эта сонливость возникает в других сферах тоже, но больше всего сегодня необходимо делать ясные выводы из вещей. В предшествовавшие эпохи это было иначе. В течение столетий до эпохи Михаила, когда еврейское человечество управлялось Архангелом Гавриилом, компромиссы, которые человечество допускало в своем мнении, смягчались влиянием духовного мира. Михаил — это Дух, который занимается свободой человека в самом высоком смысле. Так что Михаил делает правильно. Вы не должны думать, что Михаил делает не так, — он делает правильно. В бессознательных областях души каждого человеческого существа сегодня резко очерчены каждый косяк и угол духовной жизни. Это — здесь. Тот, кто вообще способен извлечь на поверхность то, что существует в глубинах душевной жизни как скрытое видение знает, что живет сегодня в душах за противоречиями и бессвязными фактами. Он знает, что в душах бок о бок живут современная материалистическая психиатрия, у которой хватает духа увидеть эпилептика в Христе Иисусе, и все же признание Христа Иисуса. Каждому, кто вообще способен поднять эти Вещи в сознание, становятся ясны эти факты. Было бы интересно, если бы хороший художник, с истинным пони-Манием нашего времени,

написал бы "Христос глазами современного психиатра", изобразив это импрессионистиче[01К]и. Результат был бы очень интересен, если бы художник имел истинное понимание того, что происходит в настоящее время в глубинах жизни человеческой души.

Видите ли, в наше время мы должны копать глубже, если хотим овладеть тем, что происходит на поверхности существования. Но надо понимать, с другой стороны, что люди поддаются некоторой трусости и упадку духа, когда они должны приближаться к указанным вопросам. Вот др[01F]е качество, необходимое сегодня: смелость, даже некот[01P]ая дерзость в восприятии, в мышлении — дерзость, кот[01P]ая не должна притуплять наши идеи, но делать их макс[01M]имально острыми. Все, что было сказано сегодня, может быть найдено вами во внешних событиях; духовный иссл[01D]ователь просто описывает их более точно, потому что он видит изнанку событий. И если духовный исследователь описывает затем эту изнанку", то внешние события еще более подкрепляют, например, то, на что было указано сегодня.

Многие люди спрашивают: "Что я должен делать?" Это так очевидно, что должен делать каждый! Каждый должен открыть свои глаза, духовные глаза, конечно. И если каж[01Д]ый откроет глаза — воля последует. Воля зависит от о[01E]гоятельств нашей жизни. Не всегда возможно в особых обстоятельствах каждого, в соответствии с его кармой, о[01B]ершать верные поступки, но каждый должен стараться духовно прозреть. Сегодня, однако, часто случается след[01K]ущее. Если пытаются сообщить людям в словах то, что необходимо для нашей эпохи, они быстро закрывают свои глаза, затем быстро отворачивают от этого и свой ум; это есть опускание чаши весов в другую сторону.

То, что я говорю здесь, может легко показаться крит[01К]ой нашего времени, но это не было моим намерением. Моей целью было привлечь внимание к импульсам, кот[01P]ые должны вступить в человеческие души, в человеческие умы из духовного мира, если мы хотим подняться над кат[01E]грофическим временем, в котором мы живем. Как я уже заявил, в конкретные детали входить невозможно. Каждый должен сделать это сам для себя.